

ФИЛОСОФСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

СЕРИЯ «ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ НАУКИ»

Киев
«Центр учебной литературы»
2011

УДК 125
Ф 56

*Издано при содействии
российского научно-образовательного учреждения ИрлЕМ
(Институт ритмологии Евдокии Марченко)*

Философские, политические и социально-психологические аспекты проблемы
Ф 56 времени. Сборник научных статей. – К. Центр учебной литературы, 2011. — 192 с.

ISBN 978-611-01-0347-3

В сборник вошли результаты научных исследований победителей Международного конкурса для студентов и аспирантов, проведенного в рамках проекта «Время в зеркале науки». Статьи молодых российских и украинских исследователей посвящены гуманитарным аспектам проблемы времени.

УДК 125

ISBN 978-611-01-0347-3

© Серия «Время в зеркале науки» 2011.

Содержание

<i>Вступление</i>	5
<i>Философские аспекты проблемы времени</i>	11
Дробович А.Э. Вечность в модусах темпоральности: попытка мировоззренческой аналитики	12
Ильин И.В. Власть времени. Бренд как микрополитика капитала. . .	25
Кушов И.А. Временная структура жизнедеятельности	37
Плешков А.А. Понятие AION в древнегреческой философии: концепция полноты бытия-времени	47
Сушкевич Т.А. Трансформация категории времени в романах П. Загребельного о Киевской Руси	63
<i>Политические аспекты проблемы времени</i>	74
Андрущенко М.А., Багинский А.В. Начала кайрополитики: темпоральный квадрат, турбулентность, воронка причинности.	75
Бульдович П.В. Формы времени в политической коммуникации. . .	88
Прокопчук Д.В. Политическое значение жизненного времени человека.	102
Сычева А.А. «Текучесть» времени в политике Украины и РФ: вертикальное и горизонтальное измерения	112
<i>Социально-психологические аспекты проблемы времени</i>	123
Дейнеко А.А. «Время в сети» как альтернатива социального времени в условиях тотальной интернетизации: от времени-в-сети ко времени-для-сети	124

Колотыркина Ю.В. Взаимосвязь типа депрессивных расстройств со спецификой проживания экзистенциальной данности непрерывности течения времени и конечности бытия	140
Куц М.Ю. Одноразовость как вызов однообразию: темпоральный подтекст	150
Шевелев Е.Г. Увидеть время: конструирование представления о времени в визуальных практиках	160
Шелякина Е.К. Разработка интегральной эмпирической модели временной перспективы	171

Вступление

Уважаемые коллеги!

Вы держите в руках сборник научных работ, который посвящен философским, политическим и социально-психологическим аспектам феномена времени. В него вошли статьи молодых российских и украинских исследователей — победителей Международного конкурса для студентов и аспирантов, который летом-осенью 2011 года был проведен в рамках проекта «Время в зеркале науки». Этот научный проект успешно реализуется в Украине с 2010 года по инициативе российского негосударственного научно-образовательного учреждения ИрлЕМ — Института ритмологии Евдокии Марченко.

Институт ритмологии Евдокии Марченко уже не первый год занимается научным исследованием феномена времени, его восприятия человеком. Результаты научных исследований специалистов ИрлЕМ уникальны, ведь они позволяют человеку управлять временем. Именно с целью поделиться своими открытиями в этой области, а также объединить специалистов по проблеме времени в поисках новых форм интерпретации этого феномена Институтом ритмологии было инициировано проведение ряда научных конкурсов по изучению времени. Инициатива ИрлЕМ воплотилась в успешный и плодотворный научный проект.

«Время в зеркале науки» в довольно короткие сроки приобрел широкую известность среди научной общественности Украины как проект, который объединил в своих рамках исследования различных социально-гуманитарных аспектов проблемы времени — а значит, очертил общую научную проблему для философов, политологов, психологов, социологов, историков, экономистов и поставил вопрос о решении актуальных задач этой проблемы.

Участие в Международном молодёжном конкурсе, который проводился в 2011 году, приняли около ста студентов и аспирантов из Украины, России и Киргизии. На конкурс прислали свои работы о времени молодые исследователи из Киева, Москвы, Воронежа, Днепропетровска, Ростова-на-Дону, Львова, Челябинска, Черновиов, Екатеринбурга, Ивано-Франковска, Омска, Уфы, Луцка, Улан-Удэ, Саратова, Одессы, Волгограда, Харькова, Брянска, Острога, Белгорода,

Житомира, Донецка, Новосибирска, Луганска, Нижнего Новгорода, Бишкека, Красноярска, Чернигова, Томска, Краснодар, Магадана и т.д. Экспертной комиссии по оцениванию конкурсных работ, в состав которой входили ученые, специалисты по проблеме времени из Украины и России, было очень сложно выбрать для награждения лучшие статьи, ведь уровень научной подготовки участников конкурса оказался более чем высоким.

В каждом из трёх направлений конкурса были определены победители. Так, в направлении «Философские аспекты проблемы времени» первое место завоевал **Илья Ильин**, студент философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, второе — **Алексей Плешков**, студент философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), третье — **Антон Дробович**, аспирант Института философского образования и науки Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (г. Киев), и поощрительные премии — **Игорь Кушов**, студент факультета менеджмента Государственного университета информационно-коммуникационных технологий (г. Киев), а также **Татьяна Сушкевич**, аспирантка Института филологии и журналистики Житомирского государственного университета имени Ивана Франко.

Победителями конкурса в направлении «Политические аспекты проблемы времени» стали: **Дмитрий Прокопчук**, студент факультета журналистики Национального университета «Киево-Могилянская академия» — первое место, **Андрей Багинский**, **Максим Андрущенко**, аспиранты философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко — второе место, **Павел Бульдович**, студент философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко — третье место, и **Анастасия Сычева** — аспирантка исторического факультета Донецкого национального университета — поощрительная премия.

В конкурсном направлении «Социально-психологические аспекты проблемы времени» также были определены призёры: победительницей стала **Елизавета Шелякина**, студентка факультета психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), второе и третье место завоевали студентки социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина соответственно **Мирослава Куй** и **Александра Дейнеко**, а поощрительные премии достались **Юлии Колотыркиной**, аспирантке факультета клинической психологии Московского государственного медикостоматологического университета и **Егору Шевелеву**, аспиранту факультета психологии Южно-Российского гуманитарного института (г. Ростов-на-Дону).

Анализ всех представленных на Международный конкурс работ показал, что проблема времени сегодня является всё ещё малоизученным научным феноменом и требует переосмысления многих ее аспектов. В частности, тематика конкурсных статей продемонстрировала, что в диапазон исследовательских интересов современной учащейся молодежи попали как остроактуальные аспекты проблемы времени, так и такие, которые до сих пор практические не затрагивались в междисциплинарных исследованиях.

На конкурс было подано много интересных научных статей, посвященных таким философским аспектам проблемы как: время повседневное и праздничное; восприятие времени в творчестве; вопрос вневременности любви; диалектика времени в теоретическом познании; отображение понятий «время» и «вневременное» в изобразительном искусстве; необратимость времени; модель временного процесса и др. Особо следует отметить работы победителей конкурса в философском направлении, которые отличаются высоким научным уровнем и инновационностью.

Так, исследование «Власть времени. Бренд как микрополитика капитала», автором которого является Илья Ильин, разрешает концептуальный конфликт темпоральностей власти и самоидентичности. Ощущение времени становится важным фактором жизнедеятельности человека, утверждение его как субъекта темпорализации.

К научным достижениям следует отнести вывод, раскрытый в статье призера конкурса Алексея Плешкова «Понятие АΙΟΝ в древнегреческой философии: концепция полноты бытия-времени» о том, что время — это не априорная характеристика мира, индифферентная к протекающим в мире процессам, но и непосредственная часть каждой конкретной жизни. Представленный автором глубокий герменевтический анализ понятия αἰὼν репрезентирует возможности видеть время как постоянную конструкцию времени. Это выводит на качественно новую проблематику функционирования времени в дискурсе власти.

Работа Антона Дробовича «Вечность в модусах темпоральности: попытка мировоззренческой аналитики» является успешной попыткой анализа трансформации моделей восприятия времени и определения того, как повлияла десакрализация и обесценивание понятия «вечность» на мировоззрение современного человека. Выражение времени через пространство, по мнению автора, ведет к упрощению объяснения картины мира. В свою очередь, пространственное восприятие времени приводит к тому, что темпоральный вектор теряет инфинитивные характеристики (связанные с вечностью) и подменяется иллюзией воспринимаемости и понятности.

Таким образом, решение проблем осмысления феномена внутренней длительности, историчности сознания в ее связи со структурой понимания времени, соотношение временных модусов в структуре жизнедеятельности обеспечивает открытость философии для междисциплинарных рефлексий.

По направлению «Политические аспекты проблемы времени» в адрес оргкомитета конкурса поступило 17 работ, тематика которых охватывает самые разнообразные вопросы времени: политическое значение жизненного времени человека; методологические аспекты исследования времени — вопросы кайрополитики; формы времени в политической коммуникации; компаративный анализ «текучести» времени в разных обществах; особенности познания политической реальности категориями времени; событийное время политики; политико-временном характеристики моделей и типов гендерного равенства и др.

Трудно не согласиться с мнением призёра конкурса Дмитрия Прокочука (работа «Политическое значение жизненного времени человека») о том, что очень важно понимать политическое значение жизненного времени современного человека. Недооценка такого значения приводит к упрощению манипулированием обществом со стороны политиков.

Кроме того, политика вплотную граничит с социальной сферой. Поэтому особенно интересна тема политического времени в контексте социального времени, в которой показано, что динамика политического времени, его «текучесть», явно отражает динамику и «текучесть» жизни общества в целом. Эту проблему поднимает в своей работе ««Текучесть» времени в политике Украины и РФ: вертикальное и горизонтальное измерения» Анастасия Сычева.

Максим Андрущенко и Андрей Багинский в своей статье используют термины, являющиеся новыми для отечественной науки: «хронополитика», «кайрополитика», «темпоральный квадрат», «турбулентность мировой политики», «мёбис-веб управление», «воронка причинности». Авторы комплексно рассматривают пример Украины, дают обширную характеристику ее политической системе на макро-, мезо- и микроуровне, обобщают полученные результаты в общее описание темпоральных особенностей страны.

Заслуживает внимания обращение сразу нескольких авторов к сравнительной тематике политического времени обществ с их социальными вопросами и возможностями ответов на эти вопросы. Например, с «ускорением» времени, возникает и больше требований к обществу, к его участникам. А хаотичное восприятие собственных временных представлений отнюдь не упрощает, а только усложняет пребывание человека в современном обществе! Значит,

важно не попасть в «яму культурной травмы», иначе «жизнь по привычке» никогда не позволит выбраться из цивилизационных заворков.

Наиболее обширной и непредсказуемой оказалась тематика работ, представленных в направлении «Социально-психологические аспекты проблемы времени». Среди наиболее популярных у учащейся молодежи тенденций можно выделить, в первую очередь, проблему времени и человека в информационном обществе. Здесь и «виртуальность», и «одноразовость», и влияние СМИ. С другой стороны, молодых исследователей волнует вопрос управления временем и его оптимального использования в жизнедеятельности. Обратим внимание и на заинтересованность проблемой связи представлений о времени с различными сферами культуры — науки, искусства, религии. Здесь и феномены переживания времени в контексте восприятия архитектуры, литературы, геологии.

Работы же призеров конкурса в этом направлении могут быть условно разделены на две группы: исследования, раскрывающие фундаментальные аспекты психологического времени, и работы, отражающие относительно новые феномены во временном опыте человека.

В исследовании «Разработка интегральной эмпирической модели временной перспективы» победительницы конкурса Е.Шелякиной предложена интегральная модель временной перспективы, которая отличается от традиционного выделения прошлого, настоящего и будущего более глубоко проработанной многокомпонентностью. В ней выделены функции, свойства, структурные компоненты и динамичность временной перспективы, что в целом представляет собой новую концепцию временной перспективы. Опираясь на предложенную модель, автор разрабатывает опросник для измерения эмоциональной и когнитивной компонент временной перспективы, который имеет более широкие возможности, чем известный опросник Ф.Зимбардо (ZTPI). Очевидно, что предложенный авторский опросник далеко не исчерпывает возможности интегральной модели, потому она вполне могла бы стать основой для дальнейшей разработки нового психометрического инструментария.

В работах М.Куц и А.Дейнеко нашли отражение особенности переживания времени, характерные для современного стиля жизни — одноразовость и «время в сети» в условиях тотальной интернетизации. Оба феномена не только отражают новизну во временном опыте индивида, но и раскрывают сопутствующие изменения в мышлении, в оценке событий и возможностей, в отношениях между людьми. Описанные феномены являются своеобразными маркерами, которые указывают на новые тенденции в организации человеческого опыта во временном измерении.

Конкурсные работы направления «Социально-психологические аспекты проблемы времени» продемонстрировали, что молодёжь поднимает в своих исследованиях серьезные вопросы на злободневные темы, где затрагиваются временные аспекты различных зависимостей современного человека: алкоголизм, зависимость от виртуальной жизни («от времени-в-сети ко времени-для-сети»), ургентная зависимость и т.д. А постановка этих вопросов в качестве проблемы свидетельствует об осознании современной молодежью негативных тенденций развития нашего общества и конкретных научных попытках преодолеть эти проблемы.

Надеемся, что этот сборник научных работ станет еще одним камнем в заложенном прочном фундаменте для аккумуляции научного потенциала в междисциплинарном изучении феномена времени.

***Философские аспекты
проблемы времени***

Дробович Антон Эдуардович,
аспирант Института философского образования и науки
Национального педагогического университета
имени М.П. Драгоманова,
г. Киев

ВЕЧНОСТЬ В МОДУСАХ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ: ПОПЫТКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ

В статье предпринимается попытка отследить изменение значений понятия «вечность» в перспективном и ретроспективном взгляде на темпоральность, а также установить, какое влияние имела «утрата вечности» на человека XXI века

Ключевые слова: вечность, время, пространство, темпоральность, прогресс, модель восприятия времени, «утрата вечности»

ВІЧНІСТЬ У МОДУСАХ ТЕМПОРАЛЬНОСТІ: СПРОБА СВІТОГЛЯДНОЇ АНАЛІТИКИ

У статті здійснюється спроба відстежити зміну значень поняття «вічність» у перспективному та ретроспективному погляді на темпоральність, а також встановити, який вплив мала «втрата вічності» на людину XXI століття

Ключові слова: вічність, час, простір, темпоральність, прогрес, модель сприйняття часу, «втрата вічності»

ETERNITY IN TEMPORAL MODUSES: AN ATTEMPT TO WORLDVIEW ANALYZING

In this article was made an attempt to follow up the changing of concept «eternity» in prospective and retrospective view on temporality and to determinate the «loss of eternity» influence on the human in 21st century

Keywords: eternity, time, space, temporality, progress, model of time perception, «loss of eternity»

С учетом открытости философии для междисциплинарных рефлексий, оправданной и актуальной является попытка внести старые нерешенные философские проблемы в новые экспликативные схемы,

включающие достижения других наук. Такой проблемой, на наш взгляд, является проблема взаимосвязи времени и вечности. Вопрос их корреляции является не только продуктивной историко-философской абстракцией, но также имеет значение для конструирования новых философских и естественнонаучных запросов, особенно связанных с последствиями влияния современных пространственно-темпоральных теорий (квантовая, относительности, Большого взрыва) на восприятие человеком эволюции и общественного развития.

Целью работы является исследование восприятия понятия «вечность» в ретроспективных и перспективных моделях восприятия времени, а также анализ современных тенденций редуцирования темпоральности к пространственности.

Задачи исследования:

- Установить значение понятия «вечность» в разных моделях восприятия времени;
- Проанализировать трансформации моделей восприятия времени в связи с научно-техническим прогрессом;
- Определить, какое влияние десакрализация и обесценивание понятия «вечность» имели на мировоззрение современного человека;
- Доказать склонность человека Нового времени редуцировать темпоральность к пространственности;
- Обозначить последствия редуцирования темпоральности к пространственности.

***Вечность в ретроспективной
и перспективной моделях восприятия времени***

Наше внимание к проблеме вечности в европейском темпоральном дискурсе привлекла работа П. Гайденко «Время. Длительность. Вечность» [1]. Хотя основной акцент в упомянутой книге делается на исследование истории философского и естественнонаучного изучения времени, но заканчивается она небольшим эссе на тему соотношения времени и вечности. Это эссе поднимает интересную проблему: каким образом смена восприятия вечности и времени как краеугольных категорий мировоззрения влияет на современную культуру и общество. Мы хотели бы рассмотреть эту проблему детально.

В разные эпохи человечество по-разному воспринимало время. Так, например, в Древней Греции время воспринимали ретроспективно, т.е., эллины считали, что самые важные события, которые имели сакральное и судьбоносное значение для мира, **когда-то** уже состоялись и никогда не повторятся. Из этого возникает идея «золотого века» или «эпохи богов и героев», воспетой в легендах и мифах, а также присущий древним грекам фатализм.

Вместе с распространением христианства в Европе утверждается перспективное видение времени, связанное с ожиданиями «страшного

суда» и «второго пришествия». То есть, основное событие для человечества произойдет **когда-то** в будущем. Отсюда происходит христианский оптимизм и стремление к улучшению мира (идея «воинствующей Церкви»). Перспективный взгляд на время возник с первыми христианами и продержался вплоть до наших дней, претерпев серьезные трансформации в эпоху Нового времени. Модерн изменяет ожидаемость конкретного сотериологического события на общую, и, по сути, абстрактную идею прогресса. Перефразируя М. Хайдеггера, можно сказать, что ретроспективный способ восприятия времени предусматривал убежденность людей в том, что «время временится из прошлого», а перспективный — что «время временится из будущего». Сам же Хайдеггер был убежден: «Исходная и собственная временность временит из собственного будущего, а именно так, что оно, настающее бывшее, впервые пробуждает настоящее. Первичный феномен исходной и собственной временности есть будущее» [2]. Также мы попытаемся кратко рассмотреть ретроспективную и перспективную модели понимания времени, чтобы выяснить, к чему привело изменение статуса понятия «вечность» в темпоральных рефлексиях мыслителей разных эпох.

Исходя из вышесказанного, приходим к выводу, что восприятие времени является не только чертой актуальной культуры, но и некоторым фактом, влияющим на образ действительности, общества, народов, их жизни и стремлений. Если анализировать культуру и обращать внимание на то, как представляли себе люди время и относились к нему, то становятся более понятными мотивы народов, их общественный строй, обычаи (от поклонения древности в конфуцианских ритуалах [3] до жертвенного пути создания «светлого будущего»). Следует подчеркнуть, что большую часть цивилизованного существования человечества понятие «время» рассматривалось вместе с понятием «вечность», при этом темпоральные рефлексии часто содержали отпечаток сакральности.

В разные эпохи вечность считалась атрибутом сверхъестественных существ или особой наградой героев. Например, у Гесиода в «Теогонии» неоднократно подчеркивается вечность богов и содержательный акцент ставится на воспоминании о начале всего. Собственно, и неудивительно, ведь древность божества часто связана с его могуществом:

«Радуйтесь, дочери Зевса, даруйте прелестную песню!
Славьте священное племя богов, существующих вечно, —
Тех, кто на свет родился от Земли и от звездного Неба,
Тех, кто от сумрачной Ночи, и тех, кого Море вскормило.
Все расскажите: как боги, как наша земля зародилась,
Как беспредельное море явилось шумное, реки,
Звезды, несущие свет, и широкое небо над нами;

[Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,
Как поделили богатства и почести между собою,
Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
С самого это начала вы все расскажите мне, Музы,
И сообщите при этом, что прежде всего зародилось» [4].

Похожий мотив мы находим в древнем аккадском «Эпосе о Гильгамеше», когда царь Гильгамеш ищет бессмертия:

«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека,—
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!» [5]

Мы видим, что вечность как атрибутивное свойство божеств либо существ, причастных к созданию мира, связана со способностью господствовать, становиться причиной событий. В эпосе подчеркнуто, что человеку не дана вечность. Его удел — время или мир длительности и смерти. Похожие мысли мы находим в мифологических сюжетах большинства народов мира. Вечность для носителей ретроспективного взгляда на время — это возможность приобщения к сакральной древности, мудрости минувших поколений. Идея вечности неотделима от времени, ведь лишь при условии длительности и изменений невечного вечность выказывает свою наибольшую ценность — всегда оставаться тождественной себе и недвижимой, а также проясняет происхождение времени. Еще Платон в «Тимее» пишет, что время — это образ вечности, движимое подобие ее, которое служит тому, чтобы уподобить сотворенную душу ее несотворенному Творцу [6].

После утверждения христианства и изменения подходов к восприятию времени понятие «вечность» не утратило своего значения и так же, как в предыдущую эпоху, рассматривалось в связи с Божеством и святостью, однако в несколько более сложной перспективе. Так мы читаем в Старом и Новом Заветах о том, что одним из атрибутов Бога является вечность:

«Младенец родился нам... и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, **Отец вечности**, Царь мира» (Ис. 9:6) [7].

Кроме того, всем известное начало Библии четко показывает, что в вечности началось время, отсчет веков¹:

«**В начале** сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:1-2) [8].

В этом контексте интересным является то обстоятельство, что человек причастен Божеству, поскольку сотворен по образу и подобию Его. Мы не станем углубляться в детали теологических аргументов и принимать на веру положения христианского вероучения, а лишь отметим, что по логике христианских теологов легко объяснить человеческое восприятие времени лишь в актуальном настоящем времени. Поскольку Бог существует вне времени и вечность обеспечивает Ему актуальное присутствие в прошлом, настоящем и будущем, человек, созданный по подобию Божьему, также живет лишь в настоящем, тогда как две другие формы восприятия времени являются пассивными.

Средневековые мыслители в комментариях к Священному Писанию, в которых толковалась вечность, текучесть и цель жизни человека исключительно перспективно, придают христианским представлениям о времени обоснованность. Это наблюдается в книге Блаженного Августина «О граде Божиим»: «По крайней мере, этот седьмой век будет нашей субботой, конец которой будет не вечером, а Господним, как бы вечным восьмым днем, который Христос освятил Своим воскресением, предызображая этим вечный покой не только духа, но и тела. Тогда мы освободимся и увидим, увидим и возлюбим, возлюбим и восхвалим. Вот то, чем будем мы без конца! Ибо, какая иная цель наша, как не та, чтобы достигнуть царства, которое не имеет конца?» [9]. Для перспективного религиозного анализа времени характерным является значение вечности как цели праведной жизни. Если человек мифологического времени трепетно благоговел пред вечными существами, то христианин сам стремится приобщиться к вечности и стать бессмертным. Вечность не только не теряет сакрального статуса, но и приобретает дополнительный, сотериологический аргумент. Идея вечности дополняется возможностью «со-вечности» через теозис (уподобление Богу).

В общем, идеи христианских теологов о временности и текучести очень похожи, хотя время от времени возникали разные «темпоральные ереси», например, хилиазм. Иногда ожидание решающего момента завершения времени и наступления вечности приводило к истерии и бунтам. Это очень подробно описано в работе известного медиевиста У. Эко «Имя розы», когда фанатичный монах Хорхе оповещал бра-

---

¹ Так, например, иудеи до сегодняшнего дня меряют время от сотворения мира. Вечность же не требует отсчета времени, поскольку не может ни начаться, ни закончиться.

тию о приближении Армагеддона: «Потому что если сроки близки — тогда сознаешь, что наступающие страдания, сколь ни невыносимы, однако же не будут бесконечны во времени, так как величайший из циклов этой вселенной исходит и кончается» [10].

Известный западный схоласт Фома Аквинский, продолжая дело Платона, противопоставляет время и вечность, но уже однозначно фиксируя единство вечности и Божества²: «Но Бог всецело лишен движения... Следовательно, Он не измеряется временем... Значит, Он не имеет бытия после небытия, и никакой другой последовательности в Его бытии нельзя обнаружить, ибо никакая последовательность немислима без времени. Следовательно, у Него нет начала и конца, и всем своим бытием Он обладает одновременно. В чем и состоит смысл вечности» [цит. за 11]. В своем противопоставлении Фома делает акцент на случайности, относительности и субстанциональной вторичности времени. Это разделение станет судьбоносным для европейской культуры и науки, но уже в XX веке.

Современное понимание времени и последствия «утраты вечности»

Современное понимание темпоральности возникло усилиями мыслителей Нового времени. Те изменения во взглядах на время, которые произошли в XVI — XIX вв., прежде всего, касались вытеснения религиозного компонента из перспективного восприятия времени и замены его идеей прогресса. Эта фундаментальная подмена привела к научно-технической революции, последствия которой мы наблюдаем до сих пор. Показательными тут являются слова Ф. Бекона, одного из наиболее влиятельных создателей европейского научного мировоззрения. Британский ученый провозглашает новую цель человека на земле — исследовать природу и разгадать ее загадки. Об этом красноречиво говорят его слова: «И достойно внимания в Соломоне, что, хотя он и процветал властью, золотом, великолепием дел, стражей, челядью, флотом, блеском имени и высшим почитанием людей, все же он ничего не избрал себе из этого для славы, а сказал следующее: «Слава Бога состоит в том, чтобы сокрыть вещь, а слава царя — в том, чтобы ее исследовать», и также «...пусть кто-нибудь подумает, прошу об этом, какова разница между жизнью людей в каком-либо наиболее культурном краю Европы и в какой-нибудь наиболее дикой и варварской области Новой Индии, и он увидит: между ними такое различие, что — справедливо сможем сказать — «человек человеку бог», и не только

---

² В отличие от Платона, который утверждает, что вечность является атрибутом природы: «Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно» [12].

вследствие оказываемой помощи и благодеяний, но также и вследствие разницы их состояния. И это происходит не от почвы, не от климата, не от телосложения, а от наук» [13]. Так формула «человек человеку — бог» становится основополагающей на долгие века и действует по сей день. Наука заменяет Бога, вечность как атрибут Божественности начинает терять свое влияние на темпоральный дискурс. Теперь прогресс позиционируется как сила, способная даровать бессмертие, а наука является тем «сакральным действием», которое обеспечивает осуществление прогресса.

В качестве вывода можем констатировать, что вечность, начиная с эпохи Нового времени, утратила ту сакральную силу и значение, которые она имела раньше. Вместо этого она становится скорее философско-теологической абстракцией (как видим у Лейбница, который не признает реальности времени («время может быть только идеальным»)[14]), и рассматривает его скорее в теологическом, нежели в физическом контексте), а со временем и вовсе выходит из научного оборота. На наш взгляд, ничего фатального нет в том, что вечность была десакрализована и понятийно сепарирована от времени, однако проблема в другом — обесценивание вопроса вечности и запросы о вечности в современной культуре. Да, человек стал внимательней рассматривать макро- и микромир, но несколько выпустил из поля зрения причины тех явлений, которые раньше открыл. «Утрата вечности» делает невозможной дискуссию о предназначении времени, его телеологии и происхождении в экспликативном плане, следовательно, оно становится беззащитным перед идеологизациями и неомифологизациями.

Ключевым вопросом современного естествознания становится время, не связанное с вечностью. То разделение, которое предложил Фома Аквинский, было не только признано, но и существенно усилено аргументами науки. Однако случайность и относительность времени стали продуктивными физическими проблемами, а «совершенство» и «абсолютность» понятия «вечность» привели к тому, что оно стало категорией ненаучной, поскольку современное естествознание скорее станет оперировать понятием бесконечно больших величин, чем архаичным «вечностью». Таковы черты современной физики, которая решительно старается измерять и присвоить четкое значение как наименьшим, так и наибольшим явлениям природы, но не интересуется причинами природы. Отказ от вопросов о вечности стал диагнозом эпохи. Поскольку отказ от неудобных, ненаучных, трансцендентальных вопросов вместе с конкретизацией наук привел к разочарованию и упадку того пытливого духа, с которого наука началась в Древней Греции. В начале XX в. об этом писал Э. Гуссерль, который анализировал последствия позитивистской редукции науки к «науке лишь о фактах» [15]. Но его аргумент преимущественно не был услышан, как и призыв к либерализации процедур научного поиска П. Фейерабенда.

Еще одной чертой современного темпорального дискурса, которая действительна и сейчас, является склонность выражать длительность (или время) в пространственных понятиях. На первый взгляд может показаться, что время — некая суверенная область (так, например, думал Ньютон, когда говорил об абсолютном времени [16]), независимый закон, который действует на все элементы природы и является верховным судьей для всего сущего. Камень и человек предстанут перед судом времени, но каждый лишь тогда, когда будет определено его природой и особенностями. Вместе с тем, человек выражает время в пространственных аналогиях — смена дня и ночи (положение астрономических объектов), хронометрия с помощью часов (движение стрелок относительно циферблата) и летоисчисление (естественные циклы, связанные с движением Земли). Таким образом, осуществляется редуцирование темпоральности к пространственности. Начиная от измерения времени часами и заканчивая апелляциями к астрономическим циклам, повсеместно присутствует пространственный компонент. Если же попробовать определить, чем же есть время само по себе, то едва ли удастся выразиться конкретно. Пространственная аналогия стала наиболее распространенной формой определения длительности.

Время предстает и трансцендентным, и имманентным. Трансцендентным потому, что действует на все элементы бытия без исключения и само не подвластно ни отмене, ни познанию. Максимум, что можно сделать — констатировать его наличие и актуальность для всего существующего. Оно всегда находится за пределами возможностей понимания. И если человек вывел некоторые темпоральные закономерности, то их можно установить только лишь по проявлениям в длительностях и последовательностях, которые мы наблюдаем в реальной жизни. Ни старение, ни движение астрономических тел, ни прекращение взаимодействий между элементами материальных объектов не являются временем сами по себе, а лишь проявлением длительности, перемены или последовательности.

Психологи и философы разных эпох доказывают, что человеку присуще чувство времени. Например, Э. Мах, заметил, что человек способен различать длительность ритмов и отличать разные мелодии — «без чувства времени не было бы хронометрии, так же как без чувства пространства не было бы геометрии» [17]. Но разве умение отличать одну длительность от другой можно назвать временем? Ведь ритм, который мы воспринимаем, является результатом распространения звуковых волн в пространстве. Меньшее расстояние между первой и второй волной — более быстрый ритм. Снова пространственное выражение, только более уточненное и не очевидное на первый взгляд. Хотя, тут следует заметить, что человек способен воспринимать ритм и сам его создавать, но без выражения в пространственных формах его не бывает (звук, подмигивание, кивание).

Мы должны согласиться, что человек имеет врожденное тяготение к измерению всего. Это стремление может выражаться сильнее или слабее, но оно присуще всем людям. Также очевидно, что пространственные метрики возникли раньше, чем метрики темпоральные, поскольку последние требовали способностей к абстрактному мышлению. Следовательно, можно предположить, что темпоральные метрики возникли по аналогии с метриками пространственными и поэтому становится понятным, почему мы выражаем время через пространство — это классическая ситуация, когда новая система адаптируется к старой. Однако, не провоцируем ли мы таким упрощением высказывание от понимания некоторых особенностей времени? Наше психологическое восприятие времени очень сильно связано с восприятием пространства, но при этом природа времени остаётся невыясненной и не проговоренной, ведь простота пространственных аналогий практически снимает необходимость поиска специфической системы выражения времени, если такова вообще возможна. Кроме того, пространство дано нам целиком в «теперь», тогда как время пребывает в вечном становлении. С этим соглашается Э. Мах, который цитирует Г. Спенсера: «развитие чувства времени связано с развитием чувства пространства» [18].

Итак, человек склонен к пространственной аналогии, потому что его психологическое «всегда теперь бытие» легче воспринимает пространство, поскольку оно всегда целиком в «теперь». По нашему мнению, это упрощение темпоральности до пространственности через приоритет модуса «теперь» является следующим, после «отказа от вечности», упрощением темпоральной картины мира. Большим шагом вперед в вопросе связи пространства и времени стали теории относительности А. Эйнштейна и квантовая механика В. Гейзенберга.

Первая продемонстрировала не просто психологическую связь между пространством и временем, а субстанциональную. Вместе с тем, теории Эйнштейна доказали, что дискретности пространства и времени могут не совпадать (интенсивность пространственных изменений приводит к искривлению времени), таким образом, разрыв, который возможен между этими традиционно связанными понятиями, доказывает их суверенность, и особую природу каждого из них. Кроме того, пересмотр значения времени и отмена его атрибутивности относительно пространства снова возобновили полемику вокруг вопроса об адекватности восприятия времени внешним наблюдателем. Тут кажется уместной мысль Е. Марченко о разделении на внутреннее время и внешнее, которые не обязательно пребывают в синхронии, и сокрыт намек на исследование времени в качестве суверенного, хотя и связанного с пространством, понятия.

Квантовая механика привела к пересмотру пространства как «оплота надежности» для метрического разума, поскольку оказалось, что

движение, траектории и даже особенности исследуемых пространственных объектов на атомном и субатомном уровнях способны к неопределяемым изменениям и неопределенности. Уже не говоря о рассмотрении более чем трехмерного пространства. Это стало настоящим вызовом для метрического разума. Впрочем, нас интересует не столько поиск адекватного объяснения квантовых процессов, сколько демонстрация связи внутреннего восприятия времени и внешнего — когда не срабатывает пространственная аналогия и человек переживает растерянность, не может понять темпоральные процессы. Но почему пространство имеет полноценную развитую структуру и приоритет в экспликациях, тогда как время остается атрибутом, а не независимым феноменом? Квантовая механика доказывает необходимость рассматривать темпоральность вне пространственности, а в качестве полноценного предмета научного наблюдения, без нивелирования темпоральных модусов.

Трехмерность пространства первым обозначил Птолемей [19], а идея времени в трех модусах принадлежит еще Платону. Однако, даже в XXI веке нам не трудно представить три измерения пространства, а вот со временем может возникнуть загвоздка. Эту проблему была призвана преодолеть феноменология Э. Гуссерля, которая предлагает ретенционно-протенционную модель восприятия времени. Человек переживает время не просто в трех отдельных модусах, а скорее, в некотором «проскальзывании» через точку «теперь». Наше вечное «теперь» постоянно выскальзывает из прошлого, и проскальзывает в будущее. Мы всегда несколько предусматриваем будущее, чтобы сделать следующий шаг (протенция), и всегда несколько придерживаем при себе близкое прошлое, чтобы не сбиться с избранного пути и не нарушить траекторию (ретенция). Таким образом, выходит, что каждая вещь находится в трех измерениях времени одновременно, поскольку «теперь» чрезмерно неопределимо и непостоянно, чтобы его измерять или зафиксировать. Данное положение доказывает наличие трехмерности времени не только в субъективном выражении, но и в объективном». Вспоминается мысль Гераклита: на того, кто зашел в реку, набегают все новые и новые воды.

Таким образом, попытки выразить время через пространственные аналогии были присущи человеку всегда, но только в XIX-XXI веках они получили действительно аргументируемую научную поддержку и полностью заменили собой проблему исследования вечности. Это говорит о том, что человек пытается объективировать свои интуиции про время и свести число «серых пятен» и незнания до минимума. Правда, в этом деле ученые несколько увлеклись, и вместе с устранением «неудобных вопросов» и упрощения понимания вещей, подменили принцип «бритвы Оккама» на принцип экономии мышления в самом превратном значении этих слов. Следовательно, пространст-

венные аналогии становятся удобным способом объяснения длительностей, но одновременно закрывают собой имманентную природу времени. Вместо того чтобы объяснять сущность времени и его законы, определить равнозначную темпоральную измеримость и предоставить вечности полноценное время (длительность), его рассматривают процессуально по аналогии с пространством.

По сути, вопрос о субстанции времени является финальным и неотделимым от понятия «вечность». Даже у самых маленьких объектов рано или поздно ослабнут и прекратятся молекулярные и атомные связи. И тут возникает справедливый вопрос — что же случается с этими частичками, которые вдруг прекратили существовать? Почему, например, распад какого-то вещества происходит через 10 тысяч лет, а не миллион? Из этих вопросов следует, что о времени как об имманентном параметре существования материальных вещей почти не говорят в современной философской науке. Таким образом, исключение проблемы «вечности» привело к автоматическому снятию вопросов о причинах длительности. Выражение времени через пространство является следующим шагом к упрощению объяснения картины мира, где вопросы о первопричине и субстанции становятся ненаучными, хоть именно с них наука и начиналась.

Анализируя ретроспективный подход к восприятию времени, мы увидели, что вечность, или бессмертие, воспринималось обращенно в прошлое, как некий дар, который обеспечивает принадлежность к тому миру, который был когда-то. Для сравнения следует сказать, что люди христианской и пост-христианской цивилизации воспринимают вечность, как правило, обращенно в будущее, как некий дар, который обеспечит их присутствие в кульминационную эпоху мира. Особое отношение к вечности, десакрализованное и почти потребительское, наблюдается сегодня, в пост-индустриальную эпоху, когда вечность и бессмертие могут рассматриваться как средства удовлетворения любопытности, в лучшем случае, или как возможность получить новые впечатления и удовольствия. Хотя эта идея содержалась в христианском перспективном видении, но она была защищена сакральными смыслами, которые связывались с праведной жизнью и христианским смирением. И если в предыдущие эпохи идея времени выражалась в культуре «глобальным ожиданием» либо «ностальгическим воспоминанием» о прошлом **«когда-то»**, то современная культура провозглашает своим девизом — **«теперь и сейчас»**. Пространственное же восприятие времени приводит к тому, что темпоральный вектор теряет инфинитивные характеристики (связанные с вечностью) и подменяется иллюзией воспринимаемости и понятности.

В философии XXI века, вооруженной достижениями современной физики, математики, все еще остается нерешенным вопрос — каким образом возможно восприятие продолжительности посредством врож-

денного человеческого механизма восприятия и насколько антропологический механизм восприятия времени является адекватным объективным длительностям? То есть, насколько отвечает внутреннее восприятия времени внешнему времени? Пространственно-темпоральная симметрия позволяет говорить нам о пространстве и времени как о двух континуумах, в изучении которых чрезмерное внимание уделялось пространству, а время оставалось редуцированным и недооцененным. Отсюда возникает противопоставление времени и вечности, которое было снято в современной науке, однако сейчас приобретает новое звучание, ведь на его фоне актуализируется вопрос о природе и трансперентности времени.

Литература

1. Гайденко П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. — М. : Прогресс-Традиция, 2006. — 464 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время: Пер. с нем. В. Бибихина / Ред. В. Айрапетян. — М. : Ad Marginem, 1997. — С. 329.
3. Маслов А. Ускользящий смысл ритуалов // А. Маслов Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. — М. : Алетейя, 2003. — С. 64.
4. Гесиод. Полное собрание текстов [Электронный ресурс] / Пер. В. Вересаева, О. Цыбенко. Вступительная статья В. Ярхо. Комментарии О. Цыбенко и В. Ярхо. Лабиринт, 2001. Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/hesiod/theogonie-f.htm>.
5. Эпос о Гильгамеше: Пер. с аккад. И. Дьяконова / Репринтное изд. 1961 года., отв. ред. В. Струве. — СПб. : Наука, 2006. — С. 64-65.
6. Платон. Диалоги : в 2 кн. Пер. с древнегреч. Н. Самсонова, А. Егунова, С. Аверинцева, С. Шейман-Топштейн, С. Кондратьева / ввод. ст. к 3-4 тт., к диалогам Филеб, Тимей, Критий А. Лосева; ввод. ст. к диалогу Государство В. Асмуса; примеч. К диалогам, указ. и библиогр. сост. А. Тахо-Годи]. — М. : Эксмо, 2008. — Кн. 2. — С. 477.
7. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. — Почаев. : Свято-Успенская Почаевская Лавра : 2001. — С. 687
8. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. — Почаев. : Свято-Успенская Почаевская Лавра : 2001. — С. 5
9. Августин Блаженный. О Граде Божием: Пер. с лат. — Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2000. — С. 1294
10. Эко У. Имя розы: Пер. с итал. Е. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2003. — С. 501
11. Гайденко П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — С. 79
12. Платон. Диалоги : в 2 кн. / Пер. с древнегреч. Н. Самсонова, А. Егунова, С. Аверинцева, С. Шейман-Топштейн, С. Кондратьева / ввод. ст. к 3-4 тт., к диалогам Филеб, Тимей, Критий А. Лосева; ввод. ст. к диалогу Государство В. Асмуса; примеч. К диалогам, указ. и библиогр. сост. А. Тахо-Годи. — М. : Эксмо, 2008. — Кн. 2. — С. 477 — 478

13. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt>
14. Лейбниц Г. Собрание сочинений : в 4 т. Перев. с нем., лат., франц. Я. Боровского, В. Крёбера, В. Преображенского и др./ Ред. и состав., авт. вступ. статьи и примеч. В. Соколов. — М. : Мысль, 1982. — Т. 1. — С. 481
15. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию) [Электронный ресурс]/ Философский портал. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/husserl/01/02.html>
16. Ньютон И. Математические начала натуральной философии: Пер. с лат. А. Крылова / Под. ред. Л. Полака. — М. : Наука, 1989. — С. 31-32
17. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. — М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. — С. 402
18. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах. — М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. — С. 403
19. Головкин Н. В. Философские вопросы научных представлений о пространстве и времени. Концептуальное пространство-время и реальность: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. — С. 47.

Ильин Илья Викторович,
студент философского факультета
Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина,
г. Харьков

ВЛАСТЬ ВРЕМЕНИ. БРЕНД КАК МИКРОПОЛИТИКА КАПИТАЛА

В статье рассматривается время в контексте марксистского дискурса власти капитала. Анализируется количественное, линейное время индустриального капитализма. Особое внимание уделено исследованию качественного времени и функционированию его в дискурсе современной власти в форме бренда. Для исследования современной власти привлекаются концепты «биополитики» Мишеля Фуко и «общества контроля» Жюль Делеза. Особенностью бренда является слияние свободного времени, времени свободы с властью, что составляет его специфику. Однако это слияние ведет к конфликту темпоральностей: с одной стороны, «реального времени» финансовых рынков, требующих мгновенных прибылей, и, с другой стороны, социального времени бренда, которое конституировано процессом коммуникации, «всеобщего интеллекта» и имеет долгосрочную перспективу. Из анализа этого конфликта автор статьи выводит две гипотезы: о производстве «шизофренической субъективности» и артикуляции свободного времени как беспредельного творчества.

Ключевые слова: время, капитализм, биополитика, общество контроля

ВЛАДА ЧАСУ. БРЕНД ЯК МІКРОПОЛІТИКА КАПІТАЛУ

У статті розглядається час у контексті марксистського дискурсу влади капіталу. Анализується кількісний, лінійний час індустріального капіталізму. Особлива увага приділена дослідженню якісного часу та функціонуванню його в дискурсі сучасної влади в формі бренду. Для дослідження сучасної влади залучаються концепти «біополітики» Мішеля Фуко й «суспільства контролю» Жюль Дельоза. Особливістю бренду є злиття вільного часу, часу свободи і влади, що складає його специфіку. Проте це злиття веде до конфлікту темпоральностей: з одного боку, «реальний час» фінансових ринків, які вимагають миттєвих прибутків, та, з другого боку, соціального часу бренду, яке конститується процесом комунікації, «загальним інтелектом» і має довгострокову перспективу. З цього конфлікту автор виводить дві гіпотези: про продукування «шизофреничної суб'єктивності» та артикуляції вільного часу як безмежної творчості.

Ключові слова: час, капіталізм, біополітика, суспільство контролю

THE POWER OF THE TIME. BRAND AS MICROPOLITICS OF CAPITAL

In article time in a context of a Marxist discourse of the power of the capital is considered. Quantitative, linear time of industrial capitalism is exposed to the analysis. The central place is devoted to research of qualitative time and its functioning in a discourse of the modern power in the form of a brand. For research of the modern power concepts of «biopolitics» of Michel Foucault and «control society» of Gilles Deleuze are involved. Feature of a brand is merge of free time, time of freedom and the power that makes its specificity. However this merge conducts to the conflict of temporalities: on the one hand, «real time» of the financial markets demanding instant profits and, on the other hand, social time of a brand which is constituted by communication process, «general intellect» and has long-term prospect. From this conflict author deduced two hypotheses: about producing «schizophrenic subjectivity» and articulation of free time as boundless creativity

Keywords: *time, capitalism, biopolitics, control society*

Актуальность темы. Недостаток рефлексии о времени приводит к погружению в разные временные крайности. Будет ли это абсолютизацией прошлого, будет ли это падением в бездну вечного, непреходящего настоящего или бессрочной надеждой на будущее. Актуальность работы состоит в том, что в ней осуществляется попытка увидеть время как процесс постоянной конструкции времени. Маркс помогает фокусировать теоретические линзы на власть времени, Фуко и Делез проясняют всеобщность и успешность брендов в аспекте власти. Представляется весьма продуктивным обратить внимание на бренды как на феномен темпоральности в эпоху «всеобщего интеллекта».

Цель. Проанализировать время как конструкцию власти при индустриальном и постиндустриальном капитализме. При помощи понятий «биополитика» Мишеля Фуко и «общество контроля» Жюльена Делеза выяснить темпоральность бренда как власть в эпоху «всеобщего интеллекта».

Задачи:

- Актуализировать понятие времени у Карла Маркса.
- Проследить появление эпохи «всеобщего интеллекта» в дискурсе власти постиндустриального капитализма.
- Проанализировать бренд как «место» свободы и власти.
- Установить при помощи заявленных понятий Фуко и Делеза специфику современной власти брендов.
- Определить возникающий конфликт темпоральностей.
- Концептуализировать субъективность неолиберализма как шизофреническую субъективность.

- Провести различие между свободным и располагаемым временем.

Объект. Время в контексте дискурса власти. Время как социальный феномен.

Предмет. Конструирование времени при постиндустриальном капитализме в форме бренда. Бренд как логика власти времени в эпоху «всеобщего интеллекта».

Для начала необходимо указать, что для Карла Маркса не существовало какого-либо времени самого по себе как некоего абстрактного понятия, из которого затем выводятся все конкретные формы времени. Следовательно, изучение времени не есть дедукция из понятия времени, а конструкция времени в определенном ансамбле общественных отношений. В современном обществе определяющим понятием времени является «реальное время» [25, с. 279-280, 282-283]. «Реальное время» — это чистое количественное время в глобальном масштабе, а именно — время передачи информации в глобальных электронных сетях, мгновенность функционирования финансовых рынков, информационных агентств, человеческих жизней. «Реальное время» отсылает к неолиберализму как принципу власти рыночных механизмов без вмешательства государства. Однако количественное время возникло не сегодня, а в начале XIX века, когда сформировались подходящие условия для его институционального появления. Именно эти условия определяют Маркс в своих главных произведениях.

В «Нищете философии» Маркс говорит: «Время (Zeit) — все, человек — ничто, он — всего лишь воплощение времени (die Verkörperung der Zeit). Речь больше не идет о качестве (die Qualität). Количество (Quantität) решает все. Час за час, день за день, но это уравнивание труда ни в коем случае не произведение вечной справедливости по господину Прудону. Оно есть просто результат современной промышленности» [16, т. 4, с. 85]. Как только возникает наемный труд, сразу же возникает разделение на рабочее время и нерабочее время. Важно, что рабочее время исчисляется астрономическим, абсолютным ньютоновским временем часов, дней. Это время количественное, только лишь абстрактная затрата труда. Время здесь не проходит, а тратится. Привычный сельскохозяйственный труд, направленный на какие-то качественно определенные задачи, превращается в социально сконструированный темп фабричной машины [23, с. 61]. Протестантизм «превращает почти все традиционные праздничные дни в рабочие дни» [17, т. 23, сноска 307]. Для протестантов появление машинной техники служит центральным фактором дисциплинирования людей, отвлечения их от пьянства и безнравственности [23, с. 75]. Понимание времени и измерение времени включено в логику власти капитала. Линейное время дисциплинирует людей на фабриках, в школе [там же;

с. 84], в семье — начало, конец, темп жизни синхронизирован, и все общество похоже на одну большую фабрику. Время служит принципом власти: его можно установить, просчитать, планировать, надзирать. Благодаря этому возможен обмен товаров, воспроизводство самой власти капитала, воспроизводство рабочего класса и пр. Главная борьба при индустриальном капитализме происходит по поводу времени: капиталисты максимально удлинляют рабочий день с целью «превращения всего жизненного времени в рабочее время» (*verwandeln seine Lebenszeit in Arbeitszeit*) [17, т. 23, с. 674], а рабочие борются за его сокращение.

Время как количество определяет власть пространств: школа, фабрика, семья, больница, тюрьма (на что указывает Мишель Фуко). В этой диспозиции власти прослеживается переход от одного места к другому, от одной формы надзора к другой. Отсюда идея паноптикума Иеремии Бентама. Действительно, именно в индустриальном капитализме, именно в обществе фабрики возможен центральный надзор, центральная власть над всеми. Именно в обществе фабрики производится индивидуальность, извлекающая свою идентичность из пространств власти. Одним словом, количественное время служит производительным фактором индустриального капитализма: оно формирует общественные отношения, производит дисциплинарного субъекта, который по логике пространств власти *должен* иметь семью, трудиться, быть здоровым, разумным и конформным.

Однако у Маркса анализ времени на этом не заканчивается. Дело в том, что инобытием количественного времени является качественное, социальное время. Власть индустриального капитала совершенно не интересуется культурная жизнь рабочих, их свободное время, время культивирования субъектности, время потребления [2, т. 23, с. 274]. Свободное время или узурпируется капиталом, или не замечается им, поскольку оно не является источником прибавочной стоимости — «человек не имеет свободного времени» (*ein Mensch, dernicht über freie Zeit verfügt*) [19, т. 16, с. 144]. Пока индустриальному капитализму знакомо лишь производство предметности, мира товаров, а не производство людей людьми, мира культуры.

Однако в рукописях 1857-1859 годов Карл Маркс, продумывая до конца принцип машинной техники, высказывает мысль о том, что, бесконечно уменьшая необходимое время для производства товаров, машина производит в расширенном масштабе свободное время, а следовательно, царство материальной необходимости становится фундаментом для царства свободы, когда саморазвитие индивида, общества без заранее установленного масштаба становится «целью». То есть, машинная техника создает условия для снятия индустриального капитализма. Главной производительной силой становится ассоциированный, общественный индивид, «всеобщий интеллект», знание, творчество, обще-

ние. А значит, именно это движение продуцирует новое понимание, развертывание времени как свободного, времени свободы («disponibler Zeit», «freie Zeit», «disposable time» как выражается Маркс [18, т. 42, с. 312, 534, 603-604]). Нерабочее время является критерием производительности, общественного развития, а «присвоение всеобщей производительной силы, понимание природы (Verständnis der Natur) и управление собой как совокупным общественным телом» [18, т. 42, с. 601].

Концептуализация этого нового времени началась в первой половине XX века. Анри Бергсон утверждал, что человеческое сознание нелинейно, поскольку оно длительно и непрерывно, в сознании сосуществуют прошлое и настоящее, память и воспоминание. Сознание качественно и длительно есть расширение, различение, есть творчество [21, с. 164]. Нет никакого абсолютного, объективного времени, но время всегда относительно. Раньше учитывалось только количественное время, которое можно просчитать, но не то, как время проживается человеком. Мартин Хайдеггер первым конституировал время как присущий присутствию феномен. Присутствие временно, оно есть бытие-к-смерти. Время у Хайдеггера определено внутримирностью присутствия, его бытием-с предметами, со-бытием с другими. Это время целостно и ответственно вопреки количественному времени, частичному и без-ответственному (позиция обозревателя проходящего времени («проходимца»), а не несущего с собой память, не действующего) [22, с. 185-187; 3, с. 75].

В 1920-х годах возникают теории Джеймса Уотсона, Эдварда Бернеса и др., утверждавшие, что товары имеют не только функциональное назначение, но воздействуют на бессознательные желания потребителей, товары несут в себе смыслы жизни, идентичности. Было установлено, что, создавая в рекламе устойчивые эмоции по поводу того или иного товара, можно обеспечить сильную связь и зависимость потребителей от этого товара [4, с. 44; 10, с. 8]. В 1960-х стало общей истиной маркетинга (например, Эрнест Калкинс), что потребление — это производительная деятельность, в которой создаются значения, предметы наделяются смыслами [8, с. 80]. Так возникают бренды. В этом пункте прорастает другое время, другая власть, другой капитализм.

Жиль Делез в статье «Постскрипtum об обществах контроля» указывает на то, что на смену капитализма производства приходит капитализм продукта. [5, с. 6] Можно добавить, что капитализм продукта рассчитан на индивидуализированного потребителя, поэтому здесь нужна сегментация, выделение, «создание» образа будущего потребителя продукта-бренда. Посему введение бренда всегда опосредовано анализом будущего рынка. Не просто анализом, а его «созданием». Бренд перформативен [15, с. 126]. Сам являясь конструкцией ансамбля общественных отношений, он оборачивается создателем последних.

Но как сделать так, чтобы то или иное значение, желание связать с потреблением того или иного бренда? Одним из самых важных условий возможности бренда становится медиатизация — от газет до интернета. Именно в масс-медиа рождается бренд. Реклама создает образы жизни, бесконечную вариацию возможностей самореализации. Предметы, которые потребляет человек, определяют его, выражают его идентичность, его уникальность. Жан Бодрийар поясняет переворот в капитализме появлением знаковой стоимости [1; с. 72]. Раньше человек рационалистически, исходя из своей классовой позиции, определял свои потребности через функциональное потребление предметов. Сейчас предмет не замкнут на самом себе, а отсылает к символической размерности, к значениям, циркулируемым в масс-медиа. Место классовой позиции заменяется статусом, подтвержденным выбором бренда. Таким образом, «капитализм продуктов» или брендов создает уникальный образ товара (который уже не есть просто товар) и производителя.

Бренд конституируется как «новый медиа-объект» [15, с. 5] и тем самым капитализм вступает в новую темпоральность — темпоральность культуры. То, что для него ранее было неудобным инобытием, ретерриториализуется, огораживается, капитализируется. Товар растворяется в спектре: в полноценном, целокупном переживании определенных смыслов и значений. Каждый бренд уникален, он создает неповторимый интерфейс для потребителя. Магазины, события, персонал — все несет в себе главные ценности бренда.

Бренд указывает на то, что эпоха «всеобщего интеллекта», о которой говорил Маркс, началась [4; с. 34]. Именно бренд представляет собой то «место», где сбываются (буквально и фигурально) культура, знания, общение, где творится субъект. Если стоимость товара определяется временем затраты абстрактного труда, то стоимость бренда определяется временем внимания и со-производства бренда [4; с. 35]. Однако такое время невозможно исчислить, поскольку оно обладает культурной, социальной природой, оно по сути своей всегда конкретно, уникально и нелинейно. Важно, что производство бренда не происходит в каком-то определенном месте, например на фабрике, а реализуется за пределами непосредственного трудового процесса. Иными словами, трудовой процесс, включая в себя процесс общения, циркуляции знаний, воспроизводство субъектности, обязательно выходит за пределы какого-то места. «Фабрика» распространяется на все общество. Стоимость бренда определяется вниманием к нему (отсюда значимость рекламы и вообще медиа). Западный человек «читает» 3000 бренд-сообщений в день [13, с. 126-127]. Стоимость бренда со-производится, поскольку создание значений, устойчивых ассоциаций с брендом (создание «ментальной монополии» [13, с. 118]) — это лишь первый шаг капитала. Далее вступает в силу производительность потребителей, их бриколаж — индиви-

дуализация бренда, то есть собирание, разбирание, создание своих собственных сочетаний значений [20, с. 45].

Бренды как люди, — у них есть имя, память, друзья, враги, идеалы, праздники и пр. Посему прав Ж. Делез, когда говорит, что самой кричащей новостью сегодня стало обретение души корпорацией [5, с. 6]. Интерсубъективный характер бренда отчетливо проявляется в феномене общины бренда (brand community). Исследователь общины бренда «Jeep» Майкл Розенбаум заявляет о том, что «джиперы» (так называют себя члены общины) не просто покупают «Jeep», а «создают» его, то есть индивидуализируют его благодаря уникальному техническому переоборудованию. Эта община конституирует собой образ американской жизни вне городской суеты, на лоне природе, где благодаря своим машинам можно преодолеть препятствия, сплотиться, пережив вместе радости и печали от долгого переезда. Майкл Розенбаум находит сходство общины джиперов с общиной христиан, поскольку у джиперов царит атмосфера взаимопомощи, дружелюбности и единства. Именно в со-причастности бренду «Jeep» производится идентичность людей-джиперов [20, с. 74, 105, 110, 115-116]. Соответственно, нельзя полностью согласиться с Жаном-Франсуа Лиотаром, утверждавшим о конце метанарративов. Вернее будет сказать, что они приобрели новую прописку в брендах.

Мишель Фуко в книге «Рождение биополитики» анализирует теорию либерализма XVIII-XIX веков как артикуляцию дискурса управления жизнью. В отличие от идеи суверенной власти, которая заключалась в управлении смертью (суверен решал, кому умирать, а кому жить), либеральная, а затем и неолиберальная теория, провозглашает уменьшение государственной власти к минимуму для управления жизнью, исходя из естественных законов рынка. М. Фуко связывает возникновение этой доктрины с появлением политической экономии, рассматривающей власть с точки зрения благосостояния, экономической эффективности. Таким образом, точка зрения рынка, капитала, экономики распространяется на все общественные отношения. Только дав волю механизмам рынка, можно достичь экономической эффективности. Неолиберализм во второй половине XX века стал дискурсом международной политики и экономики [6, с. 45, 63].

В контексте неолиберализма появляется теория «человеческого капитала», утверждающая, что человек всегда инвестирует в себя и в других для получения положительного эффекта. Человек — это предприятие, распоряжающееся на свой страх и риск своими ресурсами [6, с. 226, 230]. Именно в дискурсе неолиберализма находит свою властную артикуляцию бренд. Другими словами, бренд можно понять как власть при помощи теории неолиберализма.

Бренд — это власть времени, но времени культурного, свободного. И производство, и потребление постиндустриального капитализма пе-

реформулировано исходя из логики бренда. Но почему свободное время становится властью? Потому что, если при индустриальном капитализме дискурс власти отделял себя от свободного времени индивидуума, то сегодня проявление индивидуальной свободы, самореализация включены в дискурс власти. Благодаря брендам человек *может* (в отличие от *должен* индустриального капитализма) создать себя, трансформироваться. Это время свободы, где субъект творится, создается, теперь включено в логику бренда, в логику капитала, в логику власти.

Кэтрин Капута в книге «Женский бренд» указывает на необходимость понимания того, что женщина, как и мужчина, — это товар, который необходимо выгодно продать. Для этого они должны артикулировать свою уникальность, заняться своим образом, в конечном счете, создать свой бренд [9, с. XVI, 4, 17]. Поэтому не только верно, что бренды — как люди, но и люди — как бренды. В современном дискурсе изменяется индивидуальное понимание времени как времени развития, становления себя.

Каким же образом свободное время становится властью капитала? Дело в том, что факторы свободного времени (смыслы, значения и пр.) защищаются всем комплексом прав интеллектуальной собственности. Поэтому здесь кроется парадокс: с одной стороны, бренд со-творится, а с другой — находится в частной собственности. Более того, поскольку человек реализует себя в бренде, то, следовательно, вся его жизнь превращается в прибавочную стоимость. Поскольку социальное время не маркировано, поэтому и это превращение нельзя пощупать, почувствовать. Если при индустриальном капитализме воспроизводились некоторые «топосы» власти, то сегодня общественные отношения воспроизводятся благодаря бренду. Иными словами, «создание» человека происходит на протяжении всей его жизни (поэтому появляется непрерывное образование), а если за это отвечают бренды, то, следовательно, свободное время становится властью.

Бренд — это *биовласть*, поскольку в нем мера свободы определена, предопределена, задана значениями, образами в рекламе [4, с. 8] и пр. Поскольку именно потребление этих значений приносит прибыль, то компании стремятся не допустить других интерпретаций своего бренда. Скорее всего, свобода проявляется в бренде как выбор предустановленных опций. Свободное время направляется в *о-пределенную* свободу брендов.

В этом смысле концепция биополитики М. Фуко связывается с воззрением Ж. Делеза о том, что само функционирование рынка стало инструментом социального контроля [5, с. 6]. Если при индустриальном капитализме при помощи государства осуществлялась макровласть, корректирующая индивидов распределением количественного времени в институтах семьи, фабрики и пр., то при постиндустриальном капитализме власть осуществляется «снизу», в форме микровласти,

воспроизводя и распределяя свободное время при помощи автономного, сетевого функционирования капитализма без какого-либо четкого институционального оформления. Если инобытием прежней власти было свободное время, то инобытием нынешней власти является безответственное распоряжение собой, абстиненция, нежелание быть предпринимателем себя, брендировать себя. В условиях постиндустриального, можно сказать, постмодернистского общества, симптоматично слияние политики и экономики. Это связано с тем, что поскольку в экономике происходят процессы воспроизводства определенного, неолиберального субъекта, именно в ней производятся коммуникативные, творческие способности человека, ранее задействованные только в политической сфере [24, с. 50].

Впрочем, остается невыясненным, как может соотноситься «реальное время» с социальным, свободным временем? Как может «реальное время» существовать в условиях «всеобщего интеллекта»?

Поскольку стоимость бренда — это возможность получения прибыли в будущем, то финансовые рынки — это инвестиции в будущее. Однако цены на акции колеблются из-за политических и экономических потрясений, поэтому выгоду может получить тот, кто будет умело играть на будущем. Финансовые прибыли — это дело «реального времени», притягивание будущего к настоящему. Всякое инвестирование лишь тогда оправдано, когда приносит краткосрочную выгоду, поэтому время количественно интенсифицируется, сгущается [7, с. 62-63]. При помощи современных информационных технологий финансовые рынки работают в режиме мгновенного обмена данными со всем миром. Однако темпоральность финансового капитала не всегда соответствует процессам производства капитала и потреблению. Например, акции первых компьютерных компаний в 1990-х годах стоили миллиарды долларов, поскольку в них были инвестированы деньги в надежде на будущие громадные прибыли (такое было лингвистическое установление — от домохозяйств до президента). Однако потребление интернета было дорогостоящим и неглобально распространенным средством [12, с. 1004-1005, 1015-1016]. Поэтому после дефолта лишь немногие компании действительно нашли своих потребителей. Так же случилось с ипотечным кризисом 2007-2010 годов. Только на этот раз у американских домохозяйств не хватило денег, чтобы платить по ипотеке. Но к обстоятельствам последнего случая мы еще вернемся.

Биовласть (брендов) реализуется через финансиализацию. Вся жизнь, обращенная в прибавочный труд, есть бесконечная потенция творчества, инноваций, — просчитывание возможностей прибыли, от которых финансиализируется в настоящем, «реальном времени» [14, с. 119].

Очевидно, в этой ситуации возникает конфликт разных темпоральностей. С одной стороны, (вос)производство бренда рассчитано на долгосрочную перспективу, поскольку здесь учитывается создание значе-

ний, ассоциаций в медиа, закрепление образа в событиях, программах лояльности, акциях и пр. [4, с. 131; 13, с. 126-127, 161-162]. Все эти процессы не предполагают автоматического ответа, мгновенной реакции, поскольку требуют декодирования-кодирования культурных знаков, т.е. превращения знаковой стоимости в собственный образ жизни. С другой стороны, прибавочная стоимость должна извлекаться капиталом в «реальном времени», поэтому он стремится автоматизировать, машинизировать, и предоставляет настолько поп-культурное, легко потребляемое содержание, которое бы вызывало «мгновенную» лояльность к компании. Но в таком случае диктат «реального времени» подтачивает возможность создания уникальности, а значит, саму основу существования брендов. Уникальность бренда не может быть автоматической, она предполагает работу над созданием культурного содержания (со стороны компании) и индивидуализации последней (со стороны потребителя), проще говоря, работу над собой. Кроме того, без уникальности невозможно будет получить премиальную цену (*premium price*) от потребителей за пользование данным брендом [4, с. 123].

Расщепленностью количественного и качественного времени нелиберальная власть капитала создает шизофреническую (имеется в виду расщепленное сознание) субъективность. С одной стороны, человек — это предприятие, а, следовательно, он должен просчитывать свои финансовые риски, сбережения и кредитование. Человек должен нести ответственность, а значит, быть сознательным субъектом [11, с. 90, 92]. С другой стороны, экономика брендов, общество брендов предлагает признание, свободу, идентичность... за премиальную цену. Здесь важна другая сторона человека, его эмоциональная жизнь, смысложизненная стратегия. Ярким примером проявления шизофренической субъективности стал ипотечный кризис, когда образ собственного дома маячил давней американской мечтой всем американцам, и они кредитовали свое потребление, свой брендинг до самого дефолта. И все дело не в том, что они оказались безответственными, а в том, что именно здесь современная власть «кусает сама себя за хвост». Без бренда невозможны лояльные потребители, а без них невозможно потребление, а без потребления невозможно производство и т.д. [10, с. 209]. По логике бренда, социальное время — всегда лишь средство для количественного времени, для последующей монетаризации «всеобщего интеллекта» финансовым капиталом. Итак, темпоральность капитала вступает в конфликт с темпоральностью творчества [7, с. 65-66].

Возвращаясь к Марксу, необходимо подчеркнуть, что в его сочинениях намечается очень важное концептуальное различие свободного времени: 1) *disposable time* как *располагаемого*, доступного, наличного времени и 2) *freie Zeit* как, собственно, свободного времени. Заслуживает внимания тот тезис, что именно капитал, с одной стороны, создает располагаемое время, а с другой — превращает его в прибавочный

труд (convert it into surplus labour) [18, т. 42, с. 604]. Что касается собственно свободного времени, то это время приобщения к природе, освоению своих собственных производительных сил и пр. Это различие помогает понять, какое именно свободное время создает, предлагает бренд. Это не собственно свободное время, а располагаемое время, поэтому его характеристиками является предустановленность опций, предопределенность выбора. Свободное время уже не может ограничиваться свободой выбора, а скорее осуществляется в создании своего выбора. Свободное время — это не бесконечное творчество, а беспредельное творчество. Поэтому и бриколаж своей идентичности из предложенных брендов скорее располагает человека, чем освобождает его. Уже момент предложения (например, из рекламы), обозначенность места поиска себя (магазин, журнал и пр.) указывает на не-свободу, а расположение. Свободное время появляется там, где никто не предлагает его, там, где еще не создано место для его поиска. Свободное время полагается ответственно, внутренним вызовом, а не располагается. Именно в отсутствии монополии власти на предложение, не-место возможно обретение времени.

Литература

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М. : Библион. Русская книга. — 2003. — 272 с.
2. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том первый / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Изд. 2-е. — М. : Политиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.
3. Adam B. Reflexive Modernization Temporalized / B. Adam // Theory, Culture & Society. — 2003. — Vol. 20. — № 2. — P. 59-78.
4. Arvidsson A. Brands. Meaning and value in media culture / A. Arvidsson // London & New York.: Routledge. — 2006. — 168 p.
5. Deleuze G. Postscript on the Societies of Control / G. Deleuze // October. — 1992. — № 59. — P. 3-7.
6. Foucault M. The Birth of Biopolitics. Edited by Michel Senellart. Translated by Graham Burchell. New York.: Palgrave Macmillan. — 2008. — 346 p.
7. Fumagalli A. The global economic crisis and socioeconomic governance / A. Fumagalli // Crisis In The Global Economy. Financial Markets, Social Struggles, And New Political Scenarios. Ed. by A. Fumagalli, S. Mezzadra. Transl. by J. F. McGimsey. — Los Angeles.:—Semiotext(e), 2010. — P. 61-85.
8. Holt D. Why Do Brands Cause Trouble? A Dialectical Theory of Consumer Culture and Branding / D. Holt // Journal of consumer research. — 2002. — № 29. — P. 70-90.
9. Kaputa C. The female brand: using the female mindset to succeed in business / C. Kaputa // Boston & London: Nicholas Brealey Publishing. — 2009. — 182 p.
10. Kornberger M. Brand Society How brands transform management and lifestyle / M. Kornberger. — Cambridge: Cambridge university press. — 2010. — 308 p.

11. Langley P. *The Everyday Life Of Global Finance: Saving And Borrowing In Anglo-America* / P. Langley. — Oxford & New York.: Oxford University Press, 2008. — 320 p.
12. Lazonick W. *The US stock market and the governance of innovative enterprise* / W. Lazonick // *Industrial and Corporate Change*. — 2007. — Vol. 16. — № 6. — P. 983–1035.
13. Lindemann J. *The economy of brands* / J. Lindemann // Palgrave Macmillan. — 2010. — 184 p.
14. Lucarelli S. *Financialization as Biopower* / S. Lucarelli // *Crisis In The Global Economy. Financial Markets, Social Struggles, And New Political Scenarios*. Ed. by A. Fumagalli, S. Mezzadra. Transl. by J. F. McGimsey. — Los Angeles.:—Semiotext(e), 2010. — P. 119-139.
15. Lury C. *Brands. The logos of the global economy* / C. Lury // London & New York.: Routledge. — 2004. — 173 p.
16. Marx K. *Das Elend der Philosophie* / K. Marx — Berlin.: Dietz Verlag. — Marx-Engels-Werke-Ausgabe. — 1972. — Band 4. — S. 63 — 182.
17. Marx K. *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Erster Band. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals* / K. Marx — Berlin.: Dietz Verlag. — Marx-Engels-Werke-Ausgabe. — 1962. — Band 23. — S. 11-802.
18. Marx K. *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie* / K. Marx — Berlin.: Dietz Verlag. — Marx-Engels-Werke-Ausgabe. — Band 42. — 1983. — 875 s.
19. Marx K. *Lohn, Preis, Profit* / K. Marx — Berlin.: Dietz Verlag. — Marx-Engels-Werke-Ausgabe. — 1962. — Band 4. — S. 103-152.
20. Rosenbaum M. *The Jeep people: identity, consumption, and culture in a lifestyle community* / M. Rosenbaum. Submitted to the faculty of the University Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in the Department of Sociology, Indiana University. — 2007. — 237 p.
21. Schatzki T. *The time of activity* / T. Schatzki // *Continental Philosophy Review*. — 2006. — № 39. — P. 155–182.
22. Scott D. *The «concept of time» and the «being of the clock»: Bergson, Einstein, Heidegger, and the interrogation of the temporality of modernism* / D. Scott // *Continental Philosophy Review*. — 2006. — № 39. — P. 183-213.
23. Thompson E. *Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism* / E. Thompson // *Past & Present*. — 1967. — № 38. — P. 56-97.
24. Virno P. *A grammar of the Multitude. For an analysis of contemporary forms of life* / P. Virno — Los Angeles: Semiotext(e). — 2004. — 115 p.
25. Wayne H. *Global Capitalism and the Critique of Real Time* / H. Wayne // *Time & Society*. — 2006. — Vol. 15. — № 2/3. — P. 275–302.

Кушов Игорь Александрович,
студент факультета менеджмента
Государственного университета
информационно-коммуникационных технологий,
г. Киев

ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проанализирован феномен жизнедеятельности через раскрытие ее временной структуры, в которой внутренняя длительность времени, историчность и интерсубъективность создают условия привлечения человека к структурам мира.

Ключевые слова: время, структура, жизнедеятельность, переживание, событие, понимание, социальное время, мировое время, время личности, историческое время

ЧАСОВА СТРУКТУРА ЖИТТЄДІЯЛЬНОСТІ

У статті проаналізовано феномен життєдіяльності шляхом розкриття її часової структури, в якій внутрішня тривалість часу, історичність та інтерсуб'єктивність створюють умови для залучення людини до структур світу

Ключові слова: час, структура, життєдіяльність, переживання, подія, розуміння, соціальний час, світовий час, час особистості, історичний час

TIME STRUCTURE OF VITAL ACTIVITY

The article examines the phenomenon of vital activity by revealing its time structure, in which the internal duration of time, historicity and intersubjectivity create conditions to attract people to the structures of the world

Keywords: time, structure, vital activity, feeling, event, comprehension, social time, universal time, individual time, historical time

Актуальность исследования. Осмысливая социокультурные трансформации конца XX — начала XXI столетия, мы приходим к пониманию этой эпохи как переходной в развитии культуры. Смена парадигм познания, рост тенденций к неопределенности мировоззренче-

ских ориентаций, интенсификация способа жизни выводят на первый план проблему жизнедеятельности. Соответственно, перед философией возникает новая проблема, а именно: переосмысление старых ценностей, стандартов и разработка новых теоретических моделей, которые соответствовали бы действительности. Решение данной проблемы невозможно без учета временного аспекта, так как интегративный смысл категории времени обусловлен его совместимостью с разными системами категорий, созданными в пределах основных направлений современной философской мысли.

Таким образом, основная тематика времени касается сущностной философской проблематики: внутренняя темпоральная структура, которая детерминирована «Я», и внешняя — детерминированная обществом; замкнутый цикл повторяемости и открытая перспектива исторического; повседневная рутина и яркие нетривиальные события; взаимоупорядочивание настоящего, прошлого и будущего. Таким образом, речь идет о некоторой системе координат, в которой существует социальная реальность и с которой необходимо соотносить любое исследование. Следовательно, определение временной структуры жизнедеятельности возможно через раскрытие внутреннего (субъективного) и исторического горизонтов, а также через выявление интересующего измерения времени. Такая общая концептуализация и будет главной **целью** данного исследования, которое предполагает решение следующих **задач**:

- осмыслить феномен внутренней длительности;
- проанализировать проблему историчности сознания в ее связи со структурой понимания времени;
- рассмотреть соотношение временных модусов в структуре жизнедеятельности.

Объектом исследования является феном жизнедеятельности, а **предметом** — структуры времени.

Проведение данного анализа возможно при использовании феноменологической концепции внутреннего сознания времени Э. Гуссерля, герменевтической концепции понимания М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, В. Дильтея, П. Рикера и социально-феноменологической концепции интерсубъективности А. Шюца.

Цель, которую определил Э. Гуссерль, состоит в том, чтобы выявить первичные формы сознания, в которых так или иначе представлены временные отличия — длительность, последовательность, одновременность, настоящее, прошлое, будущее. Речь идет о сознании, которое конституирует время, которое потом раскрывается как временное. То есть, с одной стороны — осознание времени, а с другой — временное сознание. Эти два основных смысла существуют в определенных контекстах — как «осознание времени», если речь идет о проблеме осознания временных отличий, или же как

«временное сознание», если рассматривается темпоральность самого сознания.

Такая постановка философом проблемы конституирования времени сознанием, в котором оно живет, дает возможность говорить о качественно новом измерении данной концепции. Значение сущности всегда конституируется в чем-то целом как момент целесообразной ситуации, где каждая смысловая совокупность ситуаций является смысловым проектированием к будущей ситуации, которая задает смысл любому действию. Именно поэтому, подчеркивает М. Илльхова, «отношение спланированного проекта к его мотивам, с одной стороны, к последующим действиям — с другой, становится понятным лишь при помощи представленного Э. Гуссерлем анализа осознания внутреннего времени: во-первых, предметами исследования для него становятся разновидности актов сознания, в которых конституируется смысл, то есть подход к «самим вещам» возможен лишь через анализ сознания» [5, с. 58]. Во-вторых, переживания «интенционально связаны» с осознанием чего-либо. Актуальность же наших переживаний отмечена «направленностью на ...» и окружена горизонтом неактуальных переживаний, когда мы еще не направлены на предмет. В-третьих, феноменолог описывает сознание, которое конституирует смыслы определенной предметности, включая, в то же время, смыслы этой предметности, которые имели отношение к данному описанию, — это процесс смыслопродукции и конституирования, который характеризуется структурой: ноема, удерживающая разные смыслы, и ноеза — чистая структура акта сознания как условие восприятия на трансцендентальном уровне.

Таким образом, внутренняя темпоральность является трансцендентальным условием, благодаря которому предметы приобретают значения. То есть, время является трансцендентально-смысловым фактором конституирования сущности, которая воспринимается, а сознание конституирует время «внутри себя». «Время, как принцип реализации «Я» в мире имеет содержательный характер. Таким образом, внутреннее осознание времени конституирует единство «Я» и мира не только в чистых актах, но и в структурах самой жизни» [5, с. 58].

М. Хайдеггер дал этим идеям новый толчок, что повлекло за собой радикальный поворот в процессе постановки вопроса о бытии. Он следует за Э. Гуссерлем в том, что не нужно, как В. Дильтей, разграничивать историческое бытие и естественное бытие для того, чтобы гносеологически легитимировать методологическое своеобразие исторических наук, но способ познания естественных наук является некоторой разновидностью понимания. Понимание — это не идеал человеческого жизненного опыта, как у В. Дильтея, но это также и не последний методологический идеал философии. Это, наоборот, исходная форма исполнения человеческого существования, которое являет-

ся бытием-в-мире. До любой дифференциации понимания на разные виды прагматического и теоретического интереса, понимание первично является способностью бытия человека.

Таким образом, становится понятно, почему хайдеггеровский проект фундаментальной онтологии ставит на первый план проблему истории. Смысл фундаментальной онтологии — полностью перевернуть саму идею обоснования: на основе экзистенциальной будущности человеческого существования впервые проявилась во всей своей онтологической фундированности структура исторического понимания.

Для М. Хайдеггера историческое познание — это не планирующее проектирование, не экстраполяция волевых и целевых интенций, не упорядочивание вещей в соответствии с желаниями и предвосхищениями. Дело в том, что вещь сама принадлежит человеческому способу существования, поскольку тот, кто познает и то, что познается, являются историческими. То есть, имеют исторический способ бытия. «Присутствие всегда имеет, фактически, собственную «историю», и может таковую иметь, поскольку бытие этой сущности конституируется историчностью... Но под тезисом «присутствие исторично» не просто понимается онтический факт, что человек является более или менее важным «атомом» в машине мировой истории и остается играющим мячом обстоятельств и событий, а выдвигается проблема: в каком смысле и на основании каких онтологических условий к субъективности «исторического» субъекта принадлежит историчность как сущностное устройство» [7, с. 382].

В действительности история не является ни взаимосвязью движения изменяющихся объектов, ни свободной последовательностью переживаний субъекта — это, прежде всего, субъект-объектные отношения, которые происходят как событие. Тезис «историчность присутствия» говорит, что сущность, которая есть как бытие-в-мире, является историчной сущностью. «Событие истории является событием бытия-в-мире» [7, с. 388]. Таким образом, историчность человеческого существования является по своей сущности историчностью мира, который в горизонте времени сам темпорализируется. В существовании исторического бытия-в-мире объект и субъект уже втянуты в историю мира. Вещи, книги, например, имеют свою судьбу, здания и организации имеют свою историю. Та же природа так же исторична, как и культурное пространство: «Эта внутремировая сущность является как таковая историчной, и ее история не означает что-то «внешнее», что лишь сопровождает «внутреннюю» историю души... Она означает, во-первых, событие мира в ее сущностном экзистенциальном единстве с присутствием» [7, с. 389].

Благодаря онтологическому переосмыслению проблемы времени, М. Хайдеггер снимает взаимоотношенность бытия и человека, акцентируя внимание на их взаимосвязи. Человек как конечное бытие может

постигнуть мир в его целостности, историчности. Он существует в экстазах будущего, прошлого, настоящего, и единство этих временных измерений в единстве человека и бытия и содержит в себе «истинное» время. Следовательно, Dasein является связью с самим собой и миром, пониманием самого себя и мира, присутствием в самом себе и в мире. Это и есть открытость и прозрачность, как факт раскрытого для самого себя бытия.

Также с переосмыслением проблемы бытия и времени М. Хайдеггер совершает онтологический поворот проблемы понимания. Понимание не является способностью познания и интерпретации человеком мира, а является, прежде всего, способом бытия человека в мире. После М. Хайдеггера понимание начали рассматривать не как психологическое или гносеологическое вживание в объект, а как нечто трактующее само себя, которое основано на препонимании. Для Г.-Г. Гадамера эта процедура происходит благодаря осознанию человеком собственной исторической ситуации, в которой истолкование определенных смыслообразований раскрывает бытие человека в его исторических и, соответственно, временных горизонтах.

Действительно, человек с самого начала вписан в культурно-исторический и социальный контекст. Для того чтобы он был способен к правильным действиям, к истолкованию определенных смыслообразований, ему необходимо понять историческое бытие в его горизонтах и себя в нем. Таким образом, в исследовании человеческого существования и структуры понимания перед нами проявляется временной характер человеческого опыта жизнедеятельности.

Человек должен понять свой жизненный мир, истолковать его, дать смысл каждому событию, чтобы его попытки стали жизнеспособными смысловыми ситуациями. Это, прежде всего, необходимо для того, чтобы мир не поглотил его, а он сам мог влиять на него. То есть, мышление в жизненном мире мотивировано прагматично. А. Шюц говорит, что каждый шаг истолкования мира постоянно опирается на запас предыдущего опыта, это может быть как собственный опыт, так и опыт других людей. «Весь этот непосредственный и опосредованный опыт составляет определенное единство в форме запаса знания человека, который, в свою очередь, служит ему схемой для каждого соответствующего шага истолкования мира. Каждый акт такого истолкования является истолкованием в пределах уже истолкованного, внутри уже знакомой действительности» [5, с. 59]. Также, существует утверждение, что мир прошлого и в дальнейшем останется таким, и что соответственно этому приобретенный опыт будет сохранять свою значимость. Соответственно — все предыдущие успешные действия можно повторять. Пока структура мира может восприниматься как константа, то предыдущий опыт остается значимым, и способность влиять на мир сохраняется. Такие способ-

ности влиять на мир А. Шюц определяет как существенные аспекты мышления в естественной установке.

Для человека жизненный мир является субъективной взаимосвязью смыслов, то есть, он осознается в актах толкования сознания. Соответственно, он принадлежит к состоянию интересов и возможностей их осуществления. «Смысл не является качеством какого-либо переживания, которое выныривает из потока сознания или предметности, которое конституируется в нем. Смысл является результатом моего истолкования прошлых переживаний, которые рефлексивно схватываются в актуальном Теперь, в актуальной схеме интерпретации... Переживания становятся осмысленными только тогда, когда они истолковываются *post hoc* и схватываются мною как полностью описанный опыт» [8, с. 29].

Таким образом, субъективно осмысленными являются только те переживания, которые истолковываются в существующей схеме интерпретаций. Соответственно этому, поведение человека становится осмысленным только в истолковании. Поведение ж другого человека приобретает смысл благодаря истолкованию его действий. Тут интерессубъективный мир становится социальным, поскольку взаимодействие людей создает ситуации, в которых происходят их социальные связи, возрастные группы, разделение труда и дифференциацию занятий, имеет отношения власти и управления, и связанные со всем этим социальные типизации. Каждый человек воспринимает социальный мир как упорядоченную систему отношений, хотя его субъективные истолкования социальных порядков зависят от его позиции, которая частично навязана ему и частично определяется биографической нитью его решений.

Человек всегда в определенной социальной ситуации, в которой структуры ее релевантности тесно связываются с воспоминаниями о прошлом, о прошлых решениях, объединяет начатые действия в целостную систему планов, которая имеет определенную иерархию действий и решений. Например, передо мной стоит задание: написать статью. Для этого необходимо совершить последовательность частичных действий, которые направлены на цели, подчиненные основной цели. Тут человек оказывается перед выбором возможностей, которые в свою очередь навязывают решения в иерархии планов. Это соответствует состоянию интересов и обусловлено определенной ситуацией. Таким образом, в жизненном мире индивид действует не только внутри собственной иерархии планов. Его действия включены в общую социальную структуру, в которой следствия действий и действия других создают горизонт смысла. «Мир повседневной жизни — это и сцена, и объект наших действий и взаимодействий. Мы должны овладеть им и должны его изменить для того, чтобы реали-

зовать те цели, которые мы преследуем, когда находимся среди своих собратьев» [9, с. 403].

Итак, очевидно, что мы не просто работаем и действуем внутри этого мира, но и влияем на него, модифицируя или изменяя его объекты и их взаимосвязи. «Мир, в этом смысле, является чем-то таким, что мы должны модифицировать своими действиями и что само модифицирует наши действия» [9, с. 403]. Следовательно, внутри мира досягаемости есть зона, на которую можно влиять прямыми действиями. Она является ядром действительности, где происходит непосредственная деятельность, которая отображается в непосредственных результатах.

Теперь мы можем сказать, что та часть мира в первичной досягаемости, которая не принадлежит к первичной зоне влияния, трансцендирует ее. Она представляет сферу влиятельных действий, возможность которых является большей, чем для мира, который сейчас находится за пределами досягаемости. К этому принадлежат так же градации способностей, которые связаны с градациями возобновления и приобретения. Кроме того, существуют разные формы перекрещения и взаимопроникновения разных перспектив, их включение и выключение путем перехода одной в другую и их преобразования, а также разные типы их синтеза и комбинации. Все эти множественные преобразования обусловлены временной структурой жизнедеятельности.

Но возникает вопрос: каким образом человек в естественной установке переживает собственные действия, которые происходят в мире и влияют на него? Несомненно, эти действия — проявление спонтанной жизни человека. Но не все такие проявления он переживает как действия, и не все действия переживаются как таковы, что ведут к изменениям. Это обусловлено тем, что жизнедеятельность имеет бесконечное множество порядков действительности, каждый из которых имеет свой, особенный, только ему свойственный стиль бытия. Это, например, чувственный мир или мир физических предметов, мир науки, мир идеальных связей, разнообразные сверхприродные миры мифологий и религий, миры фантастов и душевнобольных. Каждый из этих миров реален по-своему.

Важно подчеркнуть, что порядки действительности конституируются не через возможную онтологическую структуру их объектов, а через смысл нашего опыта. На этом основании можно говорить о замкнутых смысловых сферах, каждую из которых мы можем делать реальной. Значит, замкнутая смысловая сфера состоит из единичных опытов, смыслы которых соответствуют друг другу. То есть, все единичные опыты, которые принадлежат к одной замкнутой смысловой сфере, проявляют особенный стиль переживания, соответственно этому стилю они согласовываются друг с другом.

Пока наш опыт проистекает соответственно определенному стилю переживания, то есть, пока он остается в пределах замкнутой смысловой сферы, для нас длится действительность этого опыта. Только если мы вмотивированы нашим жизненным планом принять другую установку или когда нам мешает «чужое вмешательство», то есть, когда мы переживаем специфический шок, который разрушает границы реальной для нас на данный момент замкнутой смысловой сферы, мы должны или желаем перенести акцент реальности на другую смысловую сферу.

В данном случае речь идет о временной проблеме отворачивания и возвращения. А. Шюц уточняет: «Мир в ранее актуальной достижимости (книга на столе дома), от которой я отвернулся (когда ушел), трансцендирует мир в актуальной достижимости (улицу, по которой я иду), к которой я обращен (я смотрю на витрины). Но я в любое время могу снова вернуться к миру бывшей достижимости с разных мотивов (я вижу витрину книжного магазина, вспоминаю, что я хотел взять книгу к своему другу, и устанавливаю в воспоминании, что книга все еще лежит дома на столе). Хотя теперь мир в моей бывшей достижимости уже не в моей достижимости; но он является темой актуальной активности моей осведомленности в форме воспоминания и антиципации: книга, как таковая, которая все еще лежит на столе» [8, с. 59].

В таких мотивированных актах отворачивания и возвращения устанавливается, что мир длится дальше, а его сегменты, которые трансцендируют актуальную достижимость и одновременность с внутренней длительностью не переживаются прямо. Таким образом, уже это повседневное переживание трансценденции касается не только мира как расширения, а и мира как длительности.

Весь опыт социальной действительности фундируется основной аксиомой существования «похожих на меня» существ. Формы, на которые раскладывается мой опыт социальной действительности, является, наоборот, очень разнообразным. Человек переживает в опыте других разные перспективы, а его связи с ними разделяются соответственно разными уровнями близости переживания, глубины переживания и анонимности. Вариации моего опыта социального мира расширяются от встречи с другим человеком до неопределенной установки касательно институций, культурных построений и человечества в целом.

Таким образом, структура времени базируется на перекрещении субъективного времени потока сознания или внутренней длительности с ритмикой тела, «биологическим временем» в целом, с временами года как мировым временем в целом и календарем. Люди живут во всех измерениях одновременно. Но, поскольку нет абсолютной одновременности между событиями в этих измерениях, на людей накладывается ожидание как прямое следствие данной неодновременности. По-

ток сознания плывет далее, независимо от последовательности природных событий, окончание которых человек должен ждать. В ожидании мы соприкасаемся с наложенной на нас структурой времени. Но, на людей наложена не только неодновременность разных измерений времени, субъективным коррелятом которой является ожидание, а и объективная структура одновременности и последовательности, которая находится за пределами влияния человека. Сама возможность совершить определенное количество планов, начать действия является очень ограниченной временем. Человек может одновременно делать только что-то одно, он должен включиться в ту последовательность событий во внешнем мире, которая навязана ему. Он должен очертить не только свои действия, выбирая среди альтернатив, иерархий ценностей, но, и, кроме того, разрабатывать временную последовательность своих поступков по мере необходимости.

Подводя итоги, можно выделить три аспекта времени жизнедеятельности: дальнейшая длительность, неизбежность и историчность. Конечность, неизбежность и историческая ситуация являются неизменными, навязанными элементами человеческой жизнедеятельности. Внутри навязанной основной структуры, неизменных границ человеческого опыта и деятельности, человек прилагает усилия, преодолевает сопротивление, действует. Неизменные границы, по отношению к которым человек почти не рефлектирует в естественной установке, поскольку в повседневных событиях для этого вовсе нет никакого мотива, являются для него очевидной основой его поступков.

Соответственно, наши действия происходят на пересечении субъективного и мирового (исторического) времени. Благодаря этому пересечению, наша жизнь воспринимается как интегрированное единство измерений времени, которое поглощает в себя не только все индивидуальные временные перспективы, а и является для всех общей. Таким образом, можно говорить о трех измерениях времени жизнедеятельности — субъективном, историческом, интересубъективном.

Итак, смысловое единство ценностей и целей создает меру развития сознания, которая в каждый момент по-новому устанавливает иерархию ценностей, отображает духовный опыт человечества, составляющий неповторимую сущность феномена времени, в котором смысловые горизонты памяти восприятия и планов через историчность и интересубъективность раскрывают темпоральную структуру жизнедеятельности.

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Истина і метод / Ганс-Георг Гадамер ; [пер. з нім. Олександр Мокровський]. — К. : Юніверс, 2000. — (Філософська думка). — Т.1: Герменевтика I: Основи філософської герменевтики. — К. : Юніверс, 2000. — 464 с.

2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль ; [пер. с нем. Д. В. Склядневу]. — СПб. : Владимир Даль, 2004. — 399 с.

3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль ; [пер. с нем., вступ. ст. В.И. Молчанов]. — М. : Риг Логос: Гносис, 1994. — 192 с.

4. Ілляхова М.В. Проблема само ідентичності у часовій перспективі / М.В. Ілляхова // Григорій Сковорода: традиції гуманізму // Матеріали конференції. — К., 2010. — С. 57-64.

5. Кебуладзе В. И. Понятие субъективного смысла социального действия в феноменологической социологии Альфреда Шюца / В. И. Кебуладзе // Феноменология і практична філософія: Щорічник Українського феноменологічного товариства, 2001. — К. : Курс, 2003. — С. 56-69.

6. Молчанов В.И. Проблема сознания и культуры в феноменологии Э. Гуссерля // Феноменология в современном мире: [отв. ред. М. Кулэ, В. И. Молчанов] / В. И. Молчанов. — Рига: Зинатне, 1991. — С.156-200. — (АН ЛатвССР, Ин-т философии и права).

7. Хайдеггер М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер ; [пер. с нем. В. В. Бибихин]. — М. : Ad Marginem, 1997. — 457с.

8. Шюц А., Лукман Т. Структури життєсвіту / А. Шюц, Т. Лукман ; [пер. з нім. Вахтанга Кебуладзе]. — К. : Український Центр духовної культури, 2004. — 560 с.

9. Шюц А. О множественных реальностях. // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Альфред Шюц ; [пер. с нем. и англ.]. — М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — С. 401-455. — (Книга света).

Плешков Алексей Александрович,
магистрант факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

ПОНЯТИЕ ΑΙΩΝ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: КОНЦЕПЦИЯ ПОЛНОТЫ БЫТИЯ-ВРЕМЕНИ

***ΑΙΩΝ** — одно из наиболее важных понятий древнегреческой философии. Исследователи этого понятия зачастую повторяют две основные ошибки: либо рассматривают его через призму христианской традиции, где αἰών может быть определен как «вечность», либо смешивают смысл концепта с такими словами как αἰῶνιον и αἰεῖ. Внимательное изучение источников показывает, что обе ошибки приводят к принципиально неверной интерпретации. В данной статье предложен анализ понятия αἰών в текстах Гомера, Платона и Плотина. Анализ показывает, что смысл понятия αἰών отличен от значения «вечности» или «времени» в строгом смысле этих слов. Однако обнаруживаемый «семантический шлейф», в который входят такие слова как χρόνος, ψυχή, ζωή, βίος, позволяет интерпретировать понятие как полноту бытия-времени. В таком случае, древнегреческое понятие αἰών откликается на многие проблемы и вопросы современных физики и философии. В этом смысле, правильное понимание понятия помогает лучше постигнуть специфику актуальных вопросов современности, связанных с проблемой времени*

Ключевые слова: айон, вечность, время, полнота бытия-времени

ПОНЯТТЯ ΑΙΩΝ У ДАВНЬОГРЕЦЬКІЙ ФІЛОСОФІЇ: КОНЦЕПЦІЯ ПОВНОТИ БУТТЯ-ЧАСУ

***ΑΙΩΝ** — одне з найбільш важливих понять давньогрецької філософії. Дослідники цього поняття нерідко повторюють дві основні помилки: або розглядають його крізь призму християнської традиції, де αἰών може бути визначено як «вічність», або змішують смисл концепту з такими словами як αἰῶνιον та αἰεῖ. Уважне вивчення джерел показує, що обидві помилки призводять до принципово неправильної інтерпретації. В даній статті запропоновано аналіз поняття αἰών у текстах Гомера, Платона і Плотіна. Аналіз показує, що смисл поняття αἰών відрізняється від значення «вічності» чи «часу» у строгому смислі цих слів. Проте, виявляемий «семантичний шлейф», до якого входять такі слова як χρόνος, ψυχή, ζωή, βίος, дозволяє інтерпретувати поняття як повноту буття-часу. У такому випадку давньогрецьке поняття αἰών відзивається на багато проблем та питань сучасних фізики й філософії. У цьому сенсі правильне розуміння поняття допомагає краще осягнути специфіку актуальних питань сучасності, пов'язаних із проблемою часу*

Ключові слова: айон, вічність, час, повнота буття-часу

CONCEPT AION IN ANCIENT GREEK PHILOSOPHY: FULLNESS OF BEING-AND-TIME

AION is one of the most important concepts in ancient Greek philosophy. Interpreters of *aión* often fall into two traps: consideration through the prism of Christian tradition, where *aión* means strictly «eternity» and the intermixture of *aión* with such words as *áídiou* and *ái*. A careful analysis of ancient thinkers' texts shows that these two mistakes misinterpret the concept *aión* in ancient Greek philosophy. The article presents a brief analysis of the concept *aión* in Homer, Plato and Plotinus. It reveals that the concept *aión* means the fullness of being-and-time. It contains, firstly, the full and limited life and, secondly, time before it «deploys» on the lower level of being. The «semantic tail», which formed already in Homer's texts, plays a very important role in the later philosophical tradition of the term usage. Such words like *chrónos*, *psyché*, *zwh*, *bios*, which closely interrelated with *aión* can help in interpretation of the philosophical usage of the term. The careful investigation of the concept can not only explain some obscure moments of the latest philosophical doctrines. It reveals, that some ancient ideas and concepts are still relevant for today scientific and philosophical discussions. To understand the history of the concept, in this case, means to get the deeper understanding of modern thought

Keywords: *aion*, eternity, time, fullness of being-and-time

Понятие *aión*, играющее важную роль в древнегреческой философии, а затем в христианской теологии, имеет многовековую историю. Тем не менее, зачастую его восприятие обусловлено позднейшими предрассудками. Имея более десяти разнообразных значений в древнегреческом языке [1] — начиная от позвоночника и спинного мозга и заканчивая длительным временным периодом и вечностью — это понятие чаще всего переводится на современные языки как «время» или «вечность» [2]. Такая вариативность перевода указывает на проблематичность интерпретации понятия.

Таким образом, сам факт изменения статуса *aión* от человеческого позвоночника до важнейшего понятия, характеризующего Бытие Платона (а затем и христианской философии), с очевидностью, требует своего объяснения. В философии Платона термин *aión* играет важную роль в космологических построениях, в текстах Плотина — в учении об ипостасях. Правильное понимание его смысла помогает прояснить некоторые темные моменты философии Эмпедокла и Гераклита; наконец, оно имеет огромное значения для формирования христианской философии. Дело не в том, что этот термин, по мнению самих древних, имеет непосредственное отношение к термину *óntos* [3], а в том, что правильная его интерпретация, позволяет нам лучше понять их мысль и мировосприятие, а благодаря этому — достичь лучшего понимания собственной культуры. Не случайно в исследовательской ли-

тературе встречаются идеи о том, что в греческом понимании *αἰών*'а предвосхищается идея Эйнштейна о пространственно-временном континууме [4]. В этом смысле, актуальность исследования продиктована не только (и не столько) историко-философскими или теологическими штудиями, но и актуальными вопросами современной науки и современного мировоззрения.

Главной **целью** исследования является поиск верной герменевтической позиции и справедливой, с исторической и философской точек зрения, интерпретации понятия *αἰών*.

Для этого необходимо решить ряд **задач**:

проанализировать непосредственное словоупотребления в текстах ключевых мыслителей интересующего нас периода;

определить семантический шлейф понятия и четко разграничить традиционно взаимосвязанные понятия.

Конечно, данное исследование не претендует на полноту, да и очевидно, что в рамках одной статьи невозможно исчерпать столь обширную и важную тему. Тем не менее, представленные в статье работы мыслителей — а исследование будет построено, прежде всего, вокруг трудов Гомера, Платона и Плотина — могут составить ту «репрезентативную выборку», которая позволит в достаточной мере показать важность проблемы и наметить пути ее решения, и, в тоже время, стимулировать интерес к развитию данной темы. Объектом исследования, как следует из вышесказанного, станут оригинальные тексты древнегреческих авторов [5], предметом же исследования — конкретная традиция словоупотребления. Несмотря на то, что в центре моего исследования находится непосредственная работа с текстом, речь идет, не о лингвистическом анализе этого понятия, а о философском анализе его употребления.

Стоит сказать несколько слов о методологии. Рассмотрение понятия *αἰών* у разных авторов происходит через призму их философских идей, концепций. На мой взгляд, без постоянной отсылки к общему философскому контексту, без обращения к философскому учению как к чему-то целому, невозможно правильно определить и значение интересующего нас понятия. Наибольшее влияние на меня оказали работа А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» [6] и работы М. Хайдеггера [7] и Х.-Г. Гадамера [8], посвященные философской герменевтике. Соответственно именно диалектический метод и метод философской герменевтики я и старался применять, занимаясь проблемой интерпретации *αἰών*. Труды Э. Доддса, в особенности, «Греки и иррациональное» способствовали поиску нового теоретического основания для понимания античной философии, «речь, таким образом, идет о своеобразном новом гуманизме, в котором изучение античности становится образцом изучения культуры вообще, универсальной модели науки о человеке» [9].

Двойная история понятия AION

Как уже было сказано в начале статьи, понятие *aión* имеет многовековую историю. Оно появляется уже в текстах Гомера, затем, употребляется в поэтических, трагических произведениях, медицинских трактатах, используется в досократической философии, оформляется как философский термин в диалогах Платона, испытывает влияние восточных учений и персонифицируется в эпоху эллинизма, наконец, возвращается к платоновскому значению в «Эннеадах» Плотина. Такая история, конечно, не является исчерпывающей, кроме того, она не является и единственной. *Aión* используется семидесятью толковниками для перевода древнееврейского слова *olam* в Септуагинте, затем становится важным понятием в теологических текстах как Отцов Церкви, так и тех, с кем они боролись (например, в гностицизме). Факт существования этих двух различных историй зачастую игнорируется.

Во многом из-за влияния христианской традиции *aión* часто переводится и интерпретируется как «вечность», «эпоха», «век» и в текстах древнегреческих мыслителей. Такое смешение христианского и языческого (греческого) смыслов является ошибочным: «Греческое слово *aion* обладает историей сразу в двух мирах. У него есть свое место в греческой литературе и философии и свое место в Ветхом Завете, где оно заменяет древнееврейское слово [*olam*]... *Aion* связан с двумя мирами еще в одном смысле, а именно, в Новом Завете, в котором говорится об «этом» *aion'e* и том, «который наступит». Новозаветное употребление *aion'a* и его раннецерковная интерпретация — интерпретация противопоставленная греческой философии и гностицизму — является важнейшей, но более поздней, частью истории слова» [10]. Сразу стоит отметить, что ни один древнегреческий философ не использовал *aión* в значении «вечность», так же, как и значение «эпоха», «век» искажает правильное понимание термина в греческих текстах. Именно по этой причине, в работе будет использована не традиционная транскрипция этого слова — эон, а транслитерация айон, чтобы избежать любых позднейших коннотаций.

AION-AEI-AIDION

Перед тем как перейти к непосредственному анализу интересующих нас текстов, необходимо сделать еще одно важное предварительное замечание. В русских переводах *aión* чаще всего переводится как «вечность» или «век» [11]. Примерно такая же ситуация и в зарубежных переводах (здесь не менее редко, чем «вечность» (Eternity, Ewigkeit) *aión* переводится и как «время» (Time, Zeit) [12]. Сразу же стоит задать вопрос: о какой «вечности» идет речь? Под вечностью в обычном смысле подразумевается некая бесконечность во времени,

без измерений прошлого, настоящего и будущего. Если конкретизировать, то можно вслед за Хеленой Кайзер выделить три значения вечности: а) бесконечное время б) время, не имеющее ни начала, ни конца в) пространство или длительность, лишенная не только начала и конца, но и самой темпоральности — безвременье [13]. Айон же в большинстве текстов до Платона, указывает, как раз, на конечность, а после — на тесную связь со временем, темпоральность. Это станет ясно по мере предложенного в основной части работы анализа. Обратим внимание на одну важную деталь. «Значения, передающие «вечность», тем не менее, передаются в древнегреческом языке с помощью терминов, отличных от *αἰών*» [14], — и с этим фактом необходимо считаться.

Тем не менее, многие исследователи вступают на ошибочный путь отождествления понятия *αἰών* со словами *ἄει* и *ἄιδιον*. Вслед за христианизацией греческого айона, это смешение оказывается второй главной предпосылкой ошибочной интерпретации *αἰών*. Во-первых, этимологическое возведение *αἰών* и *ἄιδιον* к *ἄει* не является бесспорным. Словарь LSJ, например, прямо указывает на различие *αἰών* и *ἄιδιον*, предлагая такие переводы последнего (как и в случае *ἄει*) как «бесконечный» (everlasting) и «вечный» (eternal) [15]. В этом смысле, современные филологи признают этимологическую связь *ἄει* и *ἄιδιον* (но не *αἰών*). Интересно, что противоположное мнение мы обнаруживаем у древнегреческих мыслителей. Идея этимологической зависимости *αἰών* от *ἄει* была впервые озвучена Аристотелем (О небе. 279a 25), а затем встречается и у Плотина (III. 7. 6). Но ни Аристотель, ни Плотин, не возводят к *ἄει* слово *ἄιδιον*.

При рассмотрении самих текстов древнегреческих мыслителей сразу бросается в глаза и разность контекстов употребления всех трех слов. Закончить предварительное обсуждение этой проблемы мне хотелось бы словами преп. Дж. Хансона: «Мы знаем, что нет ничего более небезопасного и ненадежного, чем следование этимологии. Единичное *употребление* стоит десятка этимологий. Этимология это теория, употребление — это факт» [16]. Учитывая, что *ἄει* и *ἄιδιον* весьма близки по своему значению к понятию «вечность», нет ничего удивительного, что исследователи, рассматривающие эти три слова как одно, понимают под айоном вечность.

ΑΙΟΝ в древнегреческой традиции

Гомер

Сделав все необходимые предварительные замечания, перейдем к анализу интересующих нас фрагментов. Особенно важным оказывается анализ употребления понятий *αἰών* в текстах Гомера. Это обусловлено не только историческим первенством словоупотребления и даже не колоссальным влиянием Гомера на всю греческую культуру в це-

лом (по меткому выражению Вернера Йегера «Гомер — воспитатель Греции» [17]), но и тем фактом, что уже в текстах слепого сказителя мы находим сформировавшийся семантический шлейф, который будет определять понятие *αἰών* и в более поздний — «философский» — период его существования.

Большинство словарей указывает на употребление этого понятия у Гомера в значении «жизнь», «жизненное время» человека [18]. Однако здесь весьма интересно отметить еще одно значение, которое мы находим в «Гимне к Гермесу» (119) — «спинной мозг»:

«Откинув на спину, повернул и спинной мозг (αἰώνας) перерезал».

Αἰών в значении «спинной мозг», выносится в словаре LSJ [19] отдельно от всех других значений понятия, тем не менее, они тесно взаимосвязаны. Для того чтобы прояснить мысль, перейдем к рассмотрению «Илиады» Гомера. Тут необходимо отметить, что употребление Гомером айона в значении «спинной мозг» не является случайным. Аналогичное словоупотребление можно найти, например, в античных медицинских текстах. [20]

Обратимся теперь к двум фрагментам «Илиады». В одном из них герой Ахиллес просит у своей матери Фетиды, чтобы она сохранила тело Патрокла нетронутым, пока он не совершит отмщение («Илиада». XIX. 27):

Вырван айон из [него], и тело его будет разлагаться

В другом фрагменте Андромаха, оплакивая смерть своего мужа Гектора произносит такие слова («Илиада». XIV. 725):

*Муж, из айона молодым ты был вырван, и вдовой ты меня остав-
ляешь*

Итак, очевидно, что у *αἰών* Гомера всегда имеет отношение к жизни, витальности. Можно сказать, что айон — это источник жизненности, жизненной силы. Тем не менее, стоит избегать слишком абстрагированного или идеального понимания айона. Нельзя забывать, что Гомер не был ни философом, ни, в каком-то смысле, поэтом, но, прежде всего — мифотворцем [21]. «Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность» [22], — пишет А. Ф. Лосев и это замечание необходимо принимать во внимание. В свете указанного фрагмента и «Гимна к Гермесу» — это приводит к интересному заключению. Говоря об айоне, Гомер действительно понимает некую жизненность, и в этом смысле, видимо, можно утверждать что значение «жизнь, жизненная сила» является первичным и основным значением *αἰών*. Однако эта «жизненность» — не абстракция и не идея, но телесная действительность, которая, возможно, отождествляется Гомером со спинным мозгом. Спиной мозг, таким образом — это «место обитания» жизненности. Еще одним важным моментом гомеровского употребления айона является его связь с понятием души — *ψυχή*. «В

этом смысле, *ψυχή* иногда тесно связывается с понятием *αἰών* — *force vitale* или источником жизненности. Но в отличие от *ψυχή*, мы не найдем у Гомера связи *αἰών* со старчеством (*elderly*): только юный (*the young*) обладает этим в полной мере» [23]. Идея о связи айона и молодости представляется интересной (сразу возникает ассоциация с фр. B52 DK Гераклита, где айон сравнивается с играющим ребенком), но она остается недоказуемой. И сам Бреммер приводит сильный аргумент против этой гипотезы: «...у греков не было слова «юный», которое было бы этимологически связано с *αἰών*, как это характерно для других индоевропейских языков, таких как санскрит *yuvan*, латынь *iuvenis* и английский *young*» [24]. Тем не менее, мысль Бреммера подвела нас к указанной связи айона и души. Так Гера отвечает Зевсу по поводу спасения его сына — Сарпедона — в троянской войне (Илиада. XVI. 453):

Но после того, как душа (ψυχή) и айон его [Сарпедона] покинут.

Стоит отметить также, что у Гомера понятие айон используется *исключительно* в негативном контексте, т.е. о нем говорится только когда он «вырван», «потерян» или «покинул». В этой «негативности» обнаруживается и контекстуальная связанность понятий *αἰών* — *ψυχή*, ведь и о душе у Гомера говорится лишь там, где она потеряна [25]. Вот еще один фрагмент, указывающий на связь души и айона. Здесь Одиссей обращается к циклопу (Одиссея. IX. 523-4):

*Ха, если бы мог я душу (ψυχή) и айон твой
похитить, точно отправив тебя в обитель Аида.*

Итак, завершая рассмотрение текстов Гомера, необходимо обратить внимание на два важных момента.

Во-первых, айон Гомера означает «жизнь», «жизненную силу» или «жизненный принцип». Важно помнить, что *αἰών*, с одной стороны, указывает на общий принцип, но, с другой стороны, он чувственно, осязаемо дан. Эта телесная данность четко фиксируется, когда айон употребляется для обозначения спинного мозга. В этом смысле, *αἰών* (как жизненный принцип) не следует отождествлять с какой-либо трансцендентальной идеей или воспринимать как абстракцию. Айон Гомера имеет дело с непосредственной телесной данностью.

Во-вторых, нельзя забывать и о тесной связи понятий *αἰών* — *ψυχή*, как на содержательном, так и на формальном, риторическом уровне. Айон и душа — это то, что позволяет человеку (или животному) принадлежать к жизни. Разделение *αἰών* и *ψυχή* означают смерть, так же и смерть — это «извлечение» из человека *αἰών* и *ψυχή*. Таким образом, айон Гомера воспринимается наряду с такими понятиями как душа (*ψυχή*) и жизнь, причем жизнь понимаемая «апофатически»: там где нет айона и души — наступает смерть.

Таким образом, *αἰών* у Гомера связан не только с душой и жизнью, но еще и указывает на конечность. Конечность нельзя отождеств-

вить непосредственно со временем, но, тем не менее, она указывает, на временность (темпоральность). Забегая вперед, следует отметить, что у всех греческих философов понятие айон, так или иначе, связано с понятиями *ψυχή*, *ζωή*, *βίος*, *χρόνος*. Очевидно, что этот «семантический шлейф» формируется уже на уровне мифо-эпической традиции.

ΑΙΩΝ у Платона

Переходя к анализу употребления Платоном понятия айон, нужно отметить, что некоторые исследователи считают, что именно он впервые использовал понятие *αἰών* как философский термин, т.е. совершает философскую концептуализацию понятия [26]. Так же в исследовательской литературе встречается и мнение, что в отличие от предшествующей поэтической и досократической традиции употребления слова, Платон впервые обозначает понятием *αἰών* «лишенную времени вечность» (timeless eternity) [27]. Кроме этого, он впервые употребляет в своих текстах прилагательное *αἰώνιος* [28]. Поэтому, переходя к рассмотрению употребления слова *αἰών* Платоном, необходимо быть осторожным. Кроме важнейшего фрагмента «Тимея», в котором и видится его философская концептуализация, Платон использует *αἰών* и в других диалогах. Это ставит под вопрос гипотезу фон Лейдена о том, что Платон «изобретатель» айона как вечности. Так в диалоге «Законы [29]» (III 701 с3), Платон пишет:

...люди вновь возвращаются к прежнему состоянию и ведут тягостную жизнь (αἰῶνα), преисполненную бедствий. (Пер. А. Н. Егунова)

Другой фрагмент из этого же диалога указывает, что и за обычным «нефилософским» словоупотреблением Платона скрываются смыслы, которые проясняются только при сопоставлении с «философским» употреблением айона в «Тимее». Так во фрагменте «Законов» X 904 а6-б6 Платон говорит:

Верховный правитель видел, что все наши дела одухотворены и что в них много добродетели, но много и порока; видел он также, что то, что раз возникло, то есть душа (ψυχή) и тело (σῶμα), уже не погибает (ἀνώλεθρος), хотя они и не айонические (αἰώνιος), как боги, существующие согласно закону (νόμος) — ведь если бы душа или тело погибли, то не было бы возникновения живых существ (ζῴων) — и что все, что есть в душе доброго, от природы всегда полезно, а злое всегда вредно. (Пер. А. Н. Егунова, измененный)

Смысл этого фрагмента прояснится после предложенного ниже анализа фрагмента «Тимея». Следует отметить, что, по Платону, люди по своей природе не являются айоническими существами, как боги, но в тоже время, и не погибают. Несмотря на то, что человек *ἀνώλεθρος* он, тем не менее, не является *αἰώνιος*. Фон Лейден, так же обращающий внимание на «нефилософское» употребление *αἰών*, замечает: «...если Платон совместил *Αἰών* с такими понятиями как «жизнь» или

«живое существо»... то ему не нужно было... совмещать здесь два несовместимых смысла [вечность и жизнь — прим. авт.]. Действительно, если для него Αἰών означает полноту жизненного времени того, что тождественно во всех отношениях, то он может осмысленно говорить и о вечном живом существе (eternal living being) или вечной жизни». [30] Такая позиция выглядит весьма спорной. Во-первых, если Платон и подразумевает под αἰών вечность, то это настолько специфическая вечность, что лучше было бы использовать здесь другое слово. Во-вторых, если αἰών у Платона все еще подразумевает жизнь, полноту (и как окажется дальше — душу и время), то о каком разрыве с предыдущей традицией (которая, как было показано на примере текстов Гомера, образует такое же семантическое поле) идет речь? Здесь хотелось бы привести слова преп. Джона Хансона: «Ни у одного автора на протяжении более шести сотен лет это слово [айон в значении вечности] не обнаруживается... То, что существительное единообразно используется для обозначения ограниченной длительности, и никогда — для обозначения вечности, должно подразумевать и то, что прилагательное обозначает тоже самое... То, что является смыслом существительного, строго предполагает этот смысл и в прилагательном. Как если бы сладкий указывал на кислоту, а длинный предполагал бы краткость, αἰώνιος, таким образом, означающий вечность, образуется от αἰών, что означает конечную длительность. Говорить, что Платон — изобретатель слова, использовал прилагательное для обозначения вечности, тогда как ни он, ни его предшественники никогда не использовали даже существительного для обозначения вечности, значит обвинить одного из мудрейших людей в этимологической безграмотности». [31] Думаю, теперь можно двигаться дальше.

Ключевым для интерпретации платоновского понимания айона является фрагмент диалога «Тимей» 37d:

Итак, в соответствии с тем, что он сам (образец, παράδειγμα), оказывается живым (ζωός) вечным (αἰδῖος) существом, [Он] попытался и все это [творимое, космос, οὐρανός] настолько, насколько возможно, создать подобным. Однако все-таки природа этого существа является айонной, и этого нельзя в полной мере передать ничему рождающемуся [смертному], [Он] замыслил сделать некоторое движущееся подобие (εἰκόν) айона. И вместе с тем, как устраивает (приводит в порядок) небо, делает при этом, что айон остается неподвижным в едином, айонный же образ (изображение, εἰκόν), движущийся от числа к числу — как раз то, что мы назвали временем (χρόνος).

Во-первых, необходимо обратить внимание на указанный во введении «семантический шлейф». Мы видим, что здесь присутствует и жизнь (ζωή, а ранее (36e), Платон использует понятие βίος), и время (χρόνος). Чуть ранее (34c-37c), Платон говорит о том, что космос, тво-

римый демиургом, обладает не только телом, но и душой (*ψυχή*), первичной по отношению к телу. Еще интереснее то, что в «семантический шлейф» включается и слово *αἰδίων*, что говорит о невозможности отождествления этих понятий (в дальнейшем сочетание прилагательного *αἰδῖος* и *αἰών* станет важной характеристикой Аристотелевского бога). Таким образом, айон Платона тесно связан с понятием жизни, времени и души.

Во-вторых, необходимо указать на важную роль понятия *εἰκόων*, объясняющую взаимосвязь *χρόνος* и *αἰών*. Время является «движущимся от числа к числу» образом айона [32]. Это «видение» движения внутри единого *αἰών*, в согласии с определенной мерой, числом. Понятие *εἰκόων*, как будет показано ниже, играет решающее значения для понимания *αἰών* и у Плотина [33].

Также хочется обратить внимание на следующее: это то место, которое занимает *αἰών* в космологии Платона. Сам сотворенный прекрасный космос не обладает айоном, тем не менее, он является «айонным» (*αἰώνιος*). Его «вдохновение» в видимый космос является последним штрихом творения. Как указывает Хелена Кайзер в своей монографии: «В «Тимее» 52а копия прямо называется «гомогенной» по отношению к образцу. Таким образом, если образец называется *αἰονίς*, это свойство можно приписать так же и копии. Тем не менее, нужно отметить, что хотя копия и может быть названа *αἰονίς* (прилагательное), мы нигде не находим, чтобы само бытие копии называлось *αἰον* (существительное)» [34].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что айон как раз и подразумевает полноту бытия-времени. Это означает, во-первых, предельную оформленность и завершенность, которая является прекрасной, а во-вторых, характеризует *αἰών* как вместилище жизни и времени: ни времени, ни жизни вне айона не существует. Важно отметить, что этой полнотой, по Платону, обладает лишь творец-образец (*δημιουργός*, *παράδειγμα*), творимый же космос, хоть лишь причастен к этой полноте, но сам ею не обладает: он «айонный» (*αἰώνιος*), но сам не «айон» (*αἰών*).

ΑΙΟΝ у Плотина

В отличие от всех предшественников, Плотин посвящает понятию айон отдельный трактат — *Περὶ αἰῶνος καὶ χρόνου* (III. 7). Если в поэтических текстах, в досократической философии, в трудах Платона и Аристотеля, приходится «выкристаллизовывать» концепт *αἰών* из разных фрагментов и интерпретировать с постоянной отсылкой к другим, то с Плотинем, в этом смысле, дело обстоит намного проще: он сам сделал всю эту работу. Тем не менее, крайне сложно оказывается определить место *αἰών* в онтологии Плотина.

В целом, как я уже говорил выше, Плотин разделяет позицию Платона о сущности айона. Тем не менее, он предпринимает ряд «усовер-

шенствований». Чтобы доказать это, я покажу, как αἰών соотносится с образующими его семантическое поле понятиями: ζωή, χρόνος и ψυχή. Затем, с отсылкой к трактатам V.1, V.2, V.4, II. 6 [35], я постараюсь показать через понятие εἰκών, как αἰών оказывается неким модусом бытия, жизнью Ума, в то время как χρόνος окажется модусом бытия и жизнью Мировой Души.

То, что αἰών понимается Плотинном как жизнь (ζωή) — не вызывает сомнения.

III. 7. 3. Итак, живое (ζωή) бытие сущего, непрерывно и полностью, и во всем наполненного — это и есть искомый айон

III. 7. 5. Если, основываясь на этом, мы определим айон, как бесконечную жизнь (ζωήν ἀπειρον), так как в ней заключена вся полнота жизни, которая неисчерпаема именно потому, что к ней неприменимы категории прошедшего и будущего, то такое определение будет очень близким определением. (Пер. Г.В. Малеванского).

Таким образом, айон представляет собой жизнь безграничную, полную и всеобъемлющую. Жизнь такая принадлежит Уму (III. 7. 3), но, тем не менее, нельзя говорить об их «полном тождестве», хотя и Ум и айон «обладают одним и тем же содержанием» (III. 7. 2). Для того чтобы разъяснить этот момент, Плотин обращается к любимой им метафоре света: айон не есть Ум сам по себе, но это как бы исходящий от него «свет его тождества с самим собой» (III. 7. 3). Важно, что αἰών не является при этом акциденцией Ума, но, по словам Плотина, он «проникает весь этот мир» (III. 7. 4). Приведем еще один фрагмент для понимания важности αἰών в философии Плотина:

III. 7. 3. Рассматриваемая, как это многообразие, как своего рода субстрат (δύναμις) умопостигаемого мира, вечность называется сущностью (οὐσία); как жизнь (ζωή), — она является движением, как неизменно пребывающее начало, — это покой, как единство в многообразии, — она есть первично данное тождество. Если все эти различные формы вечности мы снова объединим в живом (ζωή) бытии умопостигаемого мира... то совокупность всех этих моментов даст нам вечность (αἰών) в форме жизненного (ζωή) процесса, постоянно (ἀεί) тождественного с самим собой. (Пер. Г.В. Малеванского, измененный).

Как видно из этого фрагмента, αἰών не является каким-либо свойством умопостигаемого мира, но в зависимости от «точки зрения» αἰών открывает различные состояния и свойства Ума. Таким образом, αἰών является совокупностью всех свойств и состояний умопостигаемого мира в их совместной и самотождественной жизни. Категорией называть αἰών было бы неправильно — ведь сам Плотин не включает его в свой список высших родов бытия, «самых высших категорий» (см. V. 1. 4), собственно, категории «определяются» при рассмотрении αἰών с разных точек зрения. Не является αἰών и особой субстанцией,

т.к. это противоречило как рассмотрению природы αἰών в этом трактате, так и философии Плотина в целом. Таким образом, αἰών стоит воспринимать как особую форму или модус бытия, характерный для Ума. Жизнь Ума, в таком случае и есть αἰών, но жизнь эта выходит за рамки обычного понимания этого слова: она предполагает полноту бытия-времени. Прояснить этот тезис поможет рассмотрение понятия времени и Души у Плотина.

И здесь Плотин, в целом, следует философии Платона, хотя и предлагает иную «метафизическую историю его [времени] рождения» [36]. Плотин, вслед за Платоном, указывает на связь αἰών и χρόνος, через отношение παράδειγμα — εἰκών (III. 7. 1). Но в отличие от Платона, у которого демиург сам творит образ εἰκών для придания максимального сходства творимого с первообразом, у Плотина время, находившееся в лоне αἰών, но по своей природе сверхактивное, само отделилось от вечности:

III. 7. 11. Но в виду того, что его [времени] внутренняя природа (φύσις) обладала неудержимой активностью (πολυπράγμων) и, стремясь к самостоятельному существованию, хотела увеличить сферу своего господства, время (χρόνος) пришло в движение, а так как мы сами всегда (ἀεὶ) двигались от одного предшествующего пункта к другому и, таким образом, описывали путь определенной длины, то мы и получили время, как отображение (εἰκών) вечности. (Пер. Г.В. Малеванского).

Так звучит история времени, которую, по словам Плотина, само время могло бы поведать. Однако нельзя забывать о том, что время не является субстанцией, ведь, как уже говорилось, в связи с природой αἰών, это бы противоречило философской системе Плотина. Время, в определенном смысле, является Душой, которая отдает во власть времени и сотворенный ею видимый мир (III. 7. 11). По аналогии с уже рассмотренным выше соотношением αἰών и νοῦς, можно сказать, что хотя ψυχή и χρόνος обладают одинаковым содержанием, тем не менее, их нельзя полностью отождествить. Так, Плотин проясняет этот момент, говоря, что:

III. 7. 11. ...Время — это жизнь (βίος) Души (ψυχή), которая в процессе движения (κίνησις) переходит от одного проявления жизни к другому. (Пер. Г.В. Малеванского).

Отсюда следует, что так же, как αἰών является особым модусом бытия Ума, так же и χρόνος является модусом бытия Души. Соотношение между ними, можно сказать, пропорциональное: так же как Ум сообщает Душе «высшую степень божественности» и совершенства (V. 1. 3), так же и αἰών сообщает высшую из возможных степеней совершенства χρόνος. Этот момент важен, в свете критики Платином понимания природы времени у Аристотеля. Конечно, у Плотина время не имеет такого же совершенства как αἰών (что справедливо и в отно-

шении Ума и Души). Тем не менее, время не нуждается ни в чем ином для своего определения. У Аристотеля время — это «число движения по отношению к предыдущему и последующему» (Физика. IV, 11). Оно тоже связывается Стагиритом с душой, ведь именно в акте измерения движения, производимого разумной индивидуальной душой, осуществляется понимание времени. Плотин же принципиально выносит вопрос об измерении времени за пределы вопроса о его природе, ведь «индивидуальная душа как измеряющая инстанция не важна для конституирования времени, «ибо оно будет по величине таким, как оно есть, даже если его никто не измеряет» [37]. Сама по себе мысль о том, что движение определяет время, а следовательно — и Мировую Душу, в свете предложенного выше анализа, выглядит абсурдной. «Время — это не измеренное или отрывистое свойство периодического вращения космоса, но умопостигаемая делящаяся сущность, первичная по отношению к космическому движению» [38]. И именно онтологическое рассмотрение времени, предложенное Плотиним, позволяет понять — время есть пространство, позволяющее происходить движению, которое само по себе является жизнью Души (III. 7. 11).

Подводя итоги рассмотрения словоупотребления у Плотина, нужно отметить, что он отказывается от аристотелевского понимания αἰών в пользу платоновского. Адаптируя космологические представления, изложенные Платоном в «Тимее», к своей онтологии, Плотин делает вывод о том, что αἰών является характерной формой жизни Ума. Ум, таким образом, обладает совершенной полнотой бытия, полнотой жизни и времени (до его «дерзкого» обособления): в зависимости от ракурса рассмотрения этой жизни становятся понятны разные его аспекты: единство и множественность, движение и покой, полнота. Интересно, что эйконическая сопричастность Ума и Души предполагает и то, что время оказывается характерной формой жизни последней. Αἰών, по всей видимости, имеет отношение и к Единому (τὸ ἓν). Так же как Единое обладает и истиной, и красотой, при этом, находясь выше обеих, оно обладает и αἰών. В таком случае, αἰών является не только особым модусом бытия Ума, образцом для χρόνος — модуса бытия Души — но и пронизывает собой «все бытие целиком» (III. 7. 4), проявляясь на всех его ступенях. Становится очевидным, что правильная интерпретация понятия αἰών оказывается необходимым условием для понимания философии Плотина в ее целостности.

Заключение.

Итак, обобщая небольшой анализ, предложенной в этой статье, можно сказать, что для древнегреческой философии, да и древнегреческой культуры в целом, характерно весьма специфическое понимание темпоральной сферы бытия. Понятие времени — χρόνος — вытекающее из более общего концепта αἰών, оказывается не просто мерой измерения движения материи, но живой, наполненной длительностью. Вместо «направленно-

сти» времени мы встречаем полноту, вместо «формальной пустоты», мы находим жизненность. Стоит отметить, что такое восприятие времени, характерно для многих философских учений конца XIX, начала XX века, когда время начинает осмысляться как фундаментальная категория жизни и бытия [39]. Время, осмысленное через концепт αἰών, открывается перед нами в принципиально ином свете: это не априорная характеристика мира, индифферентная к происходящим в пространстве процессам (как она представлена в новоевропейской физике), а непосредственная часть каждой конкретной жизни, схватываемая в своей конечности. Время живет, прерывается, изменяется, правит, уменьшается или длится дольше — такое метафорическое определение все же находит свое отражение даже в современных естественнонаучных теориях [40]. В этом случае особенно важным оказывается правильное понимание истории времени, а древнегреческая традиция употребления понятия αἰών отзывается на самые актуальные вопросы современности.

Литература

1. *Liddell H., Scott R., Jones H. Greek-English Lexicon.* Oxford: Clarendon Press, 1996. — P. 45.
2. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. / Под. ред. М. А. Дынина. М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1955; Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. / Подготовка издания А.В. Лебедева. М.: Наука, 1989; *Burnet J. Early Greek Philosophy.* 3rd edition. London: A & C Black, 1920; *Plato. Plato in Twelve Volumes.* Vol. 9 trans. by *W.R.M. Lamb.* Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd. 1925; *Platon. Sämtliche Werke.* Band 3. Berlin: Lambert Schneider, 1940 и т.д.
3. *Аристотель.* О небе. 279а 25; *Плотин* III. 7. 6.
4. *Суриков И.* Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // *Образы времени и исторические представления / под. ред. Л. Репиной.* М.: Кругъ, 2010. — С. 142.
5. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus%3Acorpus%3Aperseus%2CGreek%20Texts>; электронная библиотека Thesaurus Linguae Graecae (Thesaurus Linguae Graecae (TLG) [электронный ресурс]: коллекция древнегреческих текстов. 1 эл. опт. диск (CD-ROM);
6. *Лосев А.* Диалектика Мифа // *Философия. Мифология. Культура.* — М.: Из-во полит. лит-ры, 1991. — С. 21-187.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и Время. — СПб. : Наука, 2006; *Хайдеггер М.* Время и Бытие. — СПб. : Наука, 2007.
8. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988; *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
9. *Хорьков М.* Эрик Робертсон Доддс, «Человек с зеленых холмов» // *Doddс E.* Греки и Иррациональное. — М.-СПб. : Университетская книга, 2000. — С. 284-285.

10. *Keizer H.* Life-Time-Entirety. A Study of AION in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999. — P. 1.

11. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / Под ред. *М. А. Дыникова*. — М.: Гос. из-во полит. лит-ры, 1955; Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. / Подготовка издания *А.В. Лебедева*. М.: Наука, 1989 и др.

12. *Burnet J.* Early Greek Philosophy. 3rd edition. London: A & C Black, 1920; *Plato.* Plato in Twelve Volumes. Vol. 9 trans. by *W.R.M. Lamb*. Cambridge, MA: Harvard University Press; London: William Heinemann Ltd. 1925; *Platon.* Sämtliche Werke. Band 3. Berlin: Lambert Schneider, 1940 и др.

13. *Keizer H.* Life-Time-Entirety. A Study of AION in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999. — P. 2.

14. *Там же.*

15. *Liddell H., Scott R., Jones H.* Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. — P. 26; 36.

16. *Hanson J.* The Greek Word AIŌN-AIŌNIOS, Translated Everlasting-Eternal in the Holy Bible, Shown to Denote Limited Duration. Chicago: Northwestern Universalist Publishing House, 1875.– P. 6.

17. *Йезер В.* Пайдейя. Т. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. — С. 65.

18. *Middle Liddell, Slater, Autenrieth* // Perseus [электронный ресурс]: коллекция греческих текстов. URL:

<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus%3Acorpus%3Aperseus%2CGreek%20Texts>. См.: *Liddell H., Scott R., Jones H.* Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 45.

19. *Liddell H., Scott R., Jones H.* Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 45;

20. *Гиппократ.* Эпидемии. 7.122: «Имевший сухотку спинного мозга (αἰὼν) умер на седьмой день».

21. Об этом весьма показательно говорит и Платон: «Поэт — если он только хочет быть настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения». *Платон.* Федон. 61b.

22. *Лосев А.* Диалектика Мифа // *Философия. Мифология. Культура*. М.: Из-во полит. лит-ры, 1991. — С. 27.

23. *Bremmer J.* The Early Greek concept of the Soul. NJ: Princeton University Press, 1983. — Pp. 16.

24. *Там же.*

25. *Nussbaum M.* ΨΥΧΗ in Heraclitus, I // *Phronesis*, 1972. — № 1. — Vol. 17. — Pp. 1-16.

26. *Keizer H.* Life-Time-Entirety. A Study of AION in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999. P. 59; *Stamatellos G.* Plotinus and the Presocratics. A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads. New York: State University of New York Press, 2007. — Pp. 101-102.

27. *Von Leyden W.* Time, Number, and Eternity in Plato and Aristotle // *The Philosophical Quarterly*, 1964. — № 54, Vol. 14. — P. 36.

28. *Hanson J.* The Greek Word AION -AIONIOS, Translated Everlasting-Eternal in the Holy Bible, Shown to Denote Limited Duration. Chicago: Northwestern Universalist Publishing House, 1875. — P 23; *Keizer H.* Life-Time-Entirety. A Study of AION in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999. — P. 41; *Stamatellos G.* Plotinus and the Presocratics. A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads. New York: State University of New York Press, 2007. — P. 102.
29. *Платон.* Законы (пер. А. Егунова) // *Платон.* Собрание сочинений в 4-х т. — Т. 3.
30. *Von Leyden W.* Time, Number, and Eternity in Plato and Aristotle // *The Philosophical Quarterly*, 1964. — № 54, Vol. 14. — P. 37.
31. *Hanson J.* The Greek Word AION-AIONIOS, Translated Everlasting-Eternal in the Holy Bible, Shown to Denote Limited Duration. Chicago: Northwestern Universalist Publishing House, 1875. — P. 23.
32. Хотя Хелена Кэйзер и говорит, что грамматически правильно интерпретировать время как движущийся образ айона, тем не менее, по смыслу движущимся образом является небо (οὐρανός) (так же комментирует этот момент и Прокл). В любом случае, далее автор говорит о практически полной тождественности у Платона понятий время (χρόνος) и небо (οὐρανός). См. *Keizer H.* Life-Time-Entirety. A Study of AION in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999. — Pp. 72-76.
33. Стоит отметить, что Плотин иногда использует для обозначения «образа» схожее по смыслу с εἰκόν понятие: μίμησις (μιμήματα).
34. *Keizer H.* Life-Time-Entirety. A Study of AION in Greek Literature and Philosophy, the Septuagint and Philo. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 1999. — P. 72.
35. *Цит. по: Плотин.* Эннеады. В 2 т. — Киев : УЦИММ-Пресс, 1995-1996.
36. *Гайденко П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — С. 47.
37. *Там же.* С. 45.
38. *Stamatellos G.* Plotinus and the Presocratics. A Philosophical Study of Presocratic Influences in Plotinus' Enneads. New York: State University of New York Press, 2007. — P. 92.
39. *Бергсон А.* Творческая эволюция. — М. : Кучково поле, 2006; *Хайдеггер М.* Бытие и Время. — С-Пб.: Наука, 2006.
40. *Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. — М. : Наука, 1985.

Сушкевич Татьяна Александровна,
студентка Института филологии и журналистики
Житомирского государственного университета имени Ивана Франко,
г. Житомир

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО О КИЕВСКОЙ РУСИ

В статье исследуются изменения философской категории времени, связанные с переходом её в художественное время в романах П. Загребельного о Киевской Руси. Уделяется внимание взаимореализации взглядов на проблему времени в художественной литературе (указанных романах) и философии (концепции Э. Фромма)

Ключевые слова: время, художественное время, трансформация, бытие, владение

ТРАНСФОРМАЦІЯ КАТЕГОРІЇ ЧАСУ У РОМАНАХ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО ПРО КИЇВСЬКУ РУСЬ

У статті досліджуються зміни філософської категорії часу, пов'язані з переходом її у художній час у романах П. Загребельного про Київську Русь. Звертається увага на взаємореалізацію поглядів на проблему часу в художній літературі (згаданих романах) та філософії (концепції Е. Фромма)

Ключові слова: час, художній час, трансформація, буття, володіння

THE TRANSFORMATION OF THE CATEGORY OF TIME IN P. ZAGREBELNYI'S NOVELS ABOUT KYIV RUS

In the article changes of the philosophical category of time, which are connected with transition of this category to the art time, in P.Zagrebelny's novels about the Kiev Rus are investigated. The attention is paid to the mutual realization sights at the problem of time in fiction (named novels) and philosophy (E.Fromm's concept)

Keywords: time, art time, transformation, being, holding

Научное знание XXI в. характеризуется тем, что добывается не отдельной наукой, а является результатом междисциплинарных исследований разных наук. Лишь среди гуманитарных дисциплин категория времени рассматривается в социологии и психологии (К. Абульханова, Т. Березина [1], С. Аскольдов [2]), в культурологии, относительно теорети-

ческих аспектов архитектуры, скульптуры и живописи (И. Духан [3]), в истории (Р. Козеллек [4]), в музыкальной культуре (В. Суханцева [5]).

Литературоведение также исследует в художественных произведениях время. А их интерпретативная практика требует взаимодействия различных культурного и научного дискурсов, что, собственно, и обеспечивает философия. В свою очередь, литературоведение и литература отображают ситуацию в философии, являются практической реализацией философских теорий. Поэтому трансформация категории времени в литературных произведениях — **актуальная проблема** как литературоведения, так и, в определенной степени, философии.

Решать проблему «что такое время?» начали философы и мыслители еще во времена античности. В современной философии доминирует понимание времени как «условия возможности», предложенное М. Хайдеггером [6]: такое время отсутствует и в субъекте, и в объекте, и «внешне», и «внутри». Дополняют эти рассуждения другие философские концепции, в частности, концепция Э. Фромма о связи времени с категориями «бытия» (настоящее) и «владения» (прошлое и будущее) [7].

В произведениях литературы категория времени приобретает художественные признаки, образность. Переход этого философского понятия в образ сопровождается подчеркиванием его идеальных признаков, что можно трактовать как трансформацию. Между временем в философском и литературоведческом аспектах общим является единство прошлого, нынешнего и будущего; ему свойственны ритм, темп, движение. Поэтому использование достижений философии позволяет глубже постигнуть значимость времени в художественном произведении.

Однако, поскольку в литературных текстах время поддается трансформации, оно приобретает отличающиеся от своей производной категории определенные признаки. Художественное время исследовали М. Бахтин [8], А. Гуревич [9], Д. Лихачев [10], Ю. Лотман [11]. На основе концепций названных ученых выделяем такие признаки художественного времени:

1) относительно времени как формы бытия оно вневременное, потому что сюжет произведения может разворачиваться и восприниматься разными читателями во временах, которые не совпадают со временем написания произведения;

2) в нем сосредоточено, как правило, одно явление действительности, тогда как в реальном времени происходит бытие всех явлений;

3) оно более крепко связано с художественным пространством, потому что они имеют одинаковые свойства, в отличие от действительных времени и пространства.

В художественном времени автор произведения литературы абстрагирует, идеализирует конкретные вещи. Читатель через произведе-

ние сопоставляет художественные идеалы и абстракции со своим настоящим, упорядочивая его в соответствии с этими идеалами. Поэтому, за Г. Рижухиной, время в тексте можно рассматривать как реальное время создания текста (эпоха, дата), время функционирования произведения искусства как материального объекта среди других объектов действительности, время восприятия текста читателем [12].

Объектом этого исследования являются исторические романы П. Загребельного о Киевской Руси («Диво», 1968; «Первомост», 1972; «Смерть в Киеве», 1973; «Евпраксия», 1975), ведь, как заметил Р. Козеллек, «старая триада: место, время и личность очевидно присутствуют в произведении любого автора, который пишет на историческую тему. Если место, время и личность изменяются, возникают новые произведения, даже если они, якобы, и касаются того же предмета» [13]. Невзирая на значительное количество исследований художественного времени, его особенности и связь с философской категорией времени в цикле романов П. Загребельного освещены фрагментарно, потому определяют собой **предмет** этой работы.

Цель — осмыслить изменения категории времени в романах П. Загребельного о Киевской Руси.

Роман «Диво» имеет три временные плоскости, события в которых происходят в X-XII вв. — времена Киевской Руси, 40-е гг. XX в. — годы Великой Отечественной войны, 60-е гг. XX в. — время написания романа. Соответственно, каждая из плоскостей имеет своих персонажей. В первом периоде Ярослав Мудрый пожелал построить храм, восковую модель которого предложил вымышленный автором зодчий Сивоок. Так была построена София Киевская. Во время Великой Отечественной войны историк Гордей Отава (тоже вымышленный персонаж) спасает эту достопримечательность от немецких захватчиков, чем дает возможность своему сыну Борису уже в 60-е гг. XX в. завершить их общее исследование — поиск утерянного имени творца Софии.

Отдаленность временных плоскостей в романе, на первый взгляд, могла бы повлечь за собой асимметрию художественного времени. Однако пространственный образ Софии Киевской гармонично сочетает плоскости между собой, потому что их события и персонажи группируются вокруг этого образа. Отец Отава защищает сооружение, а сын ищет историческую правду о нем, тем же персонажи-историки будто оберегают и возрождают талант наших предков. П. Загребельный отмечал: «Хотелось показать неразрывность времен, показать, что большое культурное наследие, оставленное нам историей, существует не самодостаточно, а входит в нашу жизнь ежедневную, влияет на вкусы наши и чувство, формирует у нас ощущение красоты и величия, мы же платим своим далеким предкам тем, что относимся к их наследию с надлежащим почетом, оберегаем и защищаем его» [14]. Поэтому, в соответствии с замыслом автора, пространство романа, а

также время приобретают сакральное значение, которое раскрывается в идее произведения — преемственность таланта как дива, которая «никогда не кончается и не переводится» [15].

В философском аспекте объединение древнерусской эпохи и «современности» в «Диве» через пространство Софии Киевской можно рассматривать как художественный пример существования и движения материи во времени и пространстве, то есть, проявление бытия. Ведь собор просуществовал много веков, относительно него длительный период времени ведутся исторические поиски (движение истории собора во времени). Э. Фромм отмечает, что бытие «необязательно существует вне времени, но время не доминирует над ним» [16]. В «Диве» время не без участия власти (Ярослава Мудрого) уничтожило не только творца Софии, но и его имя. Но творение Сивоока и его осмысление оказались неподвластны времени, а следовательно вневременными (вечными). По сюжету романа переживания любви, радости, понимания истины свойственное персонажам трех сюжетных плоскостей (рождение сына у Сивоока и княжеской дочери Ярославы; отношения в семействе Отав; зарождение чувств между Борисом и художницей Таей). Таким образом, утверждается мысль, которую выразил Е. Фромм: становление ценностных установок происходит «не во времени, а здесь и теперь. Это «здесь и теперь» является вечностью, или вневременным измерением» [17]. Поэтому идею романа П. Загребельного можно трактовать так: талант — диво, которое преодолевает время и принадлежит вечности через преемственность.

Вводя в литературоведческое обращение термин «хронотоп», М. Бахтин определил, что «признаки времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и изменяется временем» [18]. Именно такое взаимодействие времени и пространства прослеживается в романе П. Загребельного «Смерть в Киеве».

Художественное время произведения четко очерчивается пределами от 1147 года (убийство древнерусского князя Игоря) до 1157 года (отравление Юрия Долгорукого). Место действия в первой части — Суздаль, во второй — Киев. По Суздальским землям герои путешествуют, потому художественное время подчиняется образу дороги. Оно разворачивается линейно, а пространство — горизонтально. Дулиб, Иваница и Юрий Долгорукий странствуют от города к городу в поисках правды-истины об убийстве князя Игоря, потому что:

«— Есть вещь, которая стоит выше всего, — заметил Дулиб (...).

— Что же то? — поинтересовался довольно вяло Берладник.

— Истина» [19].

Другие характеристики приобретает топос, когда персонажи избражаются в Киеве. Герои перемещаются по вертикали: то находятся среди князей и бояр на киевских горах, то спускаются на Подол к купцам, ремесленникам, нищим. При этом время во второй части произ-

ведения уплотняется, концентрируется через детальное изображение ключевых событий «вверху» или «внизу» Киева. Однако хронологических прыжков, которые нарушали бы причинно-следственные связи между событиями, не наблюдается. В то же время поиск истины, который выступал в качестве центра коллизии в первой части романа, уходит на второй план, потому что познать истину невозможно. Подобную мысль находим у Е. Фромма: «Знание как способ бытия не предусматривает владения истиной, но оно предусматривает погружение вглубь реальности, где, сохраняя критическую позицию, можно было бы подступить к истине ближе» [20]. Поэтому Иваница, столкнувшись с убийцами Игоря, погибает от их рук. Для Дулиба разгадка не наступает. Не занимает персонаж и соответствующей позиции, чтобы критически оценить ситуацию, поэтому оставляет пространство Киева: «Дулиб молчал. Все для него закончилось в этом огороде. Казалось, всего достиг — и вот нет ничего. Жизнь потеряла цену, не имел прошлого, впереди — чернота и пустота» [21]. В восприятии персонажа время теряет значимость, наступает развязка романа.

В целом через свою однородность художественное время романа «Смерть в Киеве» подчеркивает контраст пространств Суздаля и Киева, иллюстрирует последствия в результате изменения взглядов и убеждений героев (изменение отношения к факту постижения истины) в зависимости от пространства, в котором происходят события.

В романе П. Загребельного «Первомост» не наблюдаем существенных временных смещений. Там хронология событий разворачивается равномерно, невзирая на ретроспективные и проспективные элементы, основная функция которых — информативно-эстетическая (необходимы для понимания сюжета или создания интриги). Изображены события XII-XIII вв., связанные с татаро-монгольским нашествием на Киевскую Русь.

Интересным в «Первомосте» оказывается восприятие времени и отношение к нему главных персонажей, в частности, Воеводы Мостовика и юноши Маркерия. Герои появляются перед читателем в замкнутом пространстве поселка Мостище: «Стой на своем собственном месте и делай свое дело ладно — вот и наилучшая свобода. Ведь куда идти?» [22]. Но Маркерий по сюжету взрослеет, убегает из Мостища, скитается. Относительно образа Маркерия время динамично. Воевода Мостовик «был здесь (у моста. — Т. С.) будто вечно, всегда был Воевода и всегда звался Мостовик. (...) Если исчезал естественно и неуклонно один Воевода, то его так же неуклонно заменял следующий (...) — и так воспринимался Мостовик явлением вечно длительным и будто неизменным.

«Даже внешне Мостовики не отличались между собой» [23]. Для образа Воеводы время статично. Поэтому в финале «Первомоста» Маркерий, уничтожив мост, чтобы помешать татарам (точку концен-

трации времени, пространства и жизни героев), будто «запустил» время: у мостищан появилось прошлое (Первомост «стал достоянием времени, он вошел во время, которое не исчезает, не имеет конца...» [24]), настоящее («... все *теперь* было потеряно в руинах...» [25]) и будущее («... *новые поколения* взяли его (дух мостищан. — Т. С.) себе в дорогу, когда отправлялись на завоевание соблазнительного берега надежд...» [26]). Мостовик погиб вместе с уничтожением моста.

Развязка романа П. Загребельного будто выступает в качестве иллюстрации к философским обобщениям Э. Фромма: «Если в жизни преобладает принцип бытия, то мы уважаем время, однако не подчиняемся ему. Если же превалирует принцип владения, это уважение превращается в подчинение, ведь в таком случае вещами являются не только вещи, но и все живое. Время начинает властвовать над нами» [27]. Маркерий жил у моста, Воевода же владел им и мостищанами. Юноша «идет в ногу» со временем, Мостовика время уничтожает.

В сюжете произведения символическое значение приобретает образ моста. Он ассоциируется с движением во времени и пространстве: «Движение постоянное, ежедневное, всё время, при любой поре и погоде, движение беспричинное, самодостаточное, хотя бы один человек должен был проходить по мосту от берега к берегу». [28]. В философском понимании его можно рассматривать как признак бытия персонажей. Для мостищан мост — это весь их мир. По М. Хайдеггеру, бытие означает присутствие. Из присутствия возникает настоящее. Последнее создает с прошлым и будущим характеристику времени. Бытие как присутствие определяется порою [29]. Герои «Первомоста» время измеряли движением через мост, существование около которого представляло для них сущее. В тоже время, мост можно трактовать как фиктивный символ движения, потому что, во-первых, рядом существует река (символ изменений во времени и пространстве, ведь Маркерий изменил свою судьбу, убегая вдоль реки, в ней погиб Мостовик), а во-вторых, уничтожение моста в финале «высвободило» время (изменило жизнь мостищан).

Таким образом, в «Первомосте» художественное время определяет образ жизни персонажей. Восприятие времени и отношение к нему мотивирует действия и поступки героев, которые определяют сюжет.

В романе П. Загребельного «Евпраксия» развертывание художественного времени подчинено личным качествам, характеру одноименной героини, потому что все сюжетные коллизии связаны с ее образом.

В произведении изображены события последнего десятилетия XII в.: от брака русской княжны с немецким маркграфом до собора в Пяченце, где Евпраксия развенчала преступления германского императора Генриха IV.

Евпраксию выдали замуж еще ребенком. С тех пор начались сложные перипетии в её судьбе. Они представляют собой настоящее perso-

нажа. Опыт княжны, а следовательно, её прошлое связаны с детством: в трудные моменты настоящего Евпраксии снятся или мерещатся сказочные существа чеберяйчики. Когда княжна повзрослела (однако достигла не возрастной зрелости, а внутренней), чеберяйчики исчезли: «Утрачивалось то, что не утрачивается никогда: время. Время принадлежит человеку или не принадлежит. Чеберяйчики здесь бессильны. Они заплакали золотыми слезами из золотых глаз, сказали Евпраксии: — Прощай» [30].

Так образы сказочных существ выступают в качестве признака динамики художественного времени.

На будущем Евпраксии внимание не сосредоточено. Оно изображено как перспективный внесюжетный элемент: «... робко будет приближаться к родной земле, потому что неслава о ней уже давно будет донесена священниками в Киев, и отвернутся лицемерно от молодой женщины все, кто возможно, отвернется сестра Янка, даже родная мать, княгиня Анна, будет пугаться возвращения обесчещенной дочери, на княжеских учтах лакизы будут составлять о ней грязные песни, будут называть сукой-волочайкою, Опраксой любострастной» [31]. Такова развязка произведения, потому что кульминационный момент сюжета — это собор в Пьяченце, где императрица Евпраксия своей личностью и речью возвысилась над средой «лицемерия, зависти, жажды наслаждений».

К. Абульханова и Т. Березина отмечают, что прошлое для личности не становится «оставленным позади реальным пространством. Оно становится идеальным и экзистенциальным пространством личности» [32]. Так, пространство Киева, которое Евпраксии запомнилось с детства (из прошлого), для нее идеально, в отличие от пространства германского (настоящего), хотя сопоставляются они в одинаковое время: «Осень в Киеве — в полыхании листьев и костров, в щедрой охоте, в радости от созерцания роскошных всадников, в тяжелых объеданиях дичью. А здесь (в Кведлинбурге. — Т. С.) осень — сплошная печаль. Серая, как свинец на кровлях монастырских» [33]. Будущее, как считают К. Абульханова и Т. Березина, в отличие от прошлого, — это проективное личностное пространство. В зависимости от того, сколько жизненных сил, умений, чувств вобрала личность из прошлого в собственное настоящее «я», столько проективного «времени-пространства» она способна охватить как свое будущее [34]. Настоящее Евпраксии несчастно, насыщено негативным опытом («Евпраксия отдалялась от этого мира несчастий, дрязг и злобы» [35]), потому её будущее тоже уничтожено («Ничто так не уничтожает время, как несчастье» [36]).

Однако героине романа П. Загребельного, невзирая на «грязное» окружение и насилие вокруг неё, удалось соединить и сохранить душевное и духовное, укрепить внутренне. Интенции роста лич-

ности Евпраксии можно искать в особенностях художественного времени. Прошлый опыт персонажа в новых условиях (нынешнем пространстве Германии) не понадобился, перспектива через связь с нынешним окружением являлась закрытой, неопределенной (оставался неизвестным ход событий собора и его последствия), поэтому личность начинает искать определенности в себе (сосредоточивается внимание на внутреннем времени), на чем и строится сюжет романа.

Сюжетная основа «Евпраксии» состоит из настоящего героини. Согласно теории Э. Фромма, существование здесь и теперь — это бытие [37]. Поэтому, если так утверждать, читатель наблюдает за бытием художественного образа. Прошлое и будущее Евпраксии подчинено времени, что Э. Фромм определяет как признак владения [38].

Сюжет «Евпраксии» иллюстрирует зависимость времени от черт и особенностей становления личности, на которые также влияет пространство.

Так, в результате исследования трансформации категории времени в романах П. Загребельного о Киевской Руси обнаружено, что в четырех произведениях цикла она оформляется в художественное время по-разному.

Художественное время всех произведений связано с периодом Киевской Руси. Однако в «Диве» через пространственный образ Софии Киевской ассоциативной связью объединяются три временных плоскости, то есть, из реального времени в художественном произведении выделены три временных пласта. Воспринимая произведение, можно сопоставить давно прошедшие времена, более близкую историю, время написания произведения и современные для реципиента события. Таким образом, утверждается идея «Дива» — вневременность таланта и его творений.

В произведении «Смерть в Киеве» художественное время изменяется относительно пространства, в котором разворачивается сюжет: пространство горизонтальное — время линейное, пространство вертикальное — время суженное. В этом случае при трансформации категории времени становится выразительным его свойство уплотняться и растягиваться. Также в произведении видим изменение значимости человеческих ценностей (постижение истины, знания) в условиях изменения пространства, окружения. Так определяется его идея — независимо от изображенной эпохи, времени написания текста или его рецепции время теряет значимость с потерей сущности духовных ценностей, подчеркивается их вневременность.

В «Первомосте» особенности изменения категории времени заключаются в его художественном воссоздании в промежутках прошлого-настоящего-будущего персонажей. Роман иллюстрирует, что отсутствие/наличие любого звена этой цепочки влияет на образ жизни

личности, что через локализацию персонажа в пространстве время останавливается, а с ним и развитие личности.

В «Евпраксии» видим подобную передачу периодов времени. Но в этом романе П. Загребельного суть трансформации названных периодов связана с чертами и характером личности. Её прошлое, современное и будущее зависят, в первую очередь, от неё самой, а во вторую — от пространства, в котором она находится «теперь». На художественное время «Первомоста» и «Евпраксии» реципиент накладывает потребности своего времени, которые превращаются в этические и эстетические, формируя его духовное время-пространство.

Что же касается философских аспектов художественного времени в романах П. Загребельного, то применённая к их интерпретации концепция Е. Фромма о временных признаках бытия и владения также показывает, что в каждом произведении эти аспекты реализуются по-разному. Персонажи романов о Киевской Руси не все существуют во времени или относятся к нему по определенному отдельному принципу. Судя по сюжету произведений, одни герои пытаются жить по принципу бытия (Сивоок, Маркерий, Иваница), другие — владения (Ярослав Мудрый, Воевода Мостовик), а некоторые из них колеблются между двумя принципами (Борис Отава, Дулиб, Евпраксия). Если доминирует владение, то время руководит судьбой персонажа, уничтожает его или определенный этап его внутреннего времени. Если же преобладает бытие, то граница между внешним и внутренним временем персонажа нивелируется, его внутреннее время тяготеет к вневременности (вечности).

Следовательно, философская категория времени, приобретая признаки художественности, в романах П. Загребельного изменяется, потому что связана с художественным пространством, персонажами и сюжетом. Поскольку романы исторические, то ценности, которые они пропагандируют в виде идей, авторской концепции, приобретают свою значимость в «здесь и теперь» автора, персонажа и реципиента. Художественному времени хотя и свойственны отличающиеся от времени в философском понимании признаки, однако именно они дополняют не только литературоведческие, но и философские знания об этой категории.

Литература

1. Абульханова К. Время личности и время жизни / К. Абульханова, Т. Березина. — СПб. : Алетейя, 2001. — 304 с.
2. Аскольдов С. Время онтологическое, психологическое и физическое. [Электронный ресурс] / С. Аскольдов. — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/askoldov_vremja/
3. Духан И. длительность и гопостазис: Бергсон, Левинас и художественное переживание времени / И. Духан // Вопросы философии. — 2010. — № 6. — С. 33-44.

4. Козеллек Р. Минуте майбутне. Про семантику історичного часу / Р. Козеллек. — К. : Дух і літера, 2005. — 380 с.
5. Суханцева В. Категорія часу в музикальній культурі / В. Суханцева. — К. : Лыбидь, 1990. — 184 с.
6. Хайдеггер М. Час і бытие [Електронний ресурс] / М. Хайдеггер. — Режим доступу: http://www.i-u.ru/biblio/archive/haydeger_yrema/
7. Фромм Е. Мати чи бути? / Е. Фромм. — К. : Укр. письменник, 2010. — 222 с.
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. — М. : Худ. литература, 1975. — 504 с.
9. Guriewicz A. «Cóż to jest... czas?» / A. Guriewicz // *Antropologia kultury. Zagadnienia i wybór tekstów [wstęp i redakcja A. Mencwel]*. — Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1995. — S. 115-127.
10. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения / Д. Лихачёв // *Вопросы литературы*. — 1968. — № 8. — С. 74-87.
11. Лотман Ю. Структура художественного текста [Електронний ресурс] / Ю. Лотман // *Лотман Ю. Об искусстве*. — СПб. : «Искусство — СПб», 1998. — 285 с. — Режим доступу: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/_Index.php
12. Рыжухина Г. Час в літературі [Електронний ресурс] / Г. Рыжухина. — Режим доступу: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/ryzhukhina_yremya.htm
13. Козеллек Р. Минуте майбутне. Про семантику історичного часу / Р. Козеллек. — К.а: Дух і літера, 2005. — С. 181.
14. Загребельний П. Спроба автокоментаря / П. Загребельний // *Загребельний П. Неложними устами*. — К. : Рад. письменник, 1981. — С. 444.
15. Загребельний П. Твори в 6-ти т. / П. Загребельний. — К. : Дніпро, 1979-1980. — Т. 2. Диво — 1979. — С. 568.
16. Фромм Е. Мати чи бути? / Е. Фромм. — К. : Укр. письменник, 2010. — С. 140.
17. Там само. — С. 140.
18. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. — М. : Худ. литература, 1975. — С. 235.
19. Загребельний П. Твори в 6-ти т. / П. Загребельний. — К.: Дніпро, 1979-1980. — Т. 3. Смерть у Києві. Первоміст. — 1980. — С. 208.
20. Фромм Е. Мати чи бути? / Е. Фромм. — К. : Укр. письменник, 2010. — С. 53-54.
21. Загребельний П. Твори в 6-ти т. / П. Загребельний. — К.: Дніпро, 1979-1980. — Т. 3. Смерть у Києві. Первоміст. — 1980. — С. 422.
22. Там само. — С. 437.
23. Там само. — С. 443.
24. Там само. — С. 675.
25. Там само. — С. 675.
26. Там само. — С. 675.
27. Фромм Е. Мати чи бути? / Е. Фромм. — К. : Укр. письменник, 2010. — С. 141.
28. Загребельний П. Твори в 6-ти т. / П. Загребельний. — К.: Дніпро, 1979-1980. — Т. 3. Смерть у Києві. Первоміст. — 1980. — С. 437.
29. Хайдеггер М. Час і бытие [Електронний ресурс] / М. Хайдеггер. — Режим доступу: http://www.i-u.ru/biblio/archive/haydeger_yrema/

30. Загребельний П. Євпраксія / П. Загребельний // Загребельний П. Твори в 6-ти т. — К.: Дніпро, 1979-1980. — Т. 4. Євпраксія. День для прийдешнього. — 1980. — С. 147.
31. Там само. — С. 268.
32. Абульханова К. Время личности и время жизни / К. Абульханова, Т. Березина. — СПб. : Алетей, 2001. — С. 215.
33. Загребельний П. Євпраксія / П. Загребельний // Загребельний П. Твори в 6-ти т. — К. : Дніпро, 1979-1980. — Т. 4. Євпраксія. День для прийдешнього. — 1980. — С. 52.
34. Абульханова К. Время личности и время жизни / К. Абульханова, Т. Березина. — СПб. : Алетей, 2001. — С. 215.
35. Загребельний П. Євпраксія / П. Загребельний // Загребельний П. Твори в 6-ти т. — К. : Дніпро, 1979-1980. — Т. 4. Євпраксія. День для прийдешнього. — 1980. — С. 268.
36. Там само. — С. 268.
37. Фромм Е. Мати чи бути? / Е. Фромм. — К. : Укр. письменник, 2010. — С. 140.
38. Там само. — С. 140.

***Политические аспекты
проблемы времени***

**Андрущенко Максим Александрович,
Багинский Андрей Владиславович,**
аспиранты философского факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
г. Киев

НАЧАЛА КАЙРОПОЛИТИКИ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ КВАДРАТ, ТУРБУЛЕНТНОСТЬ, ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ

В этой статье трансформационное время рассмотрено с точки зрения перспективного направления политической науки — кайрополитики. Исследовано содержание кайрополитики исходя из триады «параметры-управление-сценарии развития». Предложены новые для отечественной политологии теоретические конструкты — «хронополитика», «кайрополитика», «темпоральный квадрат», «турбулентность мировой политики», «мёбис-веб управление», «воронка причинности». Учет потенциала темпорального измерения политики, который исследуется кайрополитикой, способен эффективно разрешить проблему качественного изменения политической системы. Особое внимание уделено политической трансформации в Украине в контексте нелинейного характера политического процесса. Предложена стратегия управления трансформационным временем в Украине исходя из взаимодействия темпоральных уровней «воронки причинности»

Ключевые слова: кайрополитика, трансформационное время, «воронка причинности», нелинейная система, турбулентность политики, мёбис-веб управление, «темпоральный квадрат»

НАЧАЛА КАЙРОПОЛІТИКИ: ТЕМПОРАЛЬНИЙ КВАДРАТ, ТУРБУЛЕНТНІСТЬ, ВИРВА ПРИЧИННОСТІ

У цій статті трансформаційний час розглянуто з точки зору перспективного напрямку політичної науки — кайрополітики. Досліджено зміст кайрополітики виходячи з триади «параметри-управління-сценарії розвитку». Запропоновано нові для вітчизняної політології теоретичні конструкти — «хронополітика», «кайрополітика», «темпоральний квадрат», «турбулентність світової політики», «мьобіс-веб управління», «вирва причинності». Врахування потенціалу темпорального виміру політики, що досліджується кайрополітикою, допоможе ефективно вирішити проблему якісної зміни політичної системи. Особливу увагу приділено політичній трансформації в Україні в контексті нелінійного характеру політичного процесу. Запропоновано стратегію управління трансформаційним часом в Україні з огляду на взаємодію темпоральних рівнів «вирви причинності»

Ключові слова: кайрополітика, трансформаційний час, «вирва причинності», нелінійна система, турбулентність політики, мьобіс-веб управління, «темпоральний квадрат»

THE PRINCIPLES OF KAIROPOLITICS: TEMPORAL SQUARE, TURBULENCE, FUNNEL OF CAUSALITY

In this article the transformational time due to perspective sphere of political science — kairopolitics is observed. The content of kairopolitics according to the triad of «parameters-governance-scenarios of development» is investigated. The new for the national political science theoretical constructs — «chronopolitics», «kairopolitics», «temporal square», «turbulence of world politics», «mobius-web governance», «funnel of causality» are proposed. The allowance for the temporal dimension of politics which is examined by kairopolitics could effectively solve the problem of quality change of the political system. Particular attention is paid to the political transformation of Ukraine in the context of nonlinear nature of the political process. The strategy of governance of transformational time in Ukraine due to interaction of the temporal levels of the «funnel of causality» is proposed

Keywords: *kairopolitics, transformational time, the «funnel of causality», nonlinear system, the turbulence of politics, mobius web governance, «temporal square»*

Интенсивность современных трансформаций политических структур, демократизация обществ, поиск оптимальных моделей эволюции и прогнозирования развития политических систем и мирового порядка обуславливает актуальность изучения кайрополитики как момента действия политических акторов в трансформационное время качественных изменений политики и как практического направления политической науки.

Объектом исследования является вся область темпоральных проявлений политики (политическое время, политика времени, время политики).

Предмет статьи — кайрополитика — отрасль политической науки о трансформационном времени как времени качественного изменения политики.

Цель статьи — раскрыть содержательные характеристики и очертить теоретические инструменты кайрополитики как перспективной практической отрасли политической науки.

Цель определяет следующие **задачи**:

- Определить теоретические предпосылки изучения кайрополитики и её место среди темпоральных концепций политики.
- Выявить содержательные характеристики кайрополитики.
- Создать модель трансформационного времени на примере одной страны.

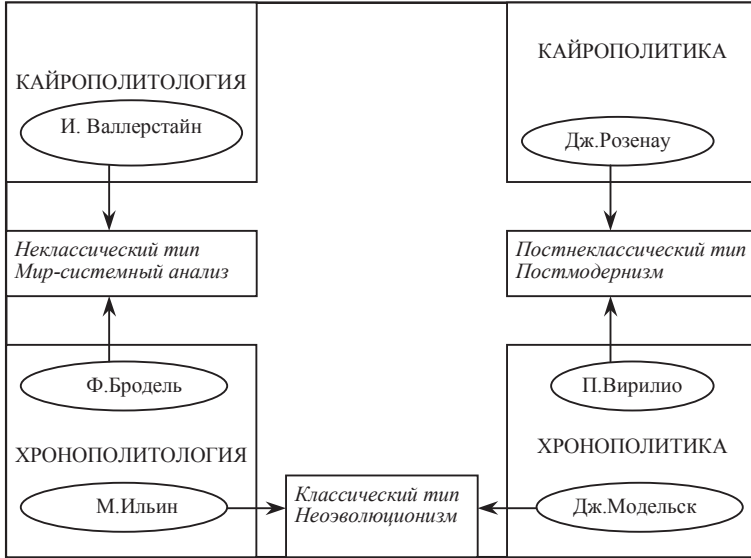
Место кайрополитики и кайрополитологии в теоретическом «здании» концепций политического времени можно тематизировать с помощью «темпорального квадрата» — эвристической модели, которая обобщает знания про временное измерение политики в контексте наиболее значимых авторских концепций темпоральной политологии на

основе выделения типов научной рациональности, а также направлений современной политической теории.

Темпоральный квадрат

Теоретическое

Практическое

Теоретическое

Практическое

Классический тип. Неоэволюционизм. Концепции М. Ильина [2] и Дж. Модельски [3] интегрированы в неоэволюционное направление современной политической теории. Они рассматривают проблему политического времени в контексте эволюционного развития политики/глобальной политической системы. Учёные оперируют терминологическим аппаратом эволюционной теории, используя такие понятия и категории, как «ароморфоз», «катаморфоз», «псевдоморфоз», «переходные стадии», «фазы», «виды», «селекция», «хронобиология». Концепции исследователей отображают классический тип научной рациональности, поскольку сосредоточены на объекте исследования (политической и глобальной политической системе соответственно), элиминируя всё, что относится к субъекту, операциям и средствам его деятельности.

Неклассический тип. Мир-системный анализ. Идея множественности временных ритмов лежит в основе мир-системных теорий Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Учёные акцентируют внимание на разнообра-

зии мир-систем, а также на их специфическом политическом развитии. Исследование связей между знаниями про объект и характером средств деятельности субъекта в концепциях мыслителей позволяет отнести их к неклассическому типу научной рациональности.

Постнеклассический тип. Постмодернизм. Концепции времени в политике П. Вирилио и Дж. Розенау относятся к постмодернистскому направлению современной политической теории. Они характеризуются дефундаментализмом, фрагментарностью и конструктивизмом. Постнеклассический тип научной рациональности нивелирует традиционные схемы субъект-объектного познания. Синергетика, основываясь на природоведческой легитимации идей, ускоряет распад классических стадияльно-линейных моделей политики, и утверждает выбор вариантов политического развития.

Кайрополитика является наиболее интересным и наименее изученным сегментом знаний о политическом времени. Это совокупность действий политических акторов в момент трансформационного времени качественного изменения политической системы в ситуации граничной неопределённости.

В древнегреческой мифологии Кайрос (др.-греч. Καῖρός) — бог счастливого мгновения, символ времени перемен. Сущность Кайроса раскрывается в противопоставлении греками двух видов времени — Хроноса и Кайроса. Хронос — это календарное время хронологических последовательностей, которое можно измерить количественно. Кайрос — трудно поддающийся изучению счастливый миг удачи, качественное время изменений. Древние скульпторы изображали Кайроса в виде энергичного, вечно спешащего юноши, с прядью волос, растущей на затылке. Считалось, что использовать свой счастливый жизненный шанс можно только ухватив молодого бога за пучок волос, когда он пробегает мимо тебя [1].

Воплощение Кайроса в гуманитарной мысли находим в богословских работах П. Тиллиха. Философ рассматривает «личный Кайрос» как индивидуальное душевное потрясение, и «Великий Кайрос» — время воплощение Слова Божьего. Каждый акт восприятия события «Великого Кайроса» воспринимается человеком как «малый Кайрос» [2].

Основываясь на взглядах П. Тиллиха, И. Валлерстайн выделяет особый, трансформационный тип «времени-и-пространства» и связывает его с качественным временем-кайросом. Время-Кайрос охватывает концепции «кризиса» и «перехода». Пребывание системы в кризисе происходит в ситуации, когда «очевидным становится прекращение существования системы и она, следовательно, находится в состоянии перехода к чему-то ещё» [3].

Вследствие резонанса времён различных темпоральных масштабов создаётся множественный спектр потенциальных направлений, точек бифуркации и возможностей качественного роста. И здесь

время-кайрос как «правильное место» и «правильное время» связано с ситуацией «фундаментального морального выбора», человеческого выбора. [4].

Итак, кайрополитология и кайрополитика — это малоизученные теоретические и прикладные направления современной политической науки. Но они являются перспективными, поскольку изучение параметров и способов управления качественным трансформационным временем в политике только сейчас обозначается по-новому, что связано, в том числе, с кризисом парадигмы транзитологии, доминирующей в исследованиях политических трансформаций в последней четверти XX века. Парадигма транзитологии исчерпала потенциал линейно-стадиальных, однофакторных интерпретаций демократизации и политического развития.

Кайрополитика открывает политический мир средствами изучения нелинейности и многовариантности путей эволюции политики, пересечением различных темпоральных диапазонов и масштабов.

Попробуем представить некоторые характеристики исследования трансформационного времени в политике, исходя из триады «параметры-управление-сценарии развития» как содержания кайрополитики.

Содержание кайрополитики

Трансформационное время в нелинейных политических процессах. Трансформационное время тесно связано с нелинейными политическими процессами, в которых система может содержать разные состояния, соответствующие различным законам поведения. «В отличие от линейных систем, элементы которых слабо взаимодействуют между собой и практически независимо входят в систему...В нелинейной системе, в разное время при разных внешних воздействиях её поведение определяется различными законами» [5].

Например, Украина как нелинейная и неустойчивая политическая система функционирует в рамках динамики и взаимодействия явлений различных темпоральных масштабов: календарного времени, избирательных циклов, трендов мировой экономики, волн демократизации, периодов смены поколений политического класса и т.д. Необходимо отметить, что момент резонанса различных форм трансформационного времени и создаёт «счастливые мгновения» качественного изменения политики, а также возможность управления им.

Политическое управление в условиях турбулентности. Довольно чёткое понятие трансформационных политических процессов, взятое из физики и метеорологии, предложил Дж. Розенау в работе «Турбулентность в мировой политике: теория изменчивости и континуума» (*Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*), а также в труде «Отдалённые близости: динамика за пределами глобализации» («*Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization*»). Он утвер-

ждает, что различные турбулентные потоки «выводят систему из критического уровня стабильности» [6].

По мнению Дж. Розенау, представление о разреженных структурах среды и о связанных с ними процессами предусматривает главное свойство турбулентности в любой политической системе — это продукт взаимодействий (связей) между микро- и макроакторами. «Турбулентность появляется тогда, когда многочисленные микродействия приводят к макрорезультатам, что происходит вне нормального функционирования системы» [7]. Наиболее эффективным способом управления в условиях политической турбулентности является Мёбис-веб управление (Mobius-Web Governance). Мёбис-веб — это иерархически-сетевая система многовекторного руководства политическими процессами, в которой задействованы акторы различных уровней (правительства, элиты, массовые общественные движения, транснациональные корпорации, международные общественные организации, международные правительственные организации, международные неправительственные организации) [8].

«Точки бифуркации» как векторы и сценарии развития. Итак, нелинейный, турбулентный характер политических процессов трансформационного времени приводит к взаимодействию акторов и факторов различных уровней. Точка бифуркации как «точка качественного изменения структуры процессов» [9] обуславливает появление новых вариантов развития политической системы. Нобелевский лауреат И. Пригожин подчёркивал, что процесс бифуркации уничтожает механически-детерминированную картину мира. Создаётся ситуация «нарушения временной симметрии» — состояния сложной системы, когда исходящие условия не имеют значение [10].

На наш взгляд, векторы и сценарии кайрополитики зависят от возможностей синхронизации темпоральных явлений различных параметров и длительностей в рамках трансформационного времени. Для иллюстрации «работы» трансформационного времени используем методологический инструмент «воронка причинности» (funnel of causality) для исследования иерархии и взаимодействий акторов и факторов различных темпоральных масштабов на примере отдельно взятого государства.

Трансформационное время Украины в «воронке причинности»

Методология «воронки причинности» впервые была использована политологами Мичиганской школы в работе «Американский избиратель» в качестве изучения влияния факторов различных масштабов на процесс голосования. Значительный вклад в развитие модели внесли Дж. Махоуни и Р. Снайдер. Они исследовали причинно-следственные связи «воронки» как различные «силы» и векторы, определяющие исход политического

процесса. Ось воронки символизирует темпоральное измерение, а форма представляет собой логическое произведение причинно-следственных цепочек с постепенным сужением фокуса анализа [11].

Перспективные методологические эскизы «воронки причинности» предложили российские учёные М. Ильин и А. Мельвиль. По мнению М. Ильина, необходимо чётко ранжировать уровни «воронки» в соответствии с переходом от явлений и факторов «долгосрочного развития» (*longe duree*) к явлениям и факторам «истории предвидений» (*histoire de conjectures*), а потом к повседневности с её суженным диапазоном реального времени, который фокусируется на ключевом моменте наименьшей размерности, но наибольшей конкретности [12].

Рассматривая «воронки причинности» от макро- до микроуровня, А. Мельвиль предложил иерархию факторов демократических трансформаций [13]. Мы будем использовать теоретический инструментарий «воронки причинности» для изучения факторов и темпоральных масштабов трансформационного времени в политике как качественно, кайрополитического изменения в политической системе. На наш взгляд, каждый фактор действует в определённых темпоральных масштабах. Соотношения факторов и темпоральных явлений в «воронках причинности» будут выглядеть следующим образом:

- внешняя международная среда — длинные циклы эволюции мировой политики и мирового хозяйства;

- государство и нациеобразующие факторы — ритмы структурного времени социальных систем;

- общий уровень социально-экономического развития — экономические циклы;

- социально-классовые процессы и условия — длительность и качественное наполнение рабочего времени;

- социокультурные и ценностные факторы — фазы развития символического пространства;

- политические факторы и процессы — ритмы политических процессов;

- индивидуальные, личностные психологические факторы — индивидуальное жизненное время, время индивидуального действия.

Наиболее темпорально масштабными являются факторы первых двух групп — это «макроуровень», менее масштабными — последняя группа факторов — «микроуровень». Все остальные факторы относятся к темпоральному масштабу «мезоуровня» [14].

Теперь рассмотрим темпоральные уровни «воронки причинности» в контексте управления потенциалом трансформационного времени в Украине.

Влияние международного сообщества на политическое развитие Украины в мире обуславливается, во-первых, её ролью зависимой, ресурсной «переферии»; во-вторых, рассмотрением Украинского государства в качестве элемента конструкции новых коалиций в междуна-

родной политике. Первая позиция отсылает нас к циклам развития 500-летней капиталистической мир-системы, описанных И. Валлерстайном, где следующая фаза роста ожидается в середине XXI века. Вторая позиция связана со столетними циклами двухтысячелетней эволюции глобальной политики Дж. Модельски. Исходя из этих циклов прогнозируется, что нынешнее столетие ознаменуется легитимацией нового глобального лидерства и макрополитических коалиций.

Кайрополитика Украины в международной сфере должна учитывать выгоды и вызовы трансформации алгоритма взаимодействий глобальных игроков исходя из прогнозируемой фазы легитимации нового мирового порядка во второй четверти — середине XXI века.

Данное суждение имеет довольно обобщенный характер, поскольку здесь ещё неизвестно, за счёт учёта каких конкретных факторов, кроме указанных «больших длительностей», может состояться кайрополитическое изменение в Украине. Для этого мы погружаемся вглубь «воронки причинности» и рассматриваем темпоральные особенности украинской государственности.

Темпоральное измерение 20-летней Украины интересно исследовать с точки зрения функционирования более длительных исторических социальных систем. Украинская государственность состоялась в рамках четвёртой фазы существования Балто-Черноморской системы. [15]. Данный подход к изучению политической системы Украины находится в перспективной разработке. Институциональное развитие политической системы Украины на современном этапе характеризуется своеобразным контрапунктом политического времени. В течении двадцати лет как минимум, 4 раза менялась форма правления, несколько раз была изменена избирательная система на выборах в парламент, а политический режим периодически варьировался от полуавторитарного до гибридного. Фактически, не менялся только характер политического класса и экономики.

Безусловно, существующие атрибуты государственности: территория, суверенитет, политическая власть и другие, зачастую сложно наполняются функциональным смыслом из-за незавершённого конструирования национальной идентичности.

Проблематика формирования национальной идентичности обуславливает социокультурные факторы трансформационного времени Украины. Если рассматривать нацию как явление современного века, время, прошедшее с начала формирования национальной идентичности украинцев насчитывает чуть более столетия и только пятую часть этого периода составляет возраст Украинского государства. По мнению Г.Касьянова, такие элементы национального самосознания как язык и территория, кроме объективного характера, носят и субъективный, символический характер [16].

Сегодня символические ресурсы национальной идентичности в Украине полностью не задействованы и не консолидируют «вообра-

жаемые» общность и общество. Для этого необходимо учитывать исторические фазы развития символического пространства политики: мифология-религия-идеология-маркетинг, где каждая фаза содержит один доминирующий и три недоминирующих способа производства политической символики. Успешная трансформация национальной идентичности во времени в Украине в XXI веке связана с внедрением в общество таких политико-символических средств как: «мифы местной демократии», «гражданская религия», «конкурентный идеологический дискурс», «бренд государства» [17].

Дальше, следуя «воронке причинности», очертим общий уровень социально-экономического развития как фактора трансформационного времени. Украина — 39 экономика в мире, её динамика жёстко привязана к мировым ценам на сталь, химикаты и аграрные продукты. Будучи сырьевой «периферией» (доля сырьевой продукции накануне кризиса 2008 года составляла 70%), Украина ощутила рецессию мирового производственного цикла [18].

Тем не менее, по мнению экспертов, переход от факторно-ресурсной стадии к стадии инновационной конкурентоспособности возможен на протяжении 15-20 лет. В то же время подчёркивается важность не столько экономических причин преобразований, сколько необходимость развития социального капитала и сплочённости общества [19].

Показателем социально-классовых отношений в украинском обществе являются в первую очередь отношения в сфере собственности. Сегодня в Украине сформировался класс крупных собственников, который во многом определяет политику государства, но латентным остаётся потенциал влияния на политику активных социальных сил: предпринимателей, интеллигенции, молодёжи, скованных социально-экономическими, и что важно, темпоральными ограничениями. Как подчёркивает В. Брайсон, в недемократических или частично демократических обществах исключённые из политики группы выполняют работу ради освобождения времени для политически активных групп [20]. Естественно, базовой стратегией качественных изменений политической системы Украины должно стать освобождение времени для политики указанных социальных групп.

Управление экономикой, интеграция социальных интересов и консолидация общества — важнейшие предпосылки мира политического. Теперь, «нырнув» в «воронку причинности» мы можем увидеть темпоральные особенности политических процессов Украинского государства.

Важно отметить, что ещё на заре становления независимости Украины государство приобрело модный среди посткоммунистических транзитов экспериментальный характер институционализации политики. Результатом стал гибридный институциональный дизайн, когда советские управленческие структуры накладывались на заимствованные у

демократических стран политические институты. Отсюда, и взялись вышеупомянутые, многочисленные «улучшения» Конституции», «оптимизации» избирательной системы, «усовершенствования» форм правления, как «покрой пальто» полномочий под очередного главу государства. Всё это легитимизировалось научным дискурсом линейного демократического транзита, как переходного состояния от тоталитаризма к демократии. На самом деле, политический режим на протяжении 20 лет устойчиво воспроизводил причудливую, гибридную форму полувотаритаризма-полудемократии с достаточно определёнными типом экономики и траекторией взаимодействия социальных отношений.

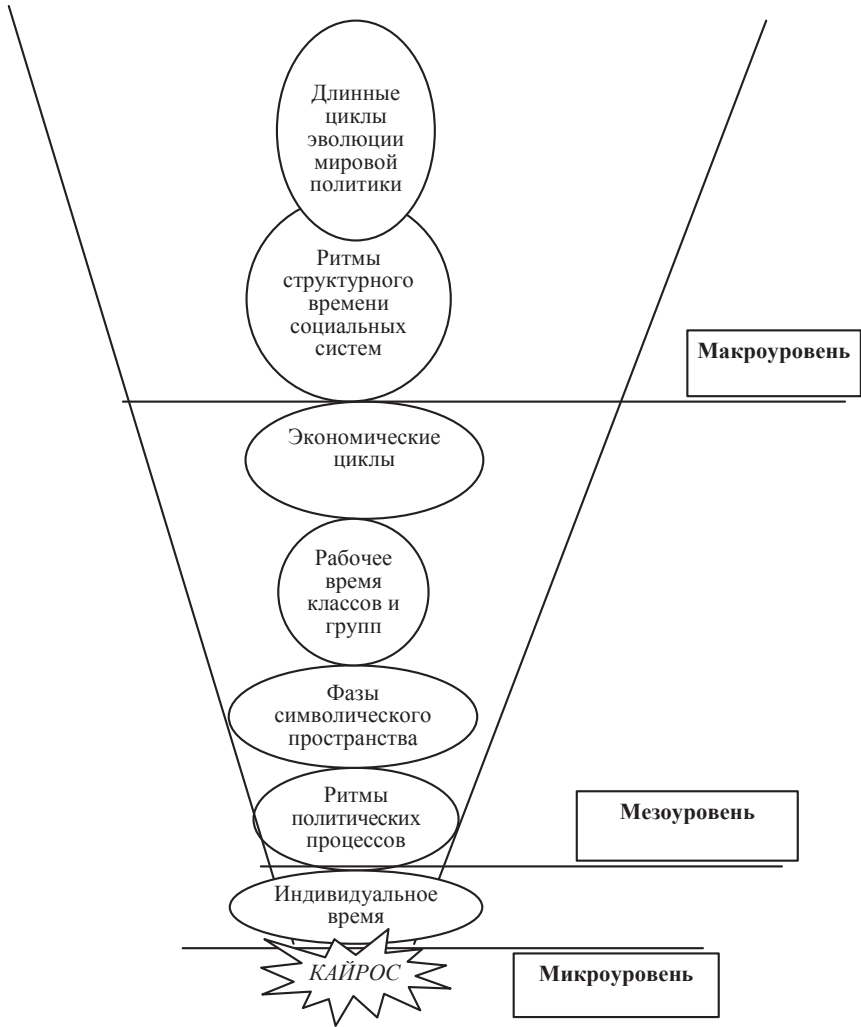
Обретение Украиной независимости, как точка бифуркации отжившего Советского Союза, пришлось на пик третьей «волны демократизации». Очевидно, Украина проигрывает демократическим политическим режимам с точки зрения степени разделения власти, особенно в контексте доминирующей роли исполнительной власти, её формирования на квазипартийной и квазикоалиционной основе. Процесс формирования исполнительной власти не способствует политической конкуренции с позиции представительства интересов тех групп, которые не входят в политический класс.

Политический класс и отдельные политические акторы, чьё волевое решение может повлиять на исход кайрополитического момента, формируют «устье» «воронки причинности» и темпоральный микроуровень, который может определить судьбу политической трансформации. В Украине важной предпосылкой потенциала политических акторов принимать решение, которое создаст качественное изменение системы являются фазы жизненного времени политического класса.

Большинство людей, занимающих сегодня ключевые должности в управлении нашим государством, достигли зрелых этапов политической социализации в безальтернативной политической среде, в нединамичной, иерархической системе управления, часто без ознакомления с передовыми научными способами понимания политических процессов. Фактически, Украиной за 20 лет управляло два поколения политиков — назовём их условно «поколение Леонидов» и «поколение Викторов». Первые родились до 1945 года, вторые — в послевоенное время. Объединяет оба поколения то, что их политическая культура формировалась в советский период, а возможность создания качественно нового, суверенного государства открылась для них уже в зрелом возрасте, когда политическая культура формируется не так активно.

Современные условия диктуют необходимость рекрутирования новых поколений политических лидеров в Украине, обогащённых темпоральной культурой и способных, в том числе, уловить короткий, удачный миг Кайроса, и совершить качественные изменения в украинской нелинейной и турбулентной политике.

«Воронка причинности» трансформационного времени («кайрополитического изменения»)

В ситуации турбулентности возможными становятся самые различные способы взаимодействия перечисленных факторов и уровней темпоральности трансформационного времени. Обозначим лишь несколько потенциально наиболее резонансных сценариев развития кайрополитических изменений в современной Украине.

1. Исходя из того, что середина XXI века станет моментом легитимации глобального порядка, а также временем потенциального роста мировой экономики (исходя из макроуровня «воронки»), Украина получает возможность более выгодно реализоваться в «архитектуре» мировой политики. Для этого необходимо наладить активное сотрудничество в рамках тех или иных стран-коалиций, подхватить ритм динамики успешно существующих длительных социальных систем (возможным вариантом является Балто-Черноморская система) и синхронизировать его с длинными циклами глобальной политики и мирового хозяйства.

2. Переформатирование темпоральных режимов функционирования украинской экономики, социально-классовых отношений, социокультурных механизмов, внутривнутриполитических процессов в контексте их синхронизации с жизненными и социальными циклами политического класса новой качественной субъектности, что может произойти в течении 15-30 лет.

3. Счастливым миг кайрополитического изменения может и не случиться, если мёбис-веб управление не будет реализовано вышперечисленными темпоральными факторами. Тогда не исключен вариант дезинтеграции нелинейной, турбулентной политической системы Украины, вплоть до её распада. Но это уже история будущего других времён.

Выводы

1. Теоретический инструментарий кайрополитологии и кайрополитики, обобщённый и систематизированный в статье в форме «темпорального квадрата», может быть перспективно использован для последующих научных разработок в сфере изучения трансформационного времени как качественного времени изменения политической системы, а также в рамках темпоральной политологии и социальных наук в целом.

2. Выделенные в данной работе базовые категории и понятия кайрополитики: «трансформационное время», «нелинейная политическая система», «турбулентность в политике», «мёбис-веб», «точки бифуркации» и другие, являются одной из первых попыток раскрывать внутреннюю структуру кайрополитики как малоисследованного сегмента научного знания.

3. «Воронка причинностей» является тем концептуальным ключём, который расширяет знание о причинах и взаимодействиях явлений различных темпоральных масштабов. Перспективной представляется дальнейшая детализация представленных в статье взаимодействий разных темпоральных уровней в контексте трансформационного времени кайрополитики для более эффективного управления и улучшения общества.

Литература

1. Кайрос // Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Кайрос>

2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. — М. : Мысль, 2000–2001 // Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/3013.html>

3. Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // *Время мира*. — Вып. 2., 2001. — С.115

4. Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // *Философские перемены*. Вестник Харьковского государственного университета. — 1998. — № 98. — С. 194-195

5. Полуниин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы / Ю.А. Полуниин, И.Н. Тимофеев. — М. : МГИМО-Университет, 2009. — С. 18

6. Rosenau, James N. Turbulence in World Politics: Theory of Change and Continuity / James N. Rosenau. — New Jersey: Princeton University Press, 1990. — P.58

7. Rosenau, James N. Turbulence in World Politics: Theory of Change and Continuity / James N. Rosenau. — New Jersey: Princeton University Press, 1990. — P.60

8. Rosenau, James N. Distant Proximities. — New Jersey: Princeton University Press, 1990. — P. 396-397

9. Полуниин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы / Ю.А. Полуниин, И.Н. Тимофеев. — М. : МГИМО-Университет, 2009. — С. 69

10. Prigogine I. The Network Society / I. Prigogine // *Journal of World-Systems Research*. — 2000. — Vol.6. — P. 892.

11. Теория и методы в политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / Под ред. С.У. Ларсена. — М. : РОССПЭН, 2009. — С. 166-171

12. Ильин М.В. Феномен политического времени / М.В.Ильин // *Полис*. — 2005. — №3. — С. 18

13. Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинностей» как промежуточный синтез структуры и агента в анализе демократических транзитов // *Полис*. — 2002. — №5. — С. 54-55

14. Андрущенко М., Якубин А. Политическое время: микро-, мезо- и макроуровни // *Политическая наука*. — 2009. — № 1. — С. 61

15. Ильин М.В. Балто-черноморская система. Матрицы и перспективы восточноевропейского политического развития / М.Ильин // *Прогнозис*. — 2008. — № 1. — С. 192

16. Касьянов Г. Теории нации и национализма: Монография. — К. : Лыбидь, 1999. — С. 264

17. Багінський А.В. Політична символіка демократичної консолідації / А.В. Багінський // «Гілея (науковий вісник)»: [зб-к наук.праць]. — Вип. 27. — К. : «Фенікс», 2009. — С. 382

18. Кораблин С. Украина постиндустриальная // *Зеркало недели*. — № 4. — 5 февраля, 2010 // Режим доступа до ресурсу: <http://zn.ua/articles/59129>

19. Полунеев Ю.В. Технологія економічного прориву: конкурентоспроможність країни та визначення стратегічних орієнтирів // *Демографія та соціальна економіка*. — № 2 (10). — С. 35, 40

20. Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. — Пер. с англ. А. Якубина. — К. : Центр учебной литературы, 2011. — С. 54

Бульдович Павел Витальевич,
студент философского факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
г. Киев

ФОРМЫ ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблемам использования основных форм времени в политико-коммуникативных процессах. Автор делает попытку экспликации содержания каждой из выделенных форм и выявления специфики их применения в политической коммуникации. Акцентируется внимание на целесообразности и необходимости исследования коммуникаций в политике сквозь призму времени в его различных формаобразованиях

Ключевые слова: политическая коммуникация, реальное время, социальное время, психологическое время, прогностическое время, мифологическое и условное время

ФОРМИ ЧАСУ В ПОЛІТИЧНІЙ КОМУНІКАЦІЇ

Стаття присвячена проблемам використання основних форм часу у політико-комунікативних процесах. Автор робить спробу експлікації змісту кожної з виокремлених форм та виявлення специфіки їх застосування в політичній комунікації. Акцентується увага на доцільності та необхідності дослідження комунікацій у політиці крізь призму часу в його різноманітних формоутвореннях

Ключові слова: політична комунікація, реальний час, соціальний час, психологічний час, прогностичний час, міфологічний та умовний часу

TIME FORMS IN POLITICAL COMMUNICATION

The article deals with problems of the main forms of time in the political and communicative processes. The author makes an attempt to explicating the content of this forms and identify their specific in political communication. Focuses on the feasibility of research of communications in politics through the prism of time in its various shaping

Keywords: political communication, real time, social time, psychological time, prognostic time, mythological and imaginative (conditional) time

Не стоить лишній раз підкривати то, якої значимістю володаєт время в жизнедеятельности как отдельного человека, так и общест-

ва в целом. Достаточно хотя бы того, что категория времени сегодня осмысливается как одна из базовых форм практической ориентации человека (индивидуальной и общественной) в мире. Еще начиная от Гераклита, время понимается не просто как продолжительность, но как закон движения, изменения явлений, связи между ними. Познавая этот закон, накапливая и подвергая рефлексиям знания о времени, выявляя его категориальную сущность, человечество прокладывает единственно возможный для себя путь осознанной и тем самым — адекватной деятельности в общеисторической перспективе.

С такой позиции изучение времени в любой сфере человеческой активности имеет высокий уровень эвристического потенциала для науки и научно обоснованной практики. Одной из таких сфер является политика и, в частности, коммуникативные процессы в ней. В исследовании политической коммуникации, которая с течением времени значительно усложняется, видоизменяется и играет все более важную роль в развитии общества, необходимым является нахождение определенной системы координат, в рамках которой эта коммуникация происходит, определяя ее содержание и специфику. В качестве подобной «матрицы» вполне целесообразно использовать систему пространственно-временных координат, которая позволяет значительно расширить горизонты анализа политической коммуникации. Данная проблема сегодня является слишком мало разработанной, тогда как динамическое развитие политической действительности требует новых научных подходов, методов решения возникающих проблем. Это и определяет **актуальность** нашего исследования.

Объектом исследования является время, в котором разворачивается политическая коммуникация. **Предметом** выступает специфика применения отдельных форм времени в процессе осуществления политико-коммуникативных актов.

Цель — демонстрация научной релевантности исследования политической коммуникации во временном измерении.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих **задач**:

- 1) выделить по определенным признакам конкретные формы времени, которые смогли бы применяться при анализе политической коммуникации;
- 2) охарактеризовать и систематизировать эти формы;
- 3) определить особенности применения отдельных форм времени в процессе политической коммуникации.

Рассматриваемая тематика изучается преимущественно в более широком контексте — в рамках проблемы политического хронотопа (пространственно-временная система координат, которая структурирует и организует политико-коммуникативную деятельность). Хронотоп является таким структурообразующим элементом, который стано-

вится своеобразной «рамкой существования» конкретного коммуникативного акта, играет в нем определяющую роль. В нашем исследовании внимание уделено именно темпоральному аспекту указанного феномена.

Чтобы глубже понять сущность и значение для общественной жизнедеятельности политической коммуникации, приведем некоторые ключевые характеристики коммуникации в целом:

1) в процессе антропогенеза коммуникационная деятельность была решающей предпосылкой и «питательной почвой» для образования человеческого сознания и языка;

2) коммуникация — способ формирования человеческой личности, так как только в процессе взаимодействия с другими людьми происходит социализация индивида и развитие его способностей;

3) коммуникационная потребность — органическая (абсолютная) духовная потребность человека; изоляция от общества приводит к неизлечимым психологическим травмам;

4) коммуникация — фактор и условие существования человеческих общностей — от малых социальных групп до наций и государств;

5) коммуникационная деятельность — источник, средство поддержания и использования социальной памяти, аккумулирующей культурный и исторический опыт социальных субъектов [2].

Эти базовые признаки в той или иной степени непосредственно распространяются и на политическую коммуникацию. Последнюю определим как процесс передачи информации, смыслов, знаков, который обеспечивает их циркуляцию в рамках политической системы и между политической и другими, в частности, социальной, системами. Политическая коммуникация прямым образом влияет на формирование политической культуры (совокупности устойчивых форм политического сознания и поведения), является одновременно условием, следствием и фактором осуществления политической деятельности. В ее рамках фактически происходит перманентное «движение» дискурсивного «материала», которое аккумулирует ресурсы не только с конкретной «эпистемой», но и со всего исторического опыта общества в целом. Именно поэтому для практической ориентации в пределах усложненной современной политической коммуникации, ее анализа более целесообразно использовать систему пространственных и временных координат. О темпоральных координатах и пойдет речь дальше.

Не затрагивая сущности времени как такового, рассмотрим два его базовых образа, исторически сложившихся в философии и большинстве социальных наук, которые отличаются чрезвычайной устойчивостью. Вслед за И. Савельевой и А. Полетаевым, условно обозначим эти образы как Время-1 и Время-2 [1]. Первое время можно охарактеризовать статичностью, гомогенностью (количественностью), дис-

клетностью (математической непрерывностью) и каузальной нейтральностью (изменения не происходят, а если происходят, то никакими предшествующими событиями не детерминируются). Этот тип времени соответствует в истории божественной вечности, абсолютно-ньютоновскому, астрономическому, физическому неизменному времени. Время-2 представляется, наоборот, динамичным, гетерогенным (качественным), континуальным (динамически непрерывным), каузально-эффективным (одни события и явления детерминируют другие). Это — социальное, психологическое, условно-образное и др. время. Основываясь на дихотомическое деление, мы попытались выделить, охарактеризовать и систематизировать основные формы времени, которые могут использоваться в процессе политической коммуникации (см. Таблицу 1). Заметим, что деление это является несколько условным, поскольку данные модификации все же являются продуктами творческого мышления «общественного человека», освоения им новых деятельностных форм, в результате которых дифференцировались и представления о времени и его «образы».

Первым охарактеризуем *реальное (физическое, астрономическое) время*. Данная форма времени относится к концептуальной схеме, условно обозначенной «Время-1». Политико-коммуникативный процесс здесь происходит в рамках статической хронологической системы координат и измеряется в часах, минутах, секундах. Продолжительность коммуникативного акта в политике имеет большое значение, в связи с чем коммуникацию на практике не только определяют заранее, но и акцентируют внимание на ней. Дело в том, что существует некоторая корреляция между продолжительностью коммуникативного события и его влиянием на общественное мнение. Так, СМИ систематически изобилуют заглавиями, которые отражают реалии коммуникативных процессов, например: «Послание Президента России к Федеральному Собранию длилось 1 час 25 минут», «100 минут продолжалось второе послание Президента Медведева к Федеральному Собранию», «Два часа в прямом эфире» (прямой эфир с В. Путиным 24.12.2001) или «Общение Лукашенко с белорусскими журналистами продолжалось более 5 часов» и т.п. Это отражает хотя бы тот факт, что власть позиционирует себя диалогической и открытой, при этом ее реальная направленность может быть противоположной.

Поскольку теоретическое обоснование сущности реального времени предусматривает возможность его конституирования, в соответствии с потребностями общественной деятельности человека, постольку соответствующая временная форма, точнее, ее использование, может сознательно рационализироваться для более эффективной реализации политической коммуникации (оптимальное время проведения митингов, демонстраций, политических акций, организация пресс-конференций). Относительно этого сегодня существует много практических ре-

комендаций в сфере политического пиара, риторики, рекламы, имиджологии и прочего.

Использование реального времени в политической коммуникации имеет утилитарный характер, то есть, время здесь выступает в качестве ресурса. Здесь речь идет даже не об использовании времени как такового, а о специфической организации коммуникативной деятельности во времени, которая приобретает качественно новые свойства, будучи темпорально ограниченной: политико-коммуникативный процесс должен сохранять эффективность независимо от его продолжительности. Поэтому в условиях ускорения динамики общественного развития, в эпоху информационных систем нормативная регламентация политической коммуникации во времени (регламенты в работе органов государственной власти и институтов гражданского общества, четко определенные законодательством нормы эфирного времени для кандидатов на выборах и проч.) способствует тому, что именно время становится одним из решающих факторов развития и видоизменения политических коммуникаций.

Наконец, интеграция политико-коммуникативных процессов в реальном времени делает их структурированными, обеспечивает их преемственность и последовательность, а также создает возможности для адекватной ориентации субъектов политической коммуникации в ее собственных границах и отношениях с коммуникативными явлениями вне политической системы.

Социальное время. По сравнению с физическим временем, социальное время — более сложный феномен. Это является следствием его формообразования на более высоком уровне деятельностного освоения обществом категориальной сущности времени в целом. Именно поэтому соответствующая форма времени, в отличие от астрономического, не имеет устойчивых единиц измерения и «рассчитывается», как отмечает С. Шомова, посредством «социальной памяти, чувств и прочего»[8].

Сегодня довольно широко разрабатывается проблематика социального времени. Социологи П. Сорокин и Р. Мертон в своей статье разграничивали «астрономическое время» («время часов») и «социальное время» следующим образом: «Астрономическое время является одинаковым, однородным, чисто количественным и лишенным качественных различий. Можно ли то же самое сказать и о социальном времени? Наверное, нет — существуют праздники, дни, посвященные выполнению определенных общественных функций, «счастливые» и «несчастные», базарные дни и т.д.» [13]. Вслед за этими учеными этой проблемой занимались ряд авторов, среди которых У. Мур, Э. Жак, Т. Хагерstrand, Н. Элиас, Г. Мюрдаль, Э. Линдаль, В. Худ, Дж. Шэк-ли, Ф. Бродель и др. Одним из самых известных современных исследователей социального времени является немецкий ученый Никлас

Луман, который рассматривал его как специфический селективный механизм осуществления социального программирования [12]. Как пишет украинский философ, исследователь творчества Н. Лумана и переводчик его произведений М. Бойченко: «Время у Лумана является специфически социально программированным. Это означает, что в определенной степени мы имеем дело со временем как заданной нам программой, которая требует выполнения — более или менее безусловного, но всегда с помощью социальных средств; и в известной мере время может быть запрограммировано нами самими — как для нас самих, так и для других людей. В этом смысле прошлое, настоящее и будущее перестают быть постоянными и неизменными (как это было в традиционных обществах), но приобретают определенную вариативность и регистр модальности (от необходимости к вероятности)» [Там же].

Не менее известный французский интеллектуал современности Жан Бодрийяр, следуя логике собственного методологического подхода, объявляет социальное время в постиндустриальном обществе фактически симулякром третьего порядка, т.е. гиперреальностью, онтологический статус которой отличается отсутствием идентификации с предметами, процессами и явлениями реальности. Такое время обнаруживается в темпоральной модели, которую Бодрийяр назвал асимптотической — настоящая жизнь как «отсрочка», «последствие». Автор теории симуляции и симулякров вынужден, таким образом, констатировать, что в современном мире виртуальность победила, поскольку сумела навязать обществу собственную модель времени.

Ф. Бродель в рамках своей теории «социального времени разных скоростей» отмечает: «Нет единого социального времени с единым и простым течением, но есть социальное время с тысячько замедлений, которое почти не связано с однодневным временем хроник и традиционной историей» [5].

Он так охарактеризовал социальное время: «Если оно существует, то может быть только полумифическим» [5]. Предыдущая формулировка, как можно убедиться, имеет все основания для утверждения. Мы сознательно сделали краткий экскурс в сферу подходов к пониманию и интерпретации социального времени для того, чтобы кратко очертить его специфику, показать противоречивость, множественность форм, неравномерность динамики последнего, а это непосредственным образом отражается на особенностях политической коммуникации, направленной (запрограммированной) социальным временем, с одной стороны, и с другой стороны — такой, которая задает, программирует его.

Автор метатеории социальной коммуникации А. Соколов дает определение социального времени как «... интуитивного ощущения течения социальной жизни, переживаемого современниками. Это ощущение

ние зависит от интенсивности социальных изменений. Если изменений мало, то социальное время протекает медленно; если изменений много, время ускоряет свой ход. Согласно «социальным часам» десятилетие застоя равно году революционной перестройки» [6]. По мнению исследователя, социальные смыслы, которые являются «материалом» социальной коммуникации, имеют свойство стареть во времени, но не во времени астрономическом, а в социальном, которое измеряется скоростью общественных преобразований. Такая позиция отражает не что иное, как прямую зависимость социального времени в виде некой чистой формы от социальной, преобразовывающей и творческой деятельности человека, которая имеет исторический характер, является диалектической.

С. Шомова считает, что использование такого рода временного фактора в политико-коммуникативном акте имеет свое назначение — как можно ярче выразить современность. Специфическим свойством политического времени как разновидности времени социального является его «открытость» и соотнесенность с определенным политическим контекстом [8]. Инициатор политической коммуникации рассчитывает на осведомленность своего адресата в рамках этого контекста — широкого спектра политических реалий, лежащего за пределами конкретного обращения. Референтность политико-коммуникативного акта выполняется, следовательно, при определенных условиях.

А. Зарубин утверждает по этому поводу: «...время присуще всем социальным явлениям и процессам, будучи социально организованным и регулируемым, требует для адекватного своего постижения также и учета по возможности более полного и целостного представления обо всех основных сторонах общественной жизнедеятельности данного периода» [7]. Очевидно, речь идет о том, что политическая коммуникация будет иметь эффект только в условиях интегрированности ее субъектов в политический дискурс, — условие, которое делает возможным взаимопонимание между данными субъектами и координацию их совместной деятельности на почве обоюдного ориентирования в опыте прошлого, проблемах современности и перспективах будущего.

В качестве конкретного примера политической коммуникации с использованием формы социального времени можно привести высказывание одного из украинских политиков: «Партия регионов возвращает избирательную систему Украины к временам Кучмы». Этот тезис предполагает, что реципиент коммуникации имеет представление о коннотации выражения «времена Кучмы», в котором содержательно воплощается ряд реалий политической жизни украинского общества на протяжении почти десятилетнего периода. «Время реформ», «пора демократизации и либерализации», «период политического ренессанса» и т.п. — все это может служить демонстрацией использования со-

циального времени в политической коммуникации, за которым стоят многочисленные процессы общественного развития.

Условно-образное время предполагает апеллирование к эстетическому, эмоциональному восприятию, творческому мышлению путем применения метафор, художественных образов, символов. Цель этого времени — сделать коммуникацию доходчивой, яркой, краткой (или наоборот — размытой). Условное время может сочетать в себе свойства всех других форм времени, приобретать черты динамичности, статичности, резких переходов, многовекторности, однонаправленности, — словом, испытывать разнообразные трансформации, на которые способно творческое человеческое мышление. Следует заметить, что здесь не идет речь о некоторых художественных вымыслах, имеющих темпоральный характер. Значимость условно-образного времени состоит в его возможности обобщать в особой форме отличительные черты вполне реальных многогранных явлений и процессов из жизни общества за определенный период или периоды. Классическим примером применения условного времени является пассаж из заметок журналиста Ю. Черниченко: «Сам я считаю эпохи по рыбам. Нототения. Затем — Хек. Сейчас — Минтай. Повсеместный минтай в банках...» [14]. Емкая метафора, выраженная в нескольких словах, чрезвычайно метко характеризует политико-экономическую ситуацию эпохи перестройки — время товародефицитов, продовольственных карточек, пустых прилавков магазинов. В таком коммуникативном акте важно восприятие символа определенной эпохи и его идентификация с конкретной наполненностью этого периода. Сжато и концентрированно сосредотачиваясь в сообщении, набор смыслов коммуникативного акта вызывает, таким образом, недвусмысленные ассоциации в участников коммуникации.

Прогностическое (экспериментальное) время — результат разработки политических прогнозов. К. Симонов дает ему следующее определение: «Политический прогноз — это научно обоснованные суждения о возможных состояниях политической системы или отдельных ее субъектов в будущем и о вероятных путях и сроках их достижения, которые имеют четко обозначенный период упреждения и тесно связаны с возможностью оперативной реакции на них в виде политических решений» [10]. Известный исследователь Р. Козеллек утверждал, что вероятностное содержание прогноза базируется не на том, что кто-то чего-то ждет. Ожидать можно совершенно невозможного. Вероятность предусмотренного будущего выводится из предпосылок прошлого, обогащенного опытом [15]. Как видим, упор делается на причинно-следственных связях, обеспечивающих неразрывность временного континуума «прошлое-настоящее-будущее». Здесь следует более четко расставить акценты. По этому поводу Н. Луман пишет: «... сегодня ясно, что каузальность требует принятия решений относительно

приписывания, поскольку невозможна ситуации, когда бы все причины соотносились со всеми влияниями, или наоборот. Наблюдатель, который использует каузальную схему, обязан селекционировать каузальные факторы, требующие и не требующие учета. В результате... приходится наблюдать и этих наблюдателей, и никакая «природа» не может здесь быть гарантом согласия в этом вопросе. Каузальные суждения оказываются суждениями «политическими» [12]. Ж. Бодриар вообще говорит о многочисленных инверсиях причин и следствий в общественно-политических процессах, о невозможности четкой детерминации этих процессов, поскольку то, что развивается (симулякры) и, соответственно, является предметом прогнозов, не имеет идентичности и референтности как между собой, так и относительно предметной действительности [9]. В целом, не разделяя последней позиции, которая является несколько радикализированной, следует согласиться с тем, что приведенные рассуждения дают основания говорить о возможности манипулирования, заангажированности в рамках политической коммуникации, о ее искажении, противодействие которому является предметом отдельных размышлений.

По нашему мнению, для политико-коммуникативных процессов наиболее значимой является та особенность прогнозирования, которую К. Поппер номинировал «эффектом Эдипа». Содержание последнего заключается в воздействии самого прогноза на предполагаемое им событие. Есть две разновидности эффекта, которые находят отражение в самосбывающемся и самоопровергающемся прогнозе. В первом случае прогноз имеет столь большое влияние, что сбывается, несмотря на отсутствие реальных предпосылок для этого. Например, результаты заказных социологических опросов, экспертных оценок, которые свидетельствуют о положительных шансах определенной политической силы на ожидаемых выборах, могут реально привлечь значительную часть электората к числу сторонников этой партии или лидера и повлиять на ее фактический успех на выборах. При этом реальный рейтинг общественной поддержки данной силы накануне прогноза может быть вообще минимальным. Самоопровергающиеся прогнозы не сбываются на практике, в чем и состоит их цель. Задача таких прогнозов — продемонстрировать адресатам коммуникации, которые принимают решения, негативные последствия определенных вариантов развития событий, в результате повышенного внимания к которым реципиенты коммуникативного процесса (скажем, избиратели) поступают так, чтобы избежать прогнозируемых «негативов». Эти «негативы» в действительности могут быть обычной антирекламой. В качестве примера такого прогноза можно привести президентские выборы в России 1996 года, когда предвыборная кампания Б. Ельцина строилась практически на демонстрации обществу возможных негативных последствий победы кандидата от Компартии Г. Зюганова.

Средствами массовой информации широко демонстрировалось катастрофическое будущее страны, возврат к «смуте» перестройки в случае прихода к власти коммунистов. В результате Б. Ельцин победил Г. Зюганова во втором туре президентских выборов [10].

Примерами конструирования идеальной модели общества будущего в отдаленной перспективе могут служить и многочисленные утопии: Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Т. Гоббса, социалистические и коммунистические проекты идеальных обществ и т.д. Все они, в том числе, антиутопии, влияли не только на эволюцию политической мысли, но и на реальные преобразования в ходе исторического развития человеческих общностей. Очевидно, что это влияние было и остается возможным исключительно в процессе коммуникации.

Мифологическое время И. Хасанов определяет как «сложную совокупность временных представлений, связанных с формированием и развитием мифологического образа мышления и восприятия» [4]. Можно выделить следующие характеристики мифологического восприятия времени: «представление об одновременности всех событий в мире», локализация прошлого и будущего «скорее в пространственном, чем в темпоральном смысле» [3], «принцип наличия всего во всем», «всеобщая взаимопревращаемость вещей внутри замкнутого космоса, вызванная тем, что всякая единичность содержит в себе любую обобщенность и наоборот», «неразделимость причин и следствий во временном потоке», «чудесно-фантастический характер каждого мгновения, поскольку оно неотделимо от вечности...» [2]. Во времена становления «философского» мышления и мировоззрения представление о безвременном бытии продолжает существовать, но уже в «снятом» виде, как некоторое свойство или особенность этого мышления, которое ассимилирует мифологическое время [4].

Форма мифологического времени может актуализироваться в политической коммуникации, как минимум, в двух аспектах, которые взаимообуславливают друг друга:

1) отсылки адресата (индивидуального или коллективного) коммуникативного акта к определенным мифологическим образам, временам, пробуждение архетипов вербальными и невербальными средствами;

2) непосредственное наличие в коммуникативном процессе характеристик, присущих мифологическому времени (все во всем, неразделимость причин и следствий, совпадение момента и вечности).

Коммуникаторы в политике, отсылая адресатов к архетипическим образам и «предисторическим» временам (например, «золотого века» как эталона свободы, равенства), преследуют цель вызвать у реципиентов желаемую реакцию, побудить их к определенным действиям, что возможно в условиях «включения» последних в определенную модель времени, пробуждения в них специфического времявосприятия

и временной ориентации. Наиболее эффективно мифологическое время используется и проявляет свои свойства в среде масс, в толпе, которая, начиная с XIX в., а особенно в XX веке начинает играть важную роль в политической жизни большинства стран мира. Один из известных исследователей феномена массовизации политической жизни и в целом природы массы С. Московичи в работе «Век толп» отмечал: «Массы, не желая этого, сохраняют следы своей древней жизни и первобытных времен. Они повторяют их...» [16]. Он считал, что содержанием этого повторения является взаимосвязь между харизматическим вождем и толпой. На уровне подсознания толпа идентифицирует вождя с некоторым идеальным образом прародителя, бога, который становится символом сообщества, гарантом морали и закона. Этот образ является определенным обобщающим типом, который соотносит данного вождя с харизмой отцов-основателей общества, легендарных героев нации, легитимирует его авторитет. Итак, политический вождь является воплощением единства времен; с ним идентифицируется и толпа, а потому момент коммуникации вождя с массой имеет как раз удивительно фантастический характер, совпадает со всей историей, вечностью. Причинно-следственные связи здесь теряются, их сменяет прецедент. Чувственно-эмоциональный характер связей в толпе также соответствует формату ориентации человека в эпоху мифологического мировоззрения. Отсюда следует факт наличия реликтов в современном массовом обществе не просто мифологического времени, апеллирования к нему, а мифологического восприятия времени, актуального при определенных условиях. И хотя XXI век, за отдельными исключениями, демонстрирует, что эпоха вождей прошла, мифологическое время все же находит свое воплощение в политической коммуникации, в частности, в создании лидерских имиджей, организации митингов, демонстраций, демонстраций и проч.

Психологическое время — это отражение в психике человека временных отношений между событиями его жизни [17]. Такое определение, по нашему мнению, является несколько суженным, поскольку не охватывает психологию восприятия времени на уровне социальных групп. Время как таковое «возникает» и начинает «ускоряться», когда человеческое сознание наделяет его определенным смыслом и значением, когда человек осознает не только свою индивидуальную, но и родовую жизнь. Мимолетность индивидуальной жизни, обремененной тяжелой работой, будничными муками делает ее непосильной и бессмысленной. В этих условиях срабатывают механизмы психологической компенсации, которые в идее вечной потусторонней жизни уравнивают продолжительность человеческого существования с космосом. В свою очередь, восприятие времени тесно связано с мироощущением человека, социальных групп и существенно влияет на особенности и саму структуру социальной мотивации. Насыщая свою жизнь, диффе-

ренцируя ее на отрезки, наполненные разными делами, альтернативами, человек наделяет существенным значением даже самые маленькие промежутки времени. Интенсификация жизни постепенно элиминирует понятия «долго», «вечно», «всегда», что сопровождается сложными изменениями в психологии времени. Все это имеет прямое отношение к политической деятельности и коммуникации. Ориентация на жизнь «потом» существенно уменьшает степень активности человека «теперь», подрывает силу мотивации и направляет ее содержание в русло иррациональности, стимулирует индивидуальную и социальную пассивность. Как пример, можно привести социалистическую практику Советского Союза, где перспектива яркого коммунистического будущего, на практике, была фактором антимотивации человека и общества. Кроме этого, можно говорить о ряде образцов других обществ, уровень развития которых детерминирован многовековыми религиозными традициями, помеченными печатью именно такого ощущения времени. Нетрудно заметить, что соответствующий тип времявосприятия определяет и особый тип политической коммуникации, которая имеет в этом случае тотально идеологический характер. Такая коммуникация реализуется посредством светской или религиозной пропаганды [11].

Возникает вполне очевидная диалектика взаимосвязей: чем ближе индивидуальное и социальное чувство времени к повседневной жизни человека и общества, тем сильнее будет мотивация субъектов к их практической деятельности, тем большим количеством реальных дел они будут заняты, тем большей организации и дисциплины потребует их жизнь, а значит — время приобретет ценность, потребует иного восприятия, оценки и измерения. Кроме того, полная погруженность в тактические и краткосрочные цели приводит к недалекости и полному обывательству, что в политической сфере имеет особенно разительные последствия: отсутствие стратегии общественного развития, жизнь от выборов до выборов, нивелирование политической ответственности и многое другое. Таким образом, диалектика индивидуального и социального ощущение времени очевидна [Там же].

На уровне обыденного массового сознания используются две шкалы отсчета времени: «вчера-сегодня-завтра» и «прошлое-настоящее-будущее». Первый вариант предусматривает возможность многократного повторения индивидуального опыта и его всестороннюю оценку. Человек здесь максимально распоряжается своим временем. В рамках второй шкалы такое распоряжение невозможно. Оценивая свой опыт «вчера-сегодня-завтра» сквозь призму «прошлое-настоящее-будущее» мы формируем определенную жизненную программу, задаем цели, ставим задачу в более широком пространственном и темпоральном масштабе. В любом случае, субъективная оценка собственного жизненного опыта, сопоставление его с целевой программой развития социума, независимо

от конкретного содержания этой оценки, всегда влияет на эмоциональное состояние индивида, группы и общества, психологическое и политическое значение которого трудно переоценить.

Таблица 1

Время-1		Время-2			
Статическое/ Гомогенное/ Дискретное/ Кausalно- нейтральное		Динамическое/ Гетерогенное/ Континуальное/ Кausalно-эффективное			
Реальное	Мифологическое	Социальное	Психологическое	Прогностическое	Условное
<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие единиц измерения 2. Линейная последовательность 3. Первичность по отношению к другим формам (кроме мифологического времени) 4. Абстрактность 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Синкретизм (единство мгновения и вечности) 2. Прецедентность (замена причинно-следственных связей прецедентами) 3. Взаимопревращаемость вещей (существование всего во всем) 4. Чудесно-фантастический характер мгновения 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Открытость 2. Соотнесенность с контекстом событий 3. Вариативность 4. Отображение динамики изменений и преобразований в обществе 	<p>Зависимость восприятия времени от индивидуального и группового опыта, психических состояний, установок и пр.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вероятность 2. Экспериментальность 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Метафоричность 2. Художественная образность 3. Символичность 4. Референтность с реальными событиями и процессами

Заключение

Таким образом, мы проследили, как используется время в своих разнообразных модификациях в процессе политической коммуникации; показали возможность анализа содержания политико-коммуникативных актов с помощью их «вписывания» в разные временные формы. Исходя из этого, по нашему мнению, такой подход позволяет обстоятельно анализировать специфику и направленность политической коммуникации, поэтому его следует разрабатывать и в дальнейшем.

Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. — М. : «Языки русской культуры», 1997. — 800 с.
2. Лосев А.Ф. Античная философия истории. — М. : Наука, 1977. — 207 с.
3. Светлов Р.В. Формирование концепции времени в древнегреческой философии : Автореф. дис. к.ф.н. — Л., 1989.
4. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. — М. : Прогресс-Традиция. — 2011. — С. 13-14.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.– Т. 3. Время мира. — М., 1992. — С. 8-9.
6. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации : Учебное пособие. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., — 2002. — 461 с.
7. Зарубин А.Г. Социальное время и особенности его свойств в периоды общественно-политических кризисов [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/zarubin_social_vremya.htm.
8. Шомова С. Политический хронотоп (Категории пространства и времени в политической коммуникации) // Государственная служба. — 2003. — № 4(24).
9. Бодрияр Ж. Символический обмен и смерть. — М. : «Добросвет», 2000. — 387 с.
10. Симонов К. Политический анализ : Учебное пособие. — М. : Логос, 2002. — 152 с.
11. Политическая психология / Под общей ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. — С. 373.
12. Луман Н. Час і системна раціональність. / Перекл. з нім. — К. : Центр учбової літератури, 2011. — 224 с. — С. 5-6, 219.
13. Sorokin P., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology, 1937. — С. 621.
14. Черниченко Ю. Две тайны // Если по совести. — М., 1988. — С.361.
15. Козеллек Р. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу / Райнгард Козеллек; [пер. з нім. Володимир Швед]. — К. : Дух і літера, 2005.
16. Московичи С. Век толп / Пер. с фр. — М. : Центр психологии и психотерапии, 1996. — 478 с.
17. Психологический словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy>.

Прокопчук Дмитрий Витальевич,
магистрант факультета журналистики
Национального университета «Киево-Могилянская академия»,
г. Киев

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ВРЕМЕНИ ЧЕЛОВЕКА

Данная статья посвящена проблематике перегрузки жизненного времени человека событиями в современную информационную эпоху. Автор статьи рассматривает явление жизненного времени и его значение в политической жизни страны. В материале анализируются угрозы, связанные с системными отвлечениями и нерациональным тайм-менеджментом. Данные проблемы, по мнению автора, связаны с явлением потребительского общества. Автор также объясняет их природу посредством теорий субъективного восприятия времени

Ключевые слова: *жизненное время, управление временем, поток событий, отвлечения, потребительство*

ПОЛІТИЧНЕ ЗНАЧЕННЯ ЖИТТЄВОГО ЧАСУ ЛЮДИНИ

Дана стаття присвячена проблемі завантаженості життєвого часу людини подіями в сучасну інформаційну епоху. Автор статті розглядає явище життєвого часу і його значення в політичному житті країни. В матеріалі аналізуються небезпеки, пов'язані із системними відволіканнями та нерациональним тайм-менеджментом. Проблематика статті пов'язується автором із явищем суспільства споживання та обґрунтовується за допомогою теорій суб'єктивного сприйняття часу

Ключові слова: *життєвий час, управління часом, потік подій, відволікання, споживацтво*

POLITICAL MEANING OF THE LIFE-TIME

This article is dedicated to the problem of congestion of our life time with the events that multiply rapidly due to the progress of the information age. The article examines the phenomenon of life time and its significance in political life. The author analyzes the hazards of constant distractions and ineffective time-management. These problems are linked to the phenomenon of the consumerist society and explained through the theories of subjective time perception

Keywords: *life-time, time-management, flow of events, distractions, consumerism*

В данном исследовании акцентируется внимание на количестве времени, точнее — количестве свободного времени современного человека. Проблемы, которые будут подниматься в этой работе, могут частично или полностью казаться «бытовыми» (а следовательно, не-серьезными), но именно они создают большинство трудностей реализации (или изменения) политики в современную эпоху. Без анализа личной сферы человека и того, как и сколько времени он проводит, мы вряд ли сможем по-настоящему понять специфику политики (или другой области жизни) в современной жизни.

Актуальность работы обусловлена недостаточным количеством исследований, в которых концентрируется внимание на количестве свободного времени человека при анализе проблем современной политики в научном дискурсе, в частности — украинском и российском.

Объект исследования: жизненное время человека в постмодерную эпоху.

Предмет: политическое значение изменений жизненного времени человека в постмодерную эпоху.

Цель работы: рассмотреть общие проблемы современной политики (как в смысле политической борьбы, так и в смысле государственного управления) через призму значения времени, которое есть у каждого человека.

Основная гипотеза статьи состоит в том, что, несмотря на технологическое расширение времени, которым человек распоряжается, с психологической точки зрения жизнь человека проходит быстрее, следовательно — кажется короче.

Значение работы: в исследовании обосновывается разделение понятий «физическое» и «жизненное» время для политики, вводятся новые понятия: «ускорение жизненного времени», симптомы постмодерна и даются варианты решения проблемы ускорения жизненного времени.

Время физическое и время жизненное

Все действия человека продиктованы

*и подгоняются страхом -
страхом смерти.*

Неизвестный автор

Работа основывается на предположении о существовании двух видов времени: физического и жизненного. Это разделение становится необходимым, когда мы говорим о восприятии человеком течения времени, о ретроспективном или перспективном взглядах человека на жизнь. Время физическое можно легко измерить с помощью часов, но на практике оно имеет значение, прежде всего, в технике, время жизненное — важно в культурной, творческой, а следовательно — в общественной и политической сферах. Различие между техникой и культурой здесь по-

добно той грани, которую проводит Петер Козловский: техника — это «жесткий каркас», а культура — это «духовное наполнение» [5].

Каким бы ни было субъективное восприятие физического времени, очевидным фактом остается его ограниченность в жизни каждого из нас. Человек имеет довольно немного, чтобы успеть осуществить свои мечты, желания и планы, прежде чем он состарится и умрет. Мало кому удастся, как Моцарту, в возрасте восемнадцати лет иметь библиотеку собственных музыкальных произведений. Время — это то, что останавливает многих перед первым шагом на пути к воплощению своей мечты.

Однако — что такое время? С точки зрения анализа времени в общественно-политической плоскости время является потоком событий [10]. Итак, значимое для нас время, состоящее из событий, должно укладываться в наше физическое время, отведенное природой и внешними обстоятельствами.

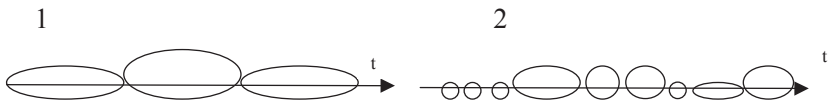
Можно предположить, что чем меньше количество жизненных планов, тем больше времени на их осуществление, а следовательно, и больше шансов на успех. Вместе с тем, теория Роберта Орнштейна говорит о том, что большее количество событий или их сложность создают у человека ощущение длительной продолжительности времени [12]. Но стремление к более длительной продолжительности времени (можно сказать, продолжительности жизни) — психологическая потребность немногих людей. Исходя из данного предположения, мы условно разделим людей на обывателей и пассионариев (активных людей). В целом не будем углубляться в причины того, почему одни люди хотят стать одновременно и нобелевскими лауреатами, и олимпийскими чемпионами, а других беспокоит лишь очередная серия любимого сериала. Однако различие между людьми является неоспоримым фактом, и он важен для нашего исследования.

Представим себе гипотетического обывателя, человека, который не имеет особых амбиций, кроме как получить приличную работу, завести семью и детей. Для такой личности простые праздники вроде его дня рождения значат очень много. В противоположность таким обывателям, амбициозный спортсмен лучше запомнит свои победы на стадионе, амбициозный self-made man (человек, который «сделал себя сам», англ.) будет жить своей работой, ученый запомнит какие-либо книжные факты лучше, чем дату своего первого поцелуя или год, когда его ребенок впервые пошел в школу.

Что случается с жизненным временем, если человек берет на себя слишком много? Ричард Томкинс называет это временным голодом [6]. Человек вынужден жертвовать собственным вниманием, усилиями, затраченными на каждую отдельную из жизненных целей, пытаясь вставить свой запланированный поток событий во временные рамки, отведенные на его телесную жизнь. Человек живет «впопыхах», и это приводит к **ускорению жизненного времени** и его двум неотвратимым последствиям:

1. Выполняемая работа осуществляется человеком менее качественно: еще Платон отмечал, что «Лучше оттачивать свои умения, концентрируясь на чем-то одном, а кто пытается уметь все, в итоге не достигает высокого уровня мастерства ни в чем» [9].

2. Эмоционально человек глубоко не переживает события: для него основой становятся результаты, которые, в итоге, не приносят того эмоционального удовлетворения, которое должны были бы, что создает препятствия в мотивации к продолжению работы и снижает оценку уже проведенной человеком работы. Все это в результате ведет к психическим расстройством, и наконец — к снижению работоспособности, более длительному выполнению работы. Следовательно, ускорение жизненного времени, с одной стороны, снижает интерес человека к переживанию им времени «теперь и сейчас», сосредотачиваясь на том, что «будет», однако получив желаемое будущее, человек не удовлетворяется, скорее, наоборот — он находится в состоянии фрустрации. Кроме того, проживание «впопыхах» негативно отражается не только на работе, но и на всей жизни — пытаясь успеть все, человек не испытывает удовлетворенности от своей деятельности. Например, почувствовать себя студентом, молодым человеком, перспективным специалистом — у него просто нет на это времени. Ускорение жизненного времени обуславливает развитие когнитивного аналога «клипового сознания» на эмоциональном уровне.

Линия t в обеих схемах представляет отрезок физического, «жесткого» времени. Фигуры на линии — это события нашей жизни. Чем больше площадь фигуры, тем глубже событие «прочувствовано» человеком. Увеличение количества фигур непременно ведет к уменьшению их площадей.

Причины ускорения жизненного времени

Итак, коротко рассмотрим специфику исторической эпохи, в которой живем и которая является причиной практически всеобщего и постоянного ускорения жизненного времени.

Тут необходимо обратиться к утверждению Ж. Лиотара о том, что мы живем в постмодерную эпоху [7]. Некоторые авторы называют ее постиндустриальной или информационной эрой, нетократией, Третьей Волной и т.д. В зависимости от аспекта, в котором рассматривается данный исторический этап, и в зависимости от широты трактовки базовых понятий, можно спорить относительно конкретного времени завершения модерной эпохи и о значении этих изменений для каждой

отдельной сферы общественной жизни, как-то: политики, экономики или культуры. Например, использование понятия «информационная эра» обуславливает привязку исторических изменений к изобретению Интернета, развитию коммуникаций, расширению доступа людей к различным формам образования и тому подобное. Третья Волна Э. Тоффлера [11] предопределяет направление исследования в политико-экономический дискурс. Понятие задает парадигму анализа.

Для рассмотрения явления ускорения жизненного времени термин «постмодерн» подойдет лучше всего, и в данном случае мы перенесем его употребление из сферы культуры в общественную сферу, из которой вырастает политика. Постмодерная эпоха в социокультурном плане отличается от современной несколькими вещами, которые мы называем *симптомами*. К таким, в частности, относятся:

- Растущее количество информационных потоков из-за технологического прогресса и развития коммуникационных технологий [4];
- Раскол человеческих обществ на бесчисленное количество закрытых и полужакрытых сообществ, которые представляют собой сети, которые часто носят глобальный характер [2];
- Большое количество идей, ценностей, стилей жизни, доступных любому для выбора или критики и анализа.

Эти факторы можно свести к одной большой общественной проблеме: колоссальное количество отвлечений. Не зря специалист по тайм-менеджменту Лео Бабаута в своем руководстве по управлению временем называет настоящее «Веком отвлечений» [13]. Следующую проблему озвучивает Яна Френсис-Смит: это перегрузки проспективной памяти [8].

Р. Томкинс склонен объяснять возникновение новых проблем тем, что новая техника в действительности не преодолела старые проблемы человека, а лишь видоизменила их: «В большинстве случаев техника не сэкономила время, но дала нам возможность делать больше вещей. Дома стиральные машины обещали освободить женщин от изнурительной стирки. На самом деле они побудили нас менять одежду не еженедельно, а ежедневно, следовательно теперь нужно в семь раз больше стирать и гладить. Так же еженедельную баню заменил ежедневный душ, увеличив часы, потраченные на уход за собой» [6]. Но здесь следует отметить: причина ускорения и сокращения жизненного времени не только в открытом окошке чата, где кто-то постоянно пишет, и не в мобильном телефоне, на который могут позвонить в любое время дня и ночи. Причина глубже — в стиле жизни, в задачах этой жизни.

Потребительская культура и невиданная ранее свобода выбора не только товаров, но и общественных ролей, а также собственных убеждений, приводят к тому, что вместо индивида, неделимой личности, возникает *дивид* — человек, состоящий из многих (часто противоречивых между собой) граней [4]. Основной причиной этого является

конструируемый, *искусственный спрос* на невероятно длинный перечень личного опыта и достижений. В информационную эпоху человеческая жизнь переполнена предложениями самых разнообразных вещей, которые хочется попробовать и купить, а также ролей, которые хочется на себя примерить.

Больше всего от ускорения страдают младшие поколения, которые быстро, еще будучи детьми, овладевают новейшими технологиями, получая огромный выбор указанных выше вещей. Представим себе студента-пассионария, молодого и амбициозного человека. Он вынужден работать, чтобы заработать себе на жизнь (часто на нескольких работах одновременно), и должен при этом получать образование. Кроме того, он осознает, что для успешной карьеры требуется опыт и связи, поэтому он идет заниматься какой-то общественной деятельностью. У этого студента почтовый ящик завален не меньшим количеством писем, чем ящик какой-либо государственной инстанции, его день расписан по минутам, хотя он и не является директором ни одной корпорации. Он постоянно спешит, ему некогда заниматься такими глупостями, как прогулки с друзьями или, тем более, устраивать личную жизнь.

Последствия ускорение жизненного времени для государственного управления и политики

Действительно, относится ли данная проблема к обществу в целом?

Внимательный исследователь возразит, сказав, что акселерация и отвлечения касаются только активной части населения, которая занята преимущественно умственным трудом. В противоположность им, есть те же обыватели, которые спокойно работают и живут.

Есть три контраргумента на этот тезис:

1. Обыватели находятся в такой же ситуации, просто их внимание отвлекают преимущественно материальные ценности (реклама), в то время как активные граждане должны добиваться общественного успеха и поэтому распылятся между стилями жизни и ценностями, вещами нематериальными. Ведь активный гражданин оказывается перед нехваткой социального и сетевого капитала [1], если делает ставку только на один «жизненный путь» (линия карьеры, хобби, сценарий и т.д.). Одна профессия уже не приносит человеку успеха — для выделения среди многих таких же, как он, ему необходимо обладать дополнительным количеством навыков и связей. Итак, полихроничность является неотвратимой в постмодернизме.

2. Количество занятых умственным трудом лиц растет в развитых странах и это также ощущается в странах бывшего СССР [11].

3. Активная часть населения осуществляет большее влияние на политическую жизнь страны, чем масса обывателей. Это происходит именно потому, что пассионарии обладают социальным капиталом и

развивают сети. Выражаясь словами социолога Михаила Винницкого, они имеют большую *степень центральности*. Следовательно, если эти люди не могут эффективно оперировать своими ресурсами, общество находится в состоянии моральной стагнации.

Какое общее значение для политики указанного выше положения вещей?

Ранее, на этапах поздней Второй Волны (по Э. Тоффлеру), человек посвящал всю жизнь одной профессии, редко ее менял, а потому был мотивирован бороться за свои права от имени своей референтной группы (людей, с которыми он себя ассоциирует). Именно поэтому, несмотря на юридические ограничения и концентрацию власти у богатей, социальные реформы стали возможными: человек уделял много физического времени немногочисленным аспектам своей жизни и поэтому относился к ним более серьезно. Сейчас, в условиях роста мобильности [4] и развития коммуникаций, проще сменить место работы, чем отстаивать свою позицию перед работодателем, проще найти новых друзей, чем бороться за взаимопонимание со старыми, проще уехать за границу, чем бороться за свои права в своем государстве. И здесь снова рассмотрим судьбу активных граждан:

Вариант 1. Активные граждане, которые будут пытаться бороться за свой успех, могут попасть в сети искусственного спроса и навечно затеряться среди людей, которые пытаются всем заниматься понемногу и ничем конкретно.

Вариант 2. В условиях нарастающей потери национальным государством своего веса [4] успешная активная часть населения полуавторитарной неблагоприятной страны, в том числе, и молодежь, относительно легко выезжает за пределы государства, которое им не нравится. Это позволяет властям удерживать в пределах государства статус-кво, поскольку некому противостоять этой власти. Так, в конце концов, страна может полностью потерять своих пассионариев.

Результат в обоих случаях для государства одинаков: отсутствие пассионариев в обществе означает его несамостоятельность и бессилие перед лицом власти. Установления диктатуры в стране потребителей станет слишком простым для осуществления. Именно от такого сценария нас предостерегают статьи Фонда «Эффективное управление», посвященные вопросу эмиграции высококвалифицированных молодых кадров [3].

Почему мы не можем просто желать меньше и брать на себя меньше?

В действительности, мы можем, но в таком случае испытываем ограничения со стороны общества, которое требует ускорения и постоянного разностороннего развития собственного опыта и граней личности. Вследствие такого ритма жизни происходит духовное опусто-

шение человека, не только из-за насыщенности ее жизни, но и с прямой зависимостью между насыщенностью событиями и душевным опустошением: чем больше насыщенность — тем больше опустошение, что вызывает эффект круга, зависимости между опустошением и насыщенностью, попадая в которое, человек уже не может без значительных личностных потерь из него выйти.

Вероятные способы решения проблемы ускорения жизненного времени

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу возможного решения проблемы, рассмотрим группы интересов — категории общественных сил, заинтересованных и незаинтересованных в этом преодолении.

К незаинтересованным относятся:

1. Медиа, шоу-бизнес, рекламная индустрия — все те, кто занимается производством виртуальных продуктов или зарабатывают деньги на создании искусственного спроса на продукты реальные.

2. Банки — компании, прибыль которых базируется на стремлении человека получить желаемый товар здесь и сейчас, пусть даже и за счет процентов.

3. Власть — занятость пассионариев существенно уменьшает их способность эффективно и согласованно действовать против власти, что способствует укоренению власти и простым условиям перехода к авторитаризму.

4. Секты — духовное опустошение человека способствует его дальнейшим попыткам обрести смысл жизни. Это часто толкает его в руки радикальных затворников, тоталитарных сект, которые якобы противостоят потребительскому стилю жизни.

Борцов, или хотя бы людей недовольных в ускоренном жизненном времени, трудно свести к отдельным категориям. Это могут быть и интеллектуалы, которые осознают факт ускорения, и работодатели, которые внезапно почувствовали потребность иметь стабильного и преданного работника, это может быть и студент, который устал постоянно прыгать от одной группы лиц к другой в попытке устроить свою жизнь.

На основе вышеуказанных групп определяются основные стратегии в борьбе с ускорением жизненного времени. Сюда относятся:

1. **Антисистемная маргинализация.** Различные группы вроде хиппи, панков, религиозных фундаменталистов и подобных, пытаются выйти за пределы системы, чтобы не играть по ее правилам. Проблема такой стратегии — непереносимая вражда со всем миром.

2. **Индивидуальное достижение высшего состояния развития.** Здесь яркой иллюстрацией может быть герой многих книг британского писателя Терри Пратчетта — Лорд Хэвлок Ветинари. Путем высокой самоорганизации и дисциплины, а также врожденного таланта он

четко видит любую жизненную ситуацию, он достиг власти и при этом остался чрезвычайно мудрым человеком. Но он так же, как и маргиналы, является чужим для общества, он также вышел за его пределы и находится вне ситуации, или скорее — над ней. Проблема этой стратегии в ее неосуществимости для большинства людей — нам всем не хватает четкости видения и дисциплины.

3. **Сильные потрясения.** Финансовый кризис, война или стихийное бедствие всегда требуют расставлять приоритеты и переоценивать собственную жизнь. Мощные кризисы уменьшают потребительство. Их негативная сторона — страдания, которые они приносят человеку.

4. **Самоорганизация малых групп.** Здесь речь идет о неформальной профессиональной самоорганизации группы людей, которые способны дополнить умения и знания друг друга. Например, речь может идти о группе из программиста, веб-дизайнера и менеджера, который ищет для них клиентов. В такой группе каждый участник следит за тем, чтобы другой развивался, а не останавливался в своем развитии, но также и снижает своим присутствием необходимость уметь и знать все. То есть речь идет по сути о разделении труда в рамках тесной кооперации.

Последняя стратегия реалистична, неконфликтна относительно мира и не требует человеческих жертв. Но ее проблема состоит в том, что такую группу трудно собрать и удерживать, ведь основывается она на взаимном согласии и уважении. В общем, пока мы не видим лучшего ответа на проблему ускорения жизненного времени, чем крепкая дружба, перерастающая в деловое партнерство.

Итак, во-первых, мы имеем дело с двумя типами времени: временем физическим, которое можно измерить с помощью часов, и временем жизненным, которое измеряется последовательным потоком событий в жизни конкретной личности, находящейся в обществе.

Во-вторых, наполнение времени жизненного дополнительными событиями происходит не только благодаря развитию технических возможностей человечества, но и через подсознательное желание человека жить дольше, и через формирование искусственного спроса заинтересованными в существовании потребительского общества силами.

В-третьих, такое наполнение сокращает количество физического времени, выделяемого для важных событий, а следовательно и интенсивность их переживания. Потому, как результат, мы имеем общество людей, страдающих от душевного опустошения несмотря на насыщенность их жизни событиями. Это опустошение поддерживается отвлечениями, которые возникают из-за искусственного спроса.

В-четвертых, такое положение косвенно влияет на политический строй, поскольку ослабляет и расплывает позиции пассионариев, занятых умственным трудом, способствует психологической несамостоя-

тельности индивида, стимулирует развитие потребительского общества и клипового сознания, укрепляет позиции элит, владеющих средствами массовой информации и коммуникации.

В-пятых, бороться с таким положением эффективно можно лишь через самодисциплину и дополнение собственных умений и знаний умениями и знаниями своих друзей.

Литература

1. Бурдьё Пьер, Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. — СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим.социологии: Алетейя, 2005. — 288 с.
2. Вейз Дж.Э.-мл. Времена постмодерна. — Фонд «Лютеранское наследие»: 2000. — 240 с.
3. Все больше украинцев уезжают из страны навсегда // Аналитика http://debaty.org/article/emigration_deb/emigracia_analititika/573.html.
4. Зодерквист Я., Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — Стокгольмская школа экономики. — СПб.: 2005. — 369 с.
5. Козловський П. Постмодерна культура: суспільно-культурні наслідки технічного розвитку.// Сучасна зарубіжна філософія. Течії і напрямки. Хрестоматія: Навч.посібник. — К.: Ваклер, 1996. — 428 с.
6. Композиция: шестнадцать уроков для начинающих авторов / Дж.Э. Райнкинг, Э.У. Харт, Р. фон дер Остен; пер. с англ. и адаптация А. Станиславского. — 3-е изд. — М.: Флинта : Наука, 2009. — 463 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
8. Планируя время будущего. Основанная на времени проспективная память. / Под ред. Д. Гликсона, М. Мыслободского. — Пер. с англ. — К.: Центр учебной литературы, 2011. — 244 с.
9. Платон. Государство. Книга вторая / Пер. с греч. А.Егунова (Интернет-ресурс: <http://www.philosophy.ru/library/plato/01/resp2.htm>).
10. Прокопчук Д., Савченко І., Осаволук А. Три парадигми аналізу часу в політичних науках // Час у дзеркалі науки. Спеціальний випуск збірника наукових праць «Гуманітарні студії». — Частина 2. — К.: Центр учбової літератури, 2010. — С.50-62.
11. Тоффлер Э. Третья Волна. — 371 с.
12. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 924 с.
13. Leo Babauta. Focus: A simplicity manifesto in the Age of Distraction 121 p. Режим доступу: <http://focusmanifesto.com/>.
14. Pratchett T. Going Postal. — Doubleday. — 2004. — 398 p.

Сычева Анастасия Александровна,
аспирантка исторического факультета
Донецкого национального университета,
г. Донецк

«ТЕКУЧЕСТЬ» ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ И РФ: ВЕРТИКАЛЬНОЕ И ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В статье автор акцентирует внимание на особенностях протекания времени на постсоветском политическом пространстве (Украина и РФ) с выделением специфики его восприятия в горизонтальной и вертикальной проекциях. Также проанализированы поведенческие практики реагирования на сложившуюся ситуацию с учетом ключевых признаков украинской/росийской ментальности

Ключевые слова: время, политическое доверие, транзитный социум, формальные и неформальные практики

«ПЛИННІСТЬ» ЧАСУ В ПОЛІТИЦІ УКРАЇНИ ТА РФ: ВЕРТИКАЛЬНИЙ І ГОРИЗОНТАЛЬНИЙ ВИМІРИ

У статті автор акцентує увагу на особливостях плинності часу на пострадянському політичному просторі (Україна та РФ) з виокремленням специфіки його сприйняття у горизонтальній та вертикальній проекціях. Також проаналізовані поведінкові практики реагування на ситуацію, що склалася, з урахуванням ключових ознак української/російської ментальності

Ключові слова: час, політична довіра, транзитний соціум, формальні та неформальні практики

TIME FLUCTUATION IN POLITICS OF UKRAINE AND RUSSIAN FEDERATION: VERTICAL AND GORIZONTAL DIMENSIONS

In this article the author focuses her attention on features of time penetration on the postsoviet political space (Ukraine and Russian Federation) with emphasis the specificity its perception in horizontal and vertical projections. Also it is analyzed behavioral practices of response to the hands-on situation subject to the key attributes of Ukrainian/Russian mentality

Keywords: time, political trust, transitional societies, formal and informal practices

Время, наряду с пространством, служит своеобразной структурной рамкой политики, определяя ее бытие посредством органического согласования прошлого, настоящего и будущего. Дезориентация украинского и российского обществ начала 1990-х гг. в связи с распадом СССР вылилась в оценку настоящего как «смутного времени» (по А. Шляпентоху, даже как «возвращение к феодализму») и поместила обе страны под знаком «переходных», или «транзитных» социумов. Временные представления являются сегодня одной из основ идентификации и мобилизации населения путем распознавания «своих» и «чужих»: для одних, к примеру, прошлое и будущее выступают объектами компенсаторных проекций, для других — навязанным временем. Различия временной ориентации, образов времени, толкования анахроничности и современности между группами общества затрудняют преодоление аномии, формирование ценностей и социальных норм, что приводит к апатии, отчуждению, деформированию горизонтальных сетей, снижению интереса к политике. Дальнейшее игнорирование проблемы времени может вызвать разочарование всей политической системой, поэтому актуальным представляется регенерация указанного вопроса с позиции не только философии, но и политологии.

Понимание структуры субъективного времени индивида и группы важно сегодня не только для встраивания во временную структуру друг друга, но и для согласования временных перспектив, авто- и гетеростереотипов на всех уровнях репрезентации времени — субъективном (особенности персонального его восприятия), межличностном (нормы, регулирующие длительность, темп взаимодействия, использование дискурсивных стратегий), институциональном (вписывание себя в избранные биографические схемы), культурном (общность представлений) — с целью проведения эффективной политики и построения длительных отношений доверия.

Цель исследования — рассмотреть сущность и состояние категории «время» в горизонтальной и вертикальной проекциях на политическом пространстве Украины и РФ.

Объект исследования — феномен времени в транзитных постсоветских социумах.

Предмет исследования — отношения в политикуме и повседневности с выделением практик адаптации к состоянию времени в переходных обществах Украины и РФ.

Для достижения поставленной цели необходимо обозначить ряд **задач**:

1. Изучение концепта времени в рамках неинституционализма, культурализма и феноменологии.

2. Определение ключевых особенностей украинской и российской ментальностей с целью объяснить реакции на протекание времени.

3. Анализ практик адаптации на макро-, мезо- и микроуровнях с учетом специфики временных представлений различных социальных страт и выделение корреляционной связи между ними.

Нынешняя специфика течения политического времени состоит в том, что, во-первых, мы наблюдаем его «ускорение», а, во-вторых, наряду с глобальным («осевым») временем, множатся типы «локального времени», в котором реально живут и рамками которого ограничены многие политики. Поэтому закономерными характеристиками современности становятся динамичность, неустойчивость, неопределенность, что накладывает свой отпечаток на построение взаимоотношений, как в вертикальной (институты власти и их актеры), так и в горизонтальной (повседневность и среднестатистические граждане) плоскостях. Это состояние постоянной флуктуации, бифуркации или даже «полифуркации» политической системы, когда происходит обрыв временных рядов, резко увеличивается роль случайных и мало-значимых (на первый взгляд) факторов, что усиливает процесс «брожения» в верхах относительно четкого обозначения дальнейшего курса государства («стремление сидеть на двух стульях одновременно») и сказывается на укладе остальных социальных страт.

Сегодня можно вести речь о постепенном захвате доминирующего положения так называемым «текучим» [1] временем. Синонимом к данному понятию выступает «жидкое», или «поверхностное» время. Под ним подразумевается реальность, в которой политические и социальные процессы протекают в условиях ненадежности, неуверенности и отсутствия безопасности, где краткие встречи заменяют долгосрочные отношения, а взаимные обязательства — бегство и уклонение от их выполнения. Не случайно, А. Шюц в феноменологии интерпретировал проблему современности как проблему достижения взаимопонимания: понять друг друга — значит установить между потоками сознаний отношения одновременности. Человек А не способен точно «прочитать» смысл поступков Б, поскольку тот исходит из иной временной перспективы. С точки зрения А. Шюца [2], непосредственное познание нами Другого осуществляется через синхронизацию потоков сознания и содержательное их сближение, что подразумевает подобие тех мыслительных конструкций, посредством которых осмысливается и оценивается время. Так, с людьми нашего ближнего круга взаимодействия мы устанавливаем непосредственную одновременность: говорим, меняемся во времени на глазах друг у друга (взаимность перспектив). Подобная позиция позволяет нам в дальнейшем мыслить настоящее как набор типов, которым приписываются определенные атрибуты, функции и поведение, что существенно облегчает поиск общего языка. Эти индивидуализированные обобщения служат для типизации наших «жизненных миров» (Ю. Хабермас) с выработкой соответствующих практик, способствующих адаптации индивида к

ситуации, а также для поддержки структурированного взгляда на мир в целом и время в частности.

Новая мгновенность времени полностью изменяет модальность человеческого общежития как в горизонтальной, так и в вертикальной проекциях. Как демонстрируют исследования, имеющаяся макросоциальная среда в Украине и РФ держится исключительно на личных контактах, отношениях «с глазу на глаз»: семья, близкие друзья и т.п., тогда как любые безличные институциональные связи вызывают глубокое недоверие. Это соответствует «текучести» времени и сопровождается заменой длительных отношений их поверхностными либо виртуальными аналогами (флешмоб, чат, социальные сети). Еще одним следствием выступает ориентация индивида на узкий круг знакомств в виду нежелания и неумения поддерживать большой «узел» связей. Причину следует искать в экзекутивности (уклонение от нестандартности, имитации) национального характера: признавая себя человеком «малой группы», украинец не стремится раскрывать свой внутренний мир, даже друзьям, ведь он раним, поэтому доверяться опасно [3]. В российской же ментальности выделяются натурально-материалистическая доминанта и экстравертированность, благодаря которым каждый потенциальный партнер переживается в мودусе неприязни, а на уровне социетальной и индивидуальной психики ощущается дефицит самодостаточности, поиск авторитета. Что касается вертикали, то фундаментом для включения нового человека в «свой круг» являются рекомендации партнеров или близких друзей с соответствующим сбором сведений об объекте и готовностью последнего руководствоваться установленными «правилами игры».

При отсутствии долгосрочной безопасности «мгновенное вознаграждение» выглядит как разумная стратегия, к которой часто прибегают как политики, так и большинство простых граждан. Другими словами, связи и партнерство имеют тенденцию рассматриваться как вещи, которые нужно использовать, а не создавать, и с ними обращаются соответствующим образом. Их оценивают по тем же критериям, что и все другие объекты потребления: требуют гарантии для оказываемого доверия в форме заключенного договора, устанавливают испытательный срок для придания реципрокного характера отношениям, ориентируются на имманентные критерии (репутация, достижения, внешний вид: аксессуары, одежда, интерьер), ведь к благопристойному на вид человеку проявляется большее доверие. Сюда относятся также явления nepотизма и патрон-клиентские отношения. Среди примеров выше обозначенной стратегии можно выделить следующие:

- **избрание представителей бизнеса депутатами законодательной власти и местных органов самоуправления.** Например, реформа Совета Федерации в 2000 г. предоставила губернаторам и законодательным сборам регионов возможность наделения сенаторскими пол-

номочиями «нужных» людей. В конце 2000 г. губернатором Чукотского АО становится Р. Абрамович, ЮКОС помогает избраться губернатором Эвенкии Б. Золотареву, а глава АЛРОСА В. Штыров — президентом Якутии (переизбран в 2007 г.). В 2001 г. «Норильский никель» делает губернатором Таймыра О. Хлопонина, а в 2002 г. — О. Бударгина, который раньше представлял интересы компании на должности мэра Норильска [4]. В украинском политикуме следует вспомнить наполнение комитетов Верховной Рады Украины, где большинство мест распределяются между известными бизнесменами и руководителями предприятий соответствующих «курирующих» отраслей, а также практику назначения губернаторов и судей.

— *стратегическое партнерство на основе «доверительных отношений»* экономических субъектов с высшими чиновниками. Спонсирование избирательных кампаний для продвижения «своего» человека: в Украине — Р. Ахметов, Б. Клюев («Партия регионов»); И. Коломойский, братья Буряки, К. Жеваго (БЮТ); К. Григоришин (КПУ) и т.д.; в РФ — П. Голубев, Г. Астраханцев (поддержка Д. Медведева) и др. Предприниматели с целью обеспечения лояльного отношения к своему бизнесу платят трижды. Сначала платят налог (обычно в размере, который не превышает 30 % номинальной ставки), потом «подмазывают» чиновников, которые предоставляют декларированные власти услуги, и, наконец, финансируют социальные программы, необходимые для поддержки имиджа власти в качестве «заботливого правителя». На первом уровне составляется презумпция вины, а на втором происходит обслуживание государством в лице коррумпированного государственного служащего социального и экономического акта. На третьем же уровне изымается остаток, «скрытый» экономическим агентом от государства [5]. В связи с известной неформальностью и нелегальностью всех типов «налогообложения» именно они и представляют собой предмет переговоров. Наличие презумпции вины определяет контекст обсуждения, а размеры выплат и условия взаимодействия власти с экономическим субъектом — его содержание.

Инициирование создания политических партий: в 2003 г. в связи с избирательной кампанией в Государственную Думу отмечена особая активность таких ФПГ, как нефтяные компании ЮКОС, ЛУКОЙЛ и «Сибнефть», а также банковские структуры — МПБ, Национальный резервный банк и др. Что касается формирования «партии власти» и ее спойлеров, то этот феномен наблюдается на российском политическом пространстве еще с 1995 г. с санкционирования президента страны. Среди примеров числятся и так называемые «картельные соглашения». Так, в 2004 г. накануне президентских выборов «Криворожсталь» выполняла роль гаранта в договоренностях между Л. Кучмой, В. Пинчуком и В. Медведчуком, а со временем оказывала содействие финансированию избирательной кампании В. Ющенко А. Абрамовым

и К. Григоришиным в обмен на обещание первого пересмотреть приватизационный процесс относительно комбината на переговорах в Вене. Или вспомним ситуацию с продажей телеканала «Интер» между И. Плужниковым и К. Григоришиным.

— *расширение потенциального политического влияния*. В этом контексте говорим о назначении А. Сердюкова министром обороны, и получении должности вице-премьера С. Нарышкиным, и приход на пост главы заново созданного Следственного комитета при Генпрокуратуре однокурсника В. Путина по университету О. Бастрыкина. Новые назначенцы не входили в состав клиентел основных претендентов на преемственность власти, но помогли сохранить существенное влияние на политику государства после отхода В. Путина от обязанностей президента. В Украине — это назначение главой Национального банка Украины С. Кавунева и других госчиновников. Как видим, отношения «своих» не являются дополнительными относительно централизованно-контролирующих ведомств, они соединены с этой системой, а ее участники привлечены к своеобразной «диалектике контроля».

— *доверие по «блату»* (как эксплуатация личных связей и взаимный обмен благами и услугами). Если раньше люди получали по блату товары и услуги, то теперь он нужен для получения денег, необходимой информации для минимизации риска и для доступа к бюрократическим решениям, которые касаются распределения кредитов и их условий. Как результат — возникновение практики натурального обмена посредничеством личных связей (завуалированные формы платежей, кредитование на основании дружбы и помощи), что экономит не только усилия, но и время, которое необходимо было бы израсходовать на становление соответствующих взаимоотношений и обход нужных инстанций. Следствиями использования «крыши» могут служить непрозрачные решения земельных вопросов (массовая раздача киевских земель состоялась 1 октября 2007 г.) со стороны мэра Киева Л. Черновецкого или многочисленные обвинения госслужащих в коррупции (вспомним резонанс относительно дела судьи Н. Зварыча или использование служебного положения в случае с М. Рудьковским). Относительно РФ, здесь внимание привлекает кадровая политика. Так, глава Высшего арбитражного суда А. Иванов является протеже Д. Медведева, В. Устинов — политическим союзником И. Сечина, а глава Федеральной таможенной службы А. Бельянинов длительное время работал вместе с С. Чемезовым.

— *доверие типа «патрон-клиент»*, яркой демонстрацией которого является наличие в Украине и РФ фрагментированной, нестабильной партийной системы. Политические партии здесь выступают не столько представителями социальных интересов, сколько сетями давних знакомых, объединенных лояльностью к яркому лицу, которое их

возглавляет. Так, на парламентских выборах 1999 г. ориентация исключительно на политического лидера достигает апофеоза в заявлении номинального лидера движения «Единство» С. Шойгу, в котором главной задачей определяется поддержка кандидатуры В. Путина. Украинские аналоги также существуют исключительно за счет доминирующих персон (В. Януковича и ПР, Ю. Тимошенко и БЮТ, В. Ющенко и «Наша Украина» и т.д.), одновременно выполняя роль лоббистских организаций.

Таким образом, имеем дело с установлением и закреплением специфических видов формальных и неформальных отношений, которые, переплетаясь между собой, сохраняются путем обретения вида колеи — «тропы зависимости» (по Д. Норту), из которой тяжело выбраться без политической воли и которая сопровождается культурной травмой, являющейся результатом неадекватного восприятия отдельных отрезков времени разными слоями общества. Следует подчеркнуть определенное сходство между Украиной и РФ, так как существование в пределах одного государства содействовало наследственности и сохранению соответствующих временных представлений и стереотипов поведения.

Теперь обратимся к горизонтальной проекции. Иллюзорное, или мгновенное, время мира «программного обеспечения» растворяет и его продолжительность. Оно протекает неодинаково для разных социальных страт, даже в рамках одного локуса, тем самым демонстрируя дифференциацию социальностей смыслов времени (по И. Валерстайну). К примеру, время внутри семьи регулируется нормами «замедления», ориентированными на воспроизведение традиционно сложных локальных отношений (атрибут — семейные отношения личности, цель — поддержка традиции, рутины). Деятельность на рынке нацелена на максимизацию полезности, поэтому время выступает своеобразным субъектом контроля, распределения и т.п. Имеем дело с нормами «достижения адаптированности», согласно которым время либо ускоряется, либо наоборот — нуждается в определенном снижении скорости течения.

Различные субкультуры, соответствующие определенным стратам общества, в том числе крайним — маргинальным или элитарным, также порождают особые варианты восприятия времени. Последнее то разрастается (придание ему массового характера «низкими» слоями общества), то сужается к минимуму (попытка его унификации на верхних ступенях социальной иерархии, с переписыванием истории, переименованием улиц, о чем свидетельствует опыт Украины и РФ). В *низкостатусных группах* время тянется постепенно и репрезентирует собой целостную нисходящую линию, именуемую будничностью («как прожить завтрашний день?», «хотя бы что-то, потом — привыкнем»). Они ориентируются на терпение, пассивность и атантизм, и об-

разовывают наиболее многочисленную часть населения. Среди представителей указанной страты в основном люди старшего возраста; женщины-матери; те, кто живет в основном на зарплату, которую платит (не платит) государство; рядовые работники «кризисных» отраслей и предприятий. Для *высокостатусных граждан* время — это восходящая линия, где каждый работает на перспективу, ориентирован на максимальный индивидуальный экономический и социальный успех. Среди его носителей — легитимные и криминальные предприниматели; люди, делающие карьеру в руководстве больших фирм, в бюрократическом аппарате, в печати или в публичной политике. Для последних, так называемых *«средняков»*, время представляет собой оторванные друг от друга куски реальности, где главными требованиями выступают скорость мышления и действий, получение наибольшей выгоды. Показательный признак склонности к данной разновидности — активная адаптация, энергичный поиск возможностей выживания или даже успеха, открытых новыми социально-экономическими условиями: изменение профессии, переход в частный сектор экономики с относительно высокой оплатой или просто «подработка» (часто на основе неформальной, «теневой» занятости). Итак, принадлежность граждан к разным социальным группам служит причиной определенной вариативности их временных представлений, которые нуждаются в согласовании как между собой, так и с институтами, для формирования совместных «правил жизни».

Следует отметить общую особенность для всех указанных социальных страт — синтез частного и публичного времени, которое сопровождается привлечением СМК или представителей социума в целом. А также использование административного эквивалента липосакции — сокращение, уменьшение размеров и продолжительности, гибкость — для реагирования на вызовы современности. Учитывая рост объемов получаемой информации, обычные люди из-за невозможности ее полноценного усвоения в связи с ускорением времени и неумением обнаруживать противоречия и «шумы» прибегают к использованию так называемого «вынужденного доверия» [6] к абстрактным системам (налогообложение, политическая система, наполнение бюджета и т.п.), экспертам в той или иной сфере. Мотивация в данном случае состоит в закреплении «хорошей репутации» в конкретном коллективе, который не ограничивается кругом лично знакомых людей, а распространяется на всю систему опосредованных связей и выполняет роль своеобразного пропуска в мир селективных возможностей. Одно из последствий распространения такой практики — появление «социальных рынков», где результатом выступают не столько финансовые прибыли или конвертируемая в них материально-вещественная продукция (техника, стройматериалы, оружие, продовольствия, сырье), сколько социальные эффекты: взятка, помогающая

решить ряд трудностей; репетиторство, обеспечивающее поступление в ВУЗ; теневые кадровые перестановки в высших эшелонах власти; тайные заговоры представителей разных политических фракций ради лоббирования определенного закона [7]. Соответствующие институты даже начинают играть системообразующую роль, не позволяя развалиться определенной политической системе.

Актуальным является поиск конгруэнтности политического и культурного времени, т.е. вопрос о том, насколько политический процесс детерминирован культурой. Дело в том, что насильническое, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным представлениям и аксиологическим шкалам, в первую очередь касается именно дискретного временного порядка, в пределах которого культура ищет стратегии адаптации коллективной памяти. Иногда ценностная агрессия может оказаться настолько широкой, что запас внутренних ресурсов для ее преодоления исчерпывается и возникает взаимообусловленный дисбаланс континуального и дискретного течений культурного времени-пространства (хронотоп по терминологии М. Бахтина) в виде культурной травмы. В такой ситуации люди начинают говорить, что больше нет ничего святого, невозможно приспособиться к новым условиям и т.п. Похожую ситуацию наблюдаем в Украине и РФ.

Пытаясь разрешить дилемму одновременности, индивид все больше поглощен повседневными делами и заботами, надеется преимущественно на самого себя и ближайших родственников, но вместе с тем рассчитывает на традиционную и все еще окрашенную в патерналистские тона справедливость. Суть последней заключается в том, чтобы сохранить на определенном уровне человеческое достоинство и, не претендуя на многое, все же продолжать ожидать со стороны государства минимального обеспечения «нормальных условий жизни» и возможности «жить по-человечески». Данный тип личности, доминирующий сегодня в обществе, является социокультурным продуктом без четких границ, но с явным чувством солидарности с такими же простыми людьми, судьбы которых вершатся за пределами полного понимания и контроля с их стороны. Этим удачно пользуется государство, продуцируя индивидов с шаблонным типом поведения и мышлением в формате общепринятого «здорового смысла». Все конфликты сводятся к поиску уже существующих ячеек, правил или обычаев, благодаря которым они искусно превращаются в «недоразумение».

Таким образом, становится понятной еще одна отмеченная исследователями особенность массового сознания кризисного периода — неопределенность политических ориентаций населения и их резкие колебания. В хаосе преимуществ, однако, прослеживается константа — интуитивное стремление значительной части граждан дистанцироваться от политических партий и движений и ориентация на личности

лидеров. Нормой является состояние маргинальности, влекущей за собой распад сформированных социальных связей, апатию, которая внешне может измениться бурной активностью, переходящей в агрессию, снижение мотивации целенаправленной групповой деятельности, доминанту инстинкта самосохранения как главного принципа поведения. Кризисная ситуация фрустрирует человека с его глубинным стремлением к стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Тем не менее, при транзитных условиях радикально изменяется характер отношений между институтами и индивидами. Мораль и культура приобретают открытый характер и все больше подвергаются нелинейной динамике. Отсюда напрашивается вывод: переход Украины/РФ от социалистической закрытости к демократической открытости допускает не только создание новых общественных институций, но и утверждение в сознании населения множественности «жизненных миров» с соответствующей вариативностью относительно понимания времени вследствие свободного противоборства и партнерства разнообразных социокультурных реалий, которые могут быть довольно своеобразными в конкретных контекстах. К этому следует добавить, что нелинейная динамика неизбежно приводит к проявлению сознания многих украинцев/россиян в разных темпомирах. Как следствие — ее парадоксальность и кентавристичность, склонность к перформативности, играйзации [8]. Одновременно появляются симулякры самих источников власти, виртуальные партии и акторы с адекватным игровым габитусом для конструирования и поддержания реальности неравновесного типа. Как результат, одни субъективно конструируют социальные фантазии, похожие на западную реальность, другие, отягощенные советскими мировоззренческими установками, ощущают тоску по государственному патернализму, третьи вообще отрицательно воспринимают игру рыночных сил. Преобладает психологическая ситуация, которую можно обозначить как позицию «ни сопротивления, ни движения». Большинство людей находится в стадии восприятия новых образцов, довольно условных и размытых по характеру, поэтому и деятельность не является целенаправленной (и это обозначается на ее векторе).

Таким образом, сегодня населения Украины и РФ ввиду ускорения времени (и, соответственно, требований), хаотичного восприятия и презентации собственных временных представлений, неумения адекватного согласования позиций находятся в состоянии культурной травмы с доминированием механизма привычки, где последняя выступает средством отклонения от любого конструктивного партнерства, кроме исключительно вынужденной и минимизированной взаимопомощи в заданных рутинных границах. В подобных условиях поведенческая тактика представляет собой отход от любого сотрудничества, что обуславливает обращение к инструментам лукавства, приобеднения, постоянной

халтуры, агрессии, зависти, обиды, эскапизма и ретроориентации. Функция подобного отклонения — снизить вклад в действие, которого от индивида могут потребовать, но в ожидании возможности использования максимума результатов. Жизнь по привычке — фрагментарна и случайна, она сопровождается чувством, что идти некуда и существовать незачем (именно поэтому у большинства украинцев/россиян возникают ощущения постоянной усталости, заторможенности, нежелание что-либо изменять, которое демонстрируется низкими показателями политического участия). Поэтому до сих пор феномен социальной сплоченности на других основаниях, кроме мобилизации сверху и стремления к самозащите, т.е. на традиционно-родовых или национальных связях, на отношениях доверия либо расчета, продолжает вызывать у постсоветских людей страх и отчуждение.

Однако возможность существования современных экономических и политических организаций зависит от предсказуемости и надежности моделей взаимодействия между незнакомыми людьми. Социум, в котором идентичность индивидов ищет опору только в семейно-родственных связях, а все, что находится за их пределами, воспринимается как потенциальная или даже реальная угроза личному существованию, и где институциональное упорядочение проходит мимо граждан, — не может стать пространством для продуцирования эффективной политики. Последняя требует качественно нового рассмотрения проблемы времени с предложением практических мер по «безболезненному исправлению» или последовательному согласованию устоявшегося восприятия времени как со стороны политической элиты, так и с позиции разнообразных слоев общества.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность/Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. — С. 7.
2. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социс. — 2003. — С. 14.
3. Донченко О., Романенко Ю. Архетипи соціального життя і політика (Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення) : Монографія. — К. : Либідь, 2001. — С. 281.
4. Реутов Е. В. Региональные бизнес-сообщества: легитимация властных притязаний // Социс. — 2007. — № 6. — С. 75.
5. Бляхер Л. Е. «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra. — Лето 2002. — Том 7. — №3. — С. 86.
6. Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // Полис. — 2001. — №2. — С. 53.
7. Попова И. Моральное оправдание и нормативная составляющая теневых практик // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — №1. — С. 33.
8. Кравченко А. С. Играизация российского общества // Общественные наука и современность. — 2002. — №6. — С. 148.

***Социально-психологические
аспекты проблемы времени***

Дейнеко Александра Александровна,
магистрантка социологического факультета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина,
г. Харьков

«ВРЕМЯ В СЕТИ» КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТИЗАЦИИ: ОТ ВРЕМЕНИ-В-СЕТИ КО ВРЕМЕНИ-ДЛЯ-СЕТИ

В работе представлены результаты разведывательного социологического исследования свойств «времени в сети» как альтернативы социального времени в условиях тотальной интернетизации. На основании анализа различных досуговых практик и ценностных ориентаций двух групп украинского студенчества (Интернет-фанов и Интернет-пользователей) автор приходит к выводу о необходимости введения термина «время в сети» в социологический дискурс. «Время в сети» позиционируется как альтернатива социальному времени в современных социокультурных и социоструктурных условиях. По итогам анализа работанных автором свойств «времени в сети» предлагается вывод об актуализации феномена «время для сети», следуя известным метафорам И. Канта и К. Маркса

Ключевые слова: социальное время, тотальная интернетизация, «время-в-сети», «время-для-сети», современное студенчество, досуговые практики

«ЧАС У МЕРЕЖІ» ЯК АЛЬТЕРНАТИВА СОЦІАЛЬНОГО ЧАСУ В УМОВАХ ТОТАЛЬНОЇ ІНТЕРНЕТИЗАЦІЇ: ВІД ЧАСУ-У-МЕРЕЖІ ДО ЧАСУ-ДЛЯ-МЕРЕЖІ

У роботі представлені результати розвідувального соціологічного дослідження властивостей «часу в мережі» як альтернативи соціального часу в умовах тотальної інтернетизації. На підставі аналізу відмінностей дозвіллевих практик і ціннісних орієнтацій двох груп українського студентства (Інтернет-фанів та Інтернет-користувачів) автор зазначає необхідність введення терміну «час в мережі» у соціологічний дискурс. «Час у мережі» позиціонується як альтернатива соціальному часу в сучасних соціокультурних та соціоструктурних умовах. За підсумками аналізу властивостей «часу в мережі» пропонується висновок про актуалізацію феномену «час для мережі» слідом за відомими метафорами І. Канта і К. Маркса

Ключові слова: соціальний час, тотальна інтернетизація, «час-в-мережі», «час-для-мережі», сучасне студентство, дозвіллеві практики

«NETWORK TIME» AS AN ALTERNATIVE TO A SOCIAL TIME IN THE INTERNATIZATION TOTALITY: FROM THE «TIME-IN-NETWORK» TO THE «TIME-FOR-NETWORK»

The results of the intelligence case study of the features of «network time» as an alternative to the social time in terms of total internetisation are presented. Based on the analysis of differences in leisure practices and value orientations of two groups of Ukrainian students («internet fans» and «internet users»), the author comes to the conclusion due to the necessarily introduction of the term «time in the network» into the sociological discourse. «Time in the network» is positioned as an alternative to social time in the contemporary sociocultural and sociostructural conditions. From the analysis of «time in the network» features developed by the author it is proposed to update the phenomenon of «time for the network», following the well-known metaphors of Immanuel Kant and Karl Marx

Keywords: social time, total Internetization, «time-in-network», «time-for-network», the contemporary studentship, leisure practices

Несмотря на фундаментальный характер социального времени в социологическом теоретизировании и социальной реальности (наряду с феноменом социального пространства), в современном научном дискурсе социальное время пока не получило устоявшейся теоретической и эмпирической операционализации. Анализ литературы, посвященной исследованию социального времени, позволил сделать вывод об утопическом характере последних аналитических операций в силу: а) большого объема понятия «социального времени»; б) его «разлитости» в других феноменах; в) мультипарадигмального характера социологического знания.

Тем не менее, как справедливо отмечает И. Попова [1], в последние годы в социологической литературе социальному времени уделяется большое внимание: растет количество публикаций и изданий на эту тему (работы В. Гайдиса «Время в социологических исследованиях», Ж. Гурвича «Спектр социального времени», сборник «Социология времени», журнал «Концепции темпоральности в социологической теории», а также 22 публикации по изучению проблематики времени в журнале «Социологические исследования» за последние 20 лет), проводятся международные семинары, создано Международное общество изучения времени. Этот интерес исследовательница объясняет актуальностью проблем социальных изменений, неразрывно связанных с темой времени. Н. Костенко и С. Макеев в работе «Место и время в социологии», метафорично отмечают, что время берет реванш над пространством в социологической теории, переводя его образы в метафоры темпоральности (текучесть, изменчивость, непостоянность реальности) [2]. В этом контексте следует вспомнить процессуальный подход П. Штомпки: «Само переживание времени и идея времени вытекают из изменения природы реальности» [3, с. 67]. Вполне реле-

вантным социокультурному контексту постсоветских обществ звучит вывод Н. Наумовой касательно того, что особенно остро проявляет себя проблема времени в кризисных, нестабильных, быстро меняющихся обществах. Отвращение к власти и социальная нестабильность во многом связаны с тем, что реформаторы и реформируемые живут в разном субъективном времени. Они по-разному переживают не только настоящее, но и прошлое с будущим [4]. Обращаясь к изучению поведенческих стратегий личности в условиях нестабильности институциональных структур, следует отметить прагматическую **актуальность** изучения тематики времени в социологии, подчеркивая его социальный характер.

Еще одним аспектом **актуализации** исследования времени в социологической перспективе (который фигурирует, в частности, у Н. Зарубиной [5]) выступает «технологический бум» современности, глобализация и постмодернизация современного мира. Важнейшим фактором, влияющим на социальное конструирование времени, является информационный характер современного общества: по мнению Э. Гидденса, высокие телекоммуникационные технологии делают фактор времени незначимым при передаче любых объемов информации на любые расстояния, что приводит к уплотнению времени, его свертыванию практически в точку. Данный тезис в рамках нашей работы приобретает особую значимость, поскольку позволяет аналитически выделить феномен «времени в сети» как особый тип социального времени, обладающий собственными характеристиками.

Целью нашей работы является анализ свойств «времени в сети» как альтернативы социального времени в условиях тотальной интернетизации. Исходя из постановки цели, исследование очевидным образом будет носить разведывательный характер.

Основные задачи исследования заключаются в:

- 1) обосновании аналитического выделения феномена «время в сети»;
- 2) рассмотрении «времени в сети» в качестве социального времени;
- 3) разработке свойств «времени в сети» как вида социального времени в современном технологическом контексте.

Объект исследования — социальное время.

Предмет исследования — «время в сети» как альтернатива социального времени в условиях «технологического бума» современности.

Исследования времени как социокультурного феномена берут начало в работах классиков социологии — Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина, Р. Мертона. Социальная природа времени (как, впрочем, морали, религии и т.п.) представлена в работе Э. Дюркгейма [6]. Апологет социологизма полагал, что категория времени отображает ритмы деятельности социальной группы, а представление о времени — это представление о социальном времени, общем для данного сообщества людей. Данный тезис актуализирует феномен социального времени,

базируясь на неразрывной связи коллективного и темпорального. К подобным выводам приходит представитель другой социологической парадигмы — Дж. Г. Мид, отмечая исключительную возможность существования общества посредством способности устанавливать общность временных перспектив [7, 8]. Значимый вклад в изучение механизмов восприятия времени внес классик феноменологического направления — Т. Лукман, понимавший синхронизацию времени не только как «установление отношения одновременности между людьми, но и подобие мыслительных конструкций, в которых они оценивают время — социально объективированных, «готовых» временных категорий и систем отсчета времени» [9, р. 157]. Таким образом, время как социокультурный феномен интересовало классиков социологической мысли различных методологических направлений и национальных школ, что иллюстрирует его фундаментальный характер в социальной реальности.

В совместной статье П. Сорокина и Р. Мертон социальное время рассматривается как выражение «изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве точки отсчета» [10, с. 113]. Авторы отмечают, что социальное время отражает движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки. Данное определение, безусловно, апеллирует к дюркгеймовской традиции исследования социальных фактов с точки зрения других социальных фактов, а также подчеркивает релятивную, конвенциональную и контекстуальную природу социального времени. Как напоминают исследователи, вместо четкой фиксации астрономических дат в своих повседневных действиях мы часто используем социальные обозначения точек времени: «вскоре после мировой войны», «встреча после концерта» и т.д. В повседневности время представлено социально, поскольку «разлито» в индивидуально-биографическом и в социально-историческом опыте.

Основы эмпирической концептуализации времени в рамках социальной статистики представлены в работах С. Струмилина [11], А. Кауфмана [12]. И хотя в рамках нашего исследования данные работы не представляют ключевой интерес, стоит отметить их комплексный характер и значительную эмпирическую базу в изучении бюджетов времени, использовании времени в учебной, трудовой и досуговой деятельности. Данное направление получило развитие в рамках советской традиции изучения времени: масштабные исследования бюджетов времени советских граждан представлены в работах В. Артемова и соавторов [13, 14]. В рамках советской социологической школы также широко представлены исследования, направленные на изучение свободного времени и досуговой активности населения (А. Мурзина [15], В. Прокофьева [16], В. Патрушева [17,18], И. Бутенко [19], В. Золотова [20] и

др.). Рассматривая подходы к интерпретации социального времени, И. Попова отмечает, что в советский период социальное время анализировалось как «длительность деятельности» [1]. Цитируя В. Артемова, И. Попова отмечает, что анализ структуры деятельности дает возможность «раскрыть объективное содержание и структуру социального времени» [1, с. 138]. Подобной методологической установки придерживались авторы, перечисленные нами выше. Это связано с доминированием количественной парадигмы исследований советского периода, а также высокой значимостью социально-инженерной функции социологии.

В рамках современных исследований социального времени, интегрирующих теоретическую рефлексию и эмпирический анализ, стоит отметить работы И. Поповой, А. Давыдова, Н. Наумовой, В. Горяинова, Т. Нестика, Н. Зарубиной, В. Бакирова. Традиция исследования свободного времени и досуговой активности представлена в работах Р. Стеббинса и Н. Седовой. Опираясь на анализ представленных исследований, мы приходим к выводам, созвучным тезису Н. Веселковой. Анализируя этапы развития социологии времени, она связывает современный этап с: а) развитием различных направлений внутри социологии времени; б) акцентированием проблематики времени в других социологических темах [21].

Достаточно точно, на наш взгляд, отмечает тенденции содержательного развития социологии времени И. Попова [1]. По мнению автора, «хроносоциология» развивается в двух направлениях: с одной стороны, осуществляется фундаментальный анализ самого времени, характеризуется социальная его природа, выделяются различные типы времен, т.е. создаются различные *теории социального времени*, например, Н. Элиаса [22] и Б. Адам [23]. С другой стороны, анализируется *специфика различных культурных явлений, происходящих во времени* (М. Мелбин [24], Ю. Фрэнгер [25], М. Янг [26] и др.). Таким образом, время рассматривается и как самостоятельный предмет исследования, и как социокультурный контекст других феноменов. В этом смысле «время в сети» — предмет данного исследования — мы одновременно рассматриваем как особый тип социального времени и как контекст реализации Интернет-практик.

Дополняет арсенал социологического исследования времени Н. Веселкова, отмечая, что общеметодологическая «подоплека» осмысления времени образует две линии в социальных науках: «операции с прошлым» и «операции с будущим» [21]. К отраслевым дисциплинам, смежным с социологией времени, исследовательница относит социологию памяти, историческую социологию, футурологию и социальное прогнозирование. Фокус социологии времени, по мнению Т.А. Нестика, можно проследить в концепциях «рамки социальной памяти» М. Хальбвакса, «обращения к прошлому» П. Нора, «карьерных схем» Дж. Льюиса и Э. Вейгарта, «биографических схем» Т. Лукмана, «нормализующих био-

графических траекторий» П. Бурдые и т.д. [27]. Так, несмотря на широкие исследовательские перспективы, изучение предметного поля социологии времени представлено в социологическом дискурсе весьма спорадично.

Таким образом, многие сферы социологического фокуса исследований времени «остаются за кадром»; отсутствует согласие и в методологии социологического исследования времени. К примеру, А. Давыдов отмечает, что анализ времени традиционно производится в рамках только гуманитарной парадигмы, а математическая и естественно-научные парадигмы практически не используются [28]. Вследствие этого, знаний о социальном времени явно недостаточно для прогнозирования конкретных социальных явлений и процессов. Н. Наумова отрицает необходимость использования количественных методов при анализе времени [29]. На наш взгляд, подобную дискуссию можно представить в качестве *гносеологического аспекта проблемной ситуации* исследования времени в социологии. С другой стороны, подобный методологический спор обусловлен множественной природой социального времени, которое может быть зафиксировано на объективном (количественном) и субъективном (качественном) уровнях анализа. Первый подход обращает внимание на материализацию времени сквозь призму количественных показателей — интенсивности и частоты практик/событий/оценок. Второй подход направлен на изучение индивидуального (группового) восприятия и переживания времени субъектом. Взаимосвязь индивидуального и социального в этом контексте иллюстрирует В. Горяинов, отмечая, что если социальное время определяется событиями, то отношение к этим событиям, их ожидание, планирование переживаются людьми индивидуально, личностно, хотя и под определенным культурным «контролем» [30]. Мы, в свою очередь, отмечаем условный характер как гносеологического разделения представленных уровней анализа времени, так и их номинаций (стоит ли, к примеру, говорить об истинной объективности способов материализации времени). Однако именно подобная аналитическая схема, на наш взгляд, может быть использована в контексте количественно-качественного анализа времени в социологической перспективе.

Значимым в рамках нашего исследования является тезис И. Поповой о переживании социального времени как о значимой характеристике повседневного сознания [1]. Как отмечает Т. Нестик, понимание структуры субъективного времени группы важно сегодня, когда общественные трансформации выдвинули задачу изучения того, как изменение социальной стратификации воспринимается людьми из разных социальных групп [27]. Данный тезис демонстрирует, во-первых, актуальность исследования структуры субъективного времени на групповом уровне, а, во-вторых, взаимосвязь процессов «переживания» времени и феномена социальной стратификации. Результаты исследований позволяют утверждать, что скорость, ритм и темп социального

изменения неодинаковы в разных областях социальной жизни и в субъективных оценках групп населения [27], — продолжает автор. К подобным выводам приходит и И. Попова, отмечая тесную связь между различными аспектами социальной реальности и социальным временем: «Даже социальная дифференциация описывается и измеряется с использованием категорий социального времени, выступая как дифференциация жизненных стилей» [1]. Связь процессов стратификации и времени становится очевидной исходя из способов индивидуальной и групповой «траты» времени (в том числе свободного), что, в свою очередь, обуславливает переупорядочивание занимаемых позиций в социальном пространстве (к примеру, время, затраченное в целях культуркапитализации, в теории П. Бурдьё). Именно в этом смысле исследование «времени в сети» предстаёт одновременно исследованием социального фактора дифференциации и уникального феномена личной экзистенции — как «капитал», инвестируемый в социальный статус и социальные возможности, с одной стороны, и как развёртывание зиммелевского содержания каждого отдельного человека, с другой.

Методологическим основанием выделения категории «время в сети» выступил предварительный анализ эмпирических данных — результатов масштабных исследований³ кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Исходным концептом послужила категория «качество времени», введенная в социологический обиход В. Горяиновым [30]. Мы предположили, что проводимое студентами время в глобальной сети (эмпирическими индикаторами которого выступают частота и продолжительность Интернет-практик студентов) взаимосвязано с качественными различиями в уровне культурного капитала, материального состояния, досуговых практиках и ценностных ориентациях студенческих групп.

Методологически план нашего анализа выглядел следующим образом. Рассматривая время как количественный показатель частоты повседневных практик студенчества, мы обратились к выбору определенных видов времяпрепровождения молодежи, которая может быть эмпирически зафиксирована на уровне анализа ценностных ориентаций, установок и предпочтений студенчества. Учитывая неоднородность социального времени (в нашем случае — свободного, досугового времени студентов), следует говорить о существенных качест-

---

³ В частности, исследование 2000-2002 гг. (выборка репрезентативна по Украине — 1658 респондентов); «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических трансформаций» (2005-2006 гг., по репрезентативной выборке опрошено 3057 студентов 31 ВУЗа Украины, 780 студентов 13 ВУЗов Беларуси и по нерепрезентативной выборке — 587 студентов 8 ВУЗов России); «Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества» (исследование 2007-2009 гг., по репрезентативной выборке опрошено 3058 респондентов 31 ВУЗа Украины).

венных различиях одного часа просмотра фильма, одного часа чтения книги и одного часа, проведенного в социальных сетях, к примеру. Мы можем согласиться в данном случае с мыслью В.П. Горяинова [30] об особенностях социологического исследования разнообразия отношения к качеству времени путем типизации по общественным кластерам групп-носителей по сходству и различию в способах, частоте и интенсивности времяпрепровождения.

Представленная нами методологическая схема обуславливает необходимость обращения к анализу феномена свободного времени и досуговой активности в рамках рассмотрения феномена «времени в сети». Отметим, что в рамках исследования времени в темпоральной социологии именно данная проблематика является наиболее актуализированной. Как показывает опыт преимущественно советской традиции исследования свободного времени, эмпирическая схема его изучения включает изучение разнообразия и частоты досуговых практик разных социальных групп (В. Патрушев [17, 18], И. Бутенко [19]), локус и контекст их реализации (исследования Р. Стеббинса [31] и Н. Седовой [32]), оценки удовлетворенности проводимым временем (И. Попова [1], А. Давыдов [21], Н. Наумова [29]).

Переходя к эмпирической части нашей работы, мы считаем необходимым отметить некоторые общемировые тенденции, связанные с изменением структуры и содержания свободного времени. Опираясь на анализ работ авторов [31, 32, 19, 17, 18] нам удалось зафиксировать:

- а) возрастание его объема;
- б) преимущественно «домашний» характер проведения свободного времени;
- в) актуализацию «пассивного досуга» и его потребительски ориентированный характер.

В совокупности эти тенденции выступают контекстами, актуализирующими Интернет-досуг (в частности) и Интернет-практики (в целом) современной молодежи, следовательно, актуальность онтологии свободного времени в качестве «времени в сети».

На макроуровне подобные тенденции свидетельствуют о формировании «цивилизации досуга», которая, вслед за западной культурной традицией, обретает все большую распространённость в современном постсоветском пространстве. Как отмечает белорусский исследователь А.Э. Мурзин [33], свободное время обладает многоуровневой детерминированностью и имеет амбивалентный характер, поскольку одновременно вписано в общественную традицию и культуру, а также является производной индивидуального жизненного проекта. На наш взгляд, в контексте становления «цивилизации досуга» исследование феномена «время в сети» обретает особую актуальность.

Несмотря на множество «диагнозов» трансформации свободного времени, исследователи значительно меньше обращаются к анализу

причин подобных метаморфоз досуговой активности населения. Возможно, причины коренятся не только в «нестабильности постмодерных структур», становлении «цивилизации досуга» или «технологическом буме» современности, сколько в изменении качества самого времени в современном пространстве высоких технологий? Данный вопрос очерчивает *предметный аспект проблемной ситуации* исследования.

Исследования постсоветских социологов свидетельствуют об актуализации Интернет-досуга населения, в особенности современной студенческой молодежи. Так, по результатам социологического исследования «Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества»⁴, проведенного в 2008-2009 гг., 92 % опрошенных студентов работают в сети Интернет. Популяризация использования Интернета в среде современного украинского студенчества приобретает размах: по итогам исследования 2005-2007 гг. данный показатель составлял 53 %, а в 2001-2002 гг. — 42 %. Стоит предположить, что с активизацией использования Интернет-ресурсов, современное студенчество все теснее оказывается вовлеченным в Интернет-пространство, количественно повышая частоту Интернет-практик. Последний тезис позволяет нам говорить о феномене «времени в сети» в ансамбле досуговых практик современного украинского студенчества.

Выступая наиболее культуркапитализированным, а также «продвинутым» в области инноваций и культурного потребления, сегментом молодежи, современное студенчество уже не представляет своей повседневной активности без использования Интернет-ресурсов: от чтения профессиональной литературы до общения в социальных сетях, от поиска информации до профессиональной занятости (фриланс). По результатам исследований 2005-2007 и 2008-2009 гг. наиболее популярными целями использования глобальной сети являются «общение с друзьями» (16 % опрошенных в 2005-2007 гг. и 26 % в 2008-2009 гг.), «поиск готовых рефератов и курсовых» (26 % и 23 % соответственно), «поиск информации по интересующим научным проблемам» (19 % и 17 %), «отдых, посещение развлекательных сайтов» (14 % и 12 %). Актуализация молодежного общения в сети за последние несколько лет, подкрепленная статистической значимостью различий процентов 2-х исследований, свидетельствует о преимущественно досугово-развлекательной направленности в пользовании глобальной се-

---

⁴ Это масштабное всеукраинское исследование украинского студенчества, проведенное в 2008-2009 гг. кафедрой социологии ХНУ имени В.Н. Каразина под названием «Проблемы формирования гражданской идентичности украинской молодежи: роль образования как фактора консолидации общества» (руководитель проекта — д.с.н., проф. Л.Г. Сокурская, N=3058, выборка репрезентативна для Украины).

тью молодежи. Мы также выдвигаем гипотезу относительно актуализации феномена «одиночество в сети» среди современного студенчества, вызванного подменой реального общения виртуальной коммуникацией в социальных сетях. К примеру, М. Кастельс [34], отмечает, что онлайн-взаимодействие наносит тяжелый урон оффлайн-социальным связям: пользователи Интернета при превышении определенного уровня онлайн-активности начинают использовать Интернет в качестве заменителя других видов деятельности и времяпровождения (работа по дому, забота о семье, сон). Так, «время в сети» выступает в роли заменителя других видов социальной активности. Последний тезис также является методологически значимым в рамках нашего исследования, поскольку подчеркивает специфику качественного наполнения времени, проводимого студентами в глобальной сети.

Социологическая перспектива эмпирического исследования «времени в сети» современного украинского студенчества может быть представлена посредством изучения «длительности деятельности» (термин И. Поповой) использования Интернет-ресурсов и описания социокультурного портрета студенческих групп (значимость подобного направления анализа подчеркивает А. Давыдов), выделенных на основании критерия «длительности деятельности». И хотя мы находим данный подход несколько тривиальным и редуцированным, все же считаем его необходимым на этапе нашего разведывательного исследования.

Итак, основываясь на результатах исследования 2008-2009 гг. (учитывая, что мы говорим о современном украинском студенчестве), на основании вопроса анкеты о частоте использования Интернета в ансамбле досуговых практик мы можем аналитически выделить две группы студентов: Интернет-фанатов и Интернет-пользователей⁵. К первой группе путем процедуры фильтрации мы отнесли студентов, которые посещают глобальную сеть ежедневно, ко второй группе — тех студентов, чья досуговая активность в сети Интернет не превышает частоты «несколько раз в неделю».

Мы исходили из предположения, что частота и длительность времени, проведенного в глобальной сети, определенным образом взаимосвязана с досуговыми, учебными и трудовыми практиками студентов (то есть с пространством «реального времени» и его распределением). На теоретическом уровне наличие подобных взаимосвязей свидетельствует о конкуренции и взаимовытесняемости

---

⁵ Обратим внимание на то, что в рамках нашей работы номинации имеют весьма условный характер, а их использование обусловлено акцентом на различиях в частоте пребывания студентов в глобальной сети. Группа «Интернет-фанатов» составила 1095 респондентов, группа «Интернет-пользователей» — 1664, Неответы были исключены из анализа.

«времени в сети» и «реального времени». В ходе анализа двумерных распределений было установлено, что «Интернет-фанаты» в большей степени ориентированы на дополнительное изучение иностранного языка (25% опрошенных против 15% в группе «Интернет-пользователей», различия значимы на уровне 1%), что, скорее всего, связано с потребностями самой международной сети. С другой стороны, этот факт также свидетельствует о высоком уровне культурного капитала представителей данной группы, что подтверждает более высокий показатель частоты чтения художественной литературы студентами (ежедневное чтение — 19 % против 12%, различия значимы на уровне 5%). Также они чаще слушают музыку, смотрят телепередачи, ходят в кинотеатры.

Схожие выводы были зафиксированы в работе М. Кастельса [34]. Американский социолог приводит исследование Ньюмана и Робинсона (2001), которые показывают, что пользователи Интернета (при совпадении всех прочих параметров) чаще посещают художественные мероприятия, читают больше книг, чаще ходят в кино, больше смотрят спортивные передачи и сами больше занимаются спортом в отличие от тех, кто не пользуется Интернетом.

Такие тенденции наблюдаются в сфере досуговых практик «за-всегдатаев» глобальной сети: в рамках досуговых практик студенты первой группы значительно реже посещают церковные богослужения («один раз в неделю» — 5 %, тогда как Интернет-пользователи — 12 %, различия значимы на уровне 1 %), однако чаще увлекаются спортом и спортивными играми (ежедневно тренируются 15 % первой группы и 8 % второй), практикуют прогулки по городу (36 % против 27 %), чаще посещают спортивные зрелища и встречаются с родными и друзьями. Эта группа — любители кафе и баров: 26 % опрошенных посещают их несколько раз в неделю, в отличие от 18 % представителей другой группы. Интернет-фанаты более азартны: они предпочитают игры в карты, бильярд, компьютерные игры. Таким образом, «время-в-сети» для студентов данной группы представляет дополнительное пространство досуга, невостребованное в обычном времени.

Групповую роль «Интернет-фанатов» глобальной сети стоит описать как активистскую (58 % против 52 % опрошенных 2-й группы, различия значимы на уровне 5 %), которая актуализируется, преимущественно, в пространстве глобальной сети посредством участия в форумах, написания блогов, общения в социальных сетях. Высокий потенциал субъектности данной группы подчеркивает и более частое участие в молодежных группах и объединениях, а установки на мобильность способствуют более частым поездкам за рубеж и по стране. Таким образом, на уровне анализа эмпирических данных мы зафиксировали различия в повседневности двух групп студентов в зависимо-

сти от частоты и длительности пребывания в глобальной сети. Эти различия позволяют нам выдвинуть некоторые гипотезы касательно специфики «времени-в-сети» относительно «времени-вне-сети», в частности, в том его измерении, что касается студенческих и, более широко, молодёжных интернет-практик.

Во-первых, **(онто)логическая связь «пространство-время», актуальная для повседневного взаимодействия, «разрывается» в сети.** Время в «глобальной сети» не привязано к координате пространства: если в реальной жизни за одну минуту невозможно оказаться на разных континентах, то в Интернете это вполне осуществимо (с точки зрения виртуальной реальности). Пространство, охваченное «глобальностью», по сути, не нуждается во временном референте (по формуле: «везде и всегда», где «всегда» измеряется правом доступа и скоростью работы сети). Кроме того, посредством одновременного открытия нескольких Интернет-страниц пользователь получает возможность «проживания» параллельных событийных рядов, что подрывает одномерность как характеристику времени как такового. Максимизация скорости доступа и работы в сети выступает своеобразным стремлением к одновременности, одномоментности событийного ряда, что незаметно ведет к исчезновению «чувства времени» (а в рамках теоремы Томаса — и к потере самого времени).

Во-вторых, **«время в сети» трансформирует собственную хронологию:** Интернет — эра настоящего. Вспомним хотя бы всем известные фразы: «to be in touch», «to be on-line», «to be in chart», которые подчеркивают ценность *настоящего* в рамках « сетевого времени». На хронологической оси происходит стягивание области будущего и прошлого к сфере настоящего, что выступает прямым следствием принципа «здесь» и «сейчас», «везде» и «всегда». Примером подобного сжатия временных модусов прошлого и будущего могут выступать актуальные новостные сводки в сети, которые информируют о прошедшем с позиций настоящего. Время в сети обретает качества хронологии времени по Августину Блаженному: «Неправильно говорить о существовании трех времен — прошедшего, настоящего и будущего. Есть настоящее прошедшего — память, настоящее настоящего — его созерцание, настоящее будущего — его ожидание» [35, с. 5].

В-третьих, отмеченное выше свойство времени в сети свидетельствует о его **нелинейности и многомерности**, что достигается возможностью одновременного запуска нескольких веб-страниц, возврата к разным страницам, перехода от одного аспекта пользования (проверка почты) к другому (он-лайн игра) одномоментно.

В-четвертых, быстрая скорость доступа, а также нелинейность и многомерность времени в сети способствуют **ускоренному выполнению практик повседневной жизни путем обращения к глобальной**

сети. Примером могут служить услуги Интернет-магазинов (когда многочасовой территориальный поход в магазин превращается в одномоментный щелчок мыши), он-лайн переводчиков (поиск слов в бумажном словаре ускоряется путем использования специализированных программ в несколько раз), электронной почты (письма доходят на разные континенты за несколько секунд) и др. Таким образом, это свойство времени в сети «переманивает» наши повседневные практики в пространство глобальной сети: с раздвоением времени происходит дробление повседневности, тем самым виртуального в нашей жизни становится все больше.

В-пятых, *подмена собственной хронологии «времени в сети» приводит к дисгармонии с ощущением и переживанием времени в реальности*. С одной стороны, «время в сети» вписано в «реальное время», с другой — эти два типа времени не совпадают ни количественно (время, проведенное в сети, с позиций реального времени может не совпадать с «реальным»), ни качественно (к примеру, реальный час игры в виртуальной сети соответствует «проходжению» событий за века; время ожидания ответа в чате не соответствует эквиваленту в реальном общении или во время телефонного разговора; время работы интернет-фрилансера не совпадает с временем производящего труда в реальности и т.д.). Таким образом, интенсивность событий в сети, находящаяся под контролем у пользователя, не совпадает с событийным рядом ситуации реального времени. Это, в свою очередь, обуславливает постоянное микроощущение «культурного шока» при «смене» времен.

В-шестых, *еще одна сфера «сцепления» «времени в сети» с реальностью — влияние «времени в сети» на систему ценностных ориентаций личности*. Так, М. Кастельс [34] отмечает, что Интернет играет важную роль в структурировании общественных отношений благодаря своему вкладу в развитие новой модели социального взаимодействия, основанного на индивидуализме. Последние технические разработки в области средств коммуникации, пишет М. Кастельс, сделали возможным их появление как доминирующей формы социальной организации. Не Интернет создает модель сетевого индивидуализма, но развитие Интернета обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности [34]. В этом контексте обретает актуальность феномен «одиночества в сети», который активно развивают представители западных социологических студий.

В-седьмых, *для «времени в сети», в отличие от непрерывности «реального времени» характерна опция «паузы», которая подчеркивает «дискретность» (взамен континуальности) и «разрывность» первого*. Таким образом, в рамках социокультурной трактовки «время в сети» приобретает магические свойства (находясь в фарватере «магической эпохи постмодерна» по Л. Ионину [36]): оно может повторять-

ся (путем перезагрузки страницы), замедляться (в зависимости от скорости доступа и работы), обрываться (сбои подключения), переводиться (идти в обратном порядке: от настоящего к прошлому на примере спортивных игр) и т.д. Тем самым, «время в сети» позволяет преодолеть «шок невозвратности» (по Г. Гусейнову [37]), свойственный времени в реальности путем перезагрузки страницы или нажатия опции «сохранить».

В-восьмых, магические свойства «времени в сети», а также сжатие модусов прошлого и будущего в совокупности свидетельствуют *об управляемости* как характеристике данного времени. В отличие от реального времени, обладающего исторической памятью событий и свойством непрерывности, «время в сети» можно замедлить или повторить (к примеру, путем перезапуска страницы). В этом контексте «время в сети» наделяет пользователя большим потенциалом *индивидуальной субъектности*, которая реализуется как посредством использования глобальной сети, так и благодаря способности управлять сетевым временем. Возможно, последняя особенность, выполняя компенсаторную функцию, отчасти объясняет технологическую гонку за «безлимитным» Интернетом.

Девятый тезис, описывающий свойства «времени в сети», суммирует представленные выше рассуждения *в концепт «времени-для-сети»* как метафоры И. Канта («вещь-для-себя») и К. Маркса («класс-для-себя»). В погоне за возможностью управлять этим временем, мы не замечаем, как оно «присваивает» нас. Это и проявление коннотаций «одномерного» человека Г. Маркузе, и следствия «технологического бума» современности, и отчуждение человеческой сущности в сфере «времени-для-сети»...

Литература

1. Попова И.М. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживания социального времени // Социологические исследования. 1999. — №10. — С. 135-145.
2. Костенко Н., Макеев С. Место и время социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С. 11-32.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М. : Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
4. Наумова Н.Ф. Время человека // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С.159-176.
5. Зарубина Н.Н. Влияние денег на социальное конструирование времени. Динамика нелинейности // Социологические исследования. — 2007. — № 10. — С. 51-61.
6. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. L., 1915. P. 9–11.
7. Mead G.M. The Objective Reality of Perspectives / G.H. Mead on Social Psychology. Selected Papers. Ed. by A. Strauss. Chicago, 1965.

8. Mead G.M. Time / G.H. Mead on Social Psychology. Selected Papers. Ed. by A. Strauss, 1965.
9. Luckmann T. The Constitution of Human Life in Time / Chronotypes. J. Bender and D.E. Weflhery (Eds.). Stanford, 1991. — Pp. 151-166.
10. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологический журнал. — 2004. — № 6 — С. 112-119.
11. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. — М.: Наука, 1982. — 482 с.
12. Кауфман А.А. Русская курсистка в цифрах // Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. — М., 1915. — С. 473-504.
13. Артемов В.А. К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. 2003. — № 5. — С. 141-149.
14. Артемов В.А., Новохацкая О.В. Использование времени и социальное самочувствие // Социологический журнал. — 2011. — № 2. — С. 24-32.
15. Мурзин А.Э. Актуально ли изучать свободное время? // Социологические исследования. — 1993. — № 11. — С. 95-99.
16. Прокофьев В.В. Типология досуга ленинградцев // Социологические исследования. — 1990. № 1 — С. 104-106.
17. Патрушев В.Д. Региональные различия в использовании бюджета времени городского населения СССР // Социологические исследования. — 1990. — № 2. — С. 65-74.
18. Патрушев В.Д. Изменения в использовании свободного времени городского населения за двадцать лет (1965—1986) // Социологические исследования. — 1991. — №3. — С. 25-32.
19. Бутенко И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных // Социологические исследования. — 1998. — № 7. — С. 82-89.
20. Золотов А.В. Норма свободного времени как показатель социально-экономического развития // Социологические исследования. — 1999. — № 12. — С. 71-77.
21. Веселкова Н.В. Существует ли социология времени? [Электронный ресурс] // Русский Социологический Форум. — 2000. — № 1-2 (4). Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/veselkova_susch_li_sociol_vremeni
22. Elias N. Time: Essay, translated from the Germany by Edmund Jephcott. Oxford: Backwell, 1992.
23. Adam B. Time and Social Theory. Cambridge: Polity Press, 1990; Adam B. Timewatch. The Social Analysis of Time. Cambridge: Polity Press, 1995.
24. Melbin M. Night as Frontier. Colonizing the World after Dark. New York: The Free Press, 1987.
25. Fraser J.T. Time, the Familier Stranger. Amherst, University of Massachusetts Press, 1987.
26. Young M. The Metronomic Society. Natural Rhythms and Human Timetables. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1988.
27. Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. — 2003. — № 8. — С. 12-21.
28. Давыдов А.А. Модель социального времени // Социологические исследования. — 1998. — № 4. — С. 98-101.
29. Наумова Н.Ф. Время человека // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 159-176.

30. Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 3-16.
31. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга // Социологические исследования. — 2000. — №8. — С. 64-72.
32. Седова Н.Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. — 2009. — № 12. — С. 56-69.
33. Мурзин А.Э. Актуально ли изучать свободное время? // Социологические исследования. — 1993. — № 11. — С. 95-99.
34. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. — Екатеринбург : У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с.
35. Бакиров В.С. Пространство и время человека как продукт социальной коммуникации // Методологія теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук пр. — Харків : Вид-во ХНУ ім. В.Н.Каразіна. — 2008. — С.3-6.
36. Ионин Л.Г. Подступы к новой магической эпохе // Постмодерн: новая магическая эпоха: Сб. статей. Харьков. — 2002. — 348 с.
37. Гусейнов Г. Шок невозвратности // Новое литературное обозрение. — 2007. — № 2. — С. 514-524.

Колотыркина Юлия Владимировна,
аспирантка факультета клинической психологии
Московского государственного
медико-стоматологического университета,
лаборант-исследователь Государственного научного центра
социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского,
г. Москва

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ СО СПЕЦИФИКОЙ ПРОЖИВАНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДАННОСТИ НЕПРЕРЫВНОСТИ ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ И КОНЕЧНОСТИ БЫТИЯ

Приведено исследование пациентов, страдающих депрессиями разного уровня, с целью выявления особенностей их оценки, восприятия и проживания экзистенциальной данности непрерывности течения времени. Для оценки специфики проживания экзистенциальной данности непрерывности течения времени нами были проанализированы результаты опросника ZPTI Ф. Зимбардо, описывающего временную перспективу

Ключевые слова: депрессивные расстройства, невротические депрессии, эндогенные депрессии, экзистенциальная психотерапия, экзистенциальные данности, временная перспектива, временные ориентации

ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК ТИПУ ДЕПРЕСИВНИХ РОЗЛАДІВ ЗІ СПЕЦИФІКОЮ ПРОЖИВАННЯ ЕКЗИСТЕНЦІЙНОЇ ДАННОСТІ НЕПЕРЕРВНОСТІ ПЛИНУ ЧАСУ ТА СКІНЧЕННОСТІ БУТТЯ

Наведено дослідження пацієнтів, що страждають депресіями різного рівня, з метою виявлення особливостей їх оцінки, сприйняття та проживання екзистенційної данності неперервності плину часу. Для оцінки специфіки проживання екзистенційної данності неперервності плину часу нами були проаналізовані результати опитувальника ZPTI Ф. Зімбардо, що описує часову перспективу

Ключові слова: депресивні розлади, невротичні депресії, ендогенні депресії, екзистенційна психотерапія, екзистенційні данності, часова перспектива, часові орієнтації

THE RELATIONSHIP BETWEEN TYPE OF DEPRESSIVE DISORDER AND SPECIFICITY OF RESIDING EXISTENTIAL GIVEN OF DEATH

Relevance of the chosen topic is determined by the prevalence of depressive disorders, a large clinical polymorphism of depressive symptoms and, as a consequence, the ambiguity of the existing criteria for the diagnosis and differentiation. And insufficient attention to individual and personal characteristics of patients when selecting methods and means of therapy.

On the basis of the psychological explanatory models of depression, one of the most promising options into account the severity of the depressive pathology we see in their correlation with specificity of residing existential givens

Keywords: *depressive disorders, neurotic depression, endogenous depression, existential psychotherapy, existential givens, time perspective, temporal orientations*

Актуальность выбранной темы определяется распространенностью депрессивных расстройств, большим клиническим полиморфизмом депрессивной симптоматики и, как следствие, неоднозначностью существующих критериев диагностики и дифференциации. А также недостаточным учетом индивидуально-личностных характеристик пациентов при выборе методов и средств терапии.

Опираясь на существующие в психологии объяснительные модели депрессии, одним из наиболее перспективных вариантов учета степени выраженности депрессивной патологии мы видим их соотнесение со спецификой проживания экзистенциальных данностей.

Под экзистенциальными данностями мы понимаем описанные И. Яломом условия человеческого существования, неизбежное столкновение с которыми вызывает тревогу и заставляет человека, осознанно или нет, искать способы совладания с ними. Одной из главных таких данностей является конечность бытия.

Таким образом, **целью** нашего исследования явилось выявление и изучение особенностей восприятия, оценки и проживания экзистенциальной данности непрерывности течения времени и конечности бытия пациентами с депрессивными расстройствами разного типа.

Объектом нашего исследования предстали клинически выраженные депрессивные расстройства.

Предметом исследования — характер восприятия, оценки и проживания экзистенциальных данностей больными с депрессивными расстройствами разного типа.

Задачи исследования:

1. Разработать методологическую базу для оценки специфики восприятия, оценки и проживания экзистенциальной данности непрерывности течения времени.

2. Распределить обследуемых на группы, учитывая тип депрессивного расстройства.

3. Исследовать с помощью специально подобранных методик характер проживания экзистенциальной данности больными с депрессивными расстройствами.

4. Сопоставить полученные данные между группами и проанализировать взаимосвязь типа депрессивного расстройства со спецификой проживания экзистенциальной данности.

5. Обосновать необходимость разграничения депрессивных расстройств разного типа и учета их особенностей для оптимизации проводимого лечения.

Роль экзистенциального подхода в психиатрии

Разработкой проблемы психопатологии в русле экзистенциальной парадигмы занимались различные исследователи (К. Ясперс, Л. Бинсвангер, А. Кемпински, Ю. Минковски, Э. Штраус, В. фон Гебсаттель, А. Шторк, Ф. Буйтендик и другие). Не потерял интерес к этой теме и в настоящее время. В связи с постоянными изменениями условий и качества жизни, а следовательно, и с изменением образа самого человека, современная общественная жизнь отмечена нарастающим вниманием к проблеме сущности и бытия человека [6].

Экзистенциализм более остро, чем предшествующие философские течения, поставил вопрос об анализе человеческой субъективности, о мире чувств и переживаний человека [9]. Учет этих особенностей делает более понятным тот факт, почему именно данный подход может оказаться наиболее эффективным в таких областях человеческого знания, как клиническая психология и психиатрия, имеющих дело со столь хрупкими процессами и искажениями человеческого бытия.

В последнее время все больше врачей-психиатров признают необходимость внедрения экзистенциального подхода в свою практику [9; 10]. Отмечая субъективизм, метафизичность философских и теоретических оснований, а также отрыв от клинического подхода и понимания психической деятельности как минусы экзистенциального подхода, психиатры сходятся в том, что несомненным его преимуществом является углубленное внимание к субъективному миру пациента, содержанию его сознания и самосознания, их направленности, целостным переживаниям, способам их выявления и познания.

В психиатрии экзистенциальный анализ является особым способом индивидуальной интроспекции, познания внутреннего мира и переживаний больных, философской основой которого является экзистенциализм как разновидность субъективного идеализма [9]. Применительно к аффективным расстройствам такой анализ позволяет глубже про-

никнуть в суть болезненных переживаний, провести более тонкую дифференцировку и типизацию состояний [10].

Главную задачу психиатры-экзистенциалисты видят в анализе путем «понимающей интроспекции» состояний сознания и самосознания пациента, неповторимого способа его субъективного существования на основе подробного доверительного самоотчета в процессе эмпатического диалога. Пристальное внимание к реальному субъективному миру больного, стремление его понять, вникнуть в него, постичь истоки и психические механизмы болезненных переживаний — все это характеризует направленность экзистенциального анализа. Ю. Полищук отмечает, что именно подобного понимания и проникновения в душевный мир больного недостает многим психиатрам-клиницистам, которые обычно ограничиваются анализом отдельных психопатологических симптомов и синдромов, оторванных от страдающей личности. В результате этого в больном часто оказывается «забыт» человек, личность [9].

Не вызывает сомнений тот факт, что одним из основных методов в сложном терапевтическом комплексе лечения депрессивных состояний является психотерапия. Между тем, проблема поиска эффективных методов психотерапевтического воздействия еще далека от решения (Б. Карвасарский, Ю. Александровский, М. Бурно, В. Марков) [8]. В этом смысле экзистенциализм представляет весьма успешную платформу для создания именно такого терапевтического подхода, который учитывал бы все тонкости и особенности депрессивных состояний.

В центре экзистенциально-гуманистических методов психотерапии находится «экзистенциальная коммуникация» между врачом и пациентом, интуитивное взаимопроникновение сознания психотерапевта и больного в процессе их непосредственного общения с целью выяснения особенностей внутреннего мира пациента [9].

К тому же, именно на основе экзистенциального подхода возможна разработка краткосрочных психотерапевтических программ, определяющих четкие мишени коррекционных интервенций и широкий технический репертуар для проработки существующего психического конфликта [10], что особенно актуально в рамках лечения пациентов в стационаре.

Умение понять мир переживаний больного и их истоки составляет важную задачу психиатра в дополнение к традиционному клиническому анализу. Ее решение открывает реальную возможность направленной лечебной и профилактической коррекции внутренней картины болезни, актуального сознания больного с помощью экзистенциальных методов психотерапии, которые заслуживают более широкого внедрения в психиатрическую и общемедицинскую практику [3].

Обращаясь к экзистенциальному подходу, его основаниям, сущности, методологии и инструментарию, мы сталкиваемся с его центральными условиями — проблемами факта существования человека, способами его проживания [2]. Экзистенциализм постулирует наличие определенных экзистенциальных данностей, с которыми каждый человек сталкивается в течение своей жизни. Они неизбежны, по сути, они являются собственно условиями человеческого существования. Экзистенциальные данности могут ограничивать или обогащать нашу жизнь. Они действуют независимо от наших желаний. С одной стороны, они задают определенные рамки, в которых человек ищет свой способ бытия, с другой — делают это бытие более насыщенным, аутентичным. Такими данностями по И. Ялomu являются смерть, бессмысленность, одиночество и свобода. На данности смерти мы и решили остановиться в данной работе.

Конечность бытия и непрерывность течения времени

Смерть является той экзистенциальной данностью, с которой каждый человек сталкивается в своей жизни не один раз на примере других людей, поэтому ее осознание может показаться более очевидным. Но факт смерти других людей не всегда равносителен проживанию идеи смерти самого индивида. И, если первый, по словам М. Хайдеггера, нас убивает, то идея смерти является спасительной.

Неизбежность смерти порождает тревогу, которая сопровождает весь жизненный путь человека. С одной стороны, смерть является априорным концом, по крайней мере, биологической жизни, с другой — она остается неизведанной до самой последней минуты, мысль о которой регулярно посещает человека. Минуты, складываясь в часы и дни, своей протяженностью являются дополнительным напоминанием приближения конца.

Таким образом, проблема времени заслуживает особого внимания у экзистенциалистов. Не только конечности жизни, т.е. смерти, как писал об этом И. Ялом, но и данность того, что время неизбывно идет вперед, оно безосновочно и течение его никому не подвластно. Смерть — лишь конечный итог этой данности для каждого конкретного индивида, осознать который до конца можно лишь однажды — пережив его. Поэтому в нашей работе мы расширим указанную И. Яломом данность от смерти до непрерывности течения времени и уделим внимание рассмотрению специфики временной перспективы, которую каждый человек выстраивает для себя.

Под временной перспективой понимают как «когнитивную способность человека анализировать прошлое и настоящее, предвидеть будущее» [11], так и свойство человеческого существования. Временная перспектива — это своего рода структурный стержень мотиваци-

онной сферы личности, на который нанизаны цели, смыслы, ценности личности.

В традициях категориальной феноменологии двумя основными критериями интрапсихической жизни индивида являются темпоральность и пространственность внутреннего мира. Опираясь на первую из этих характеристик, феноменологи пытаются реконструировать жизнь пациентов с помощью анализа их способа переживания времени [3].

В экзистенциальной психологии и психиатрии время является центром психологической картины пациентов, в частности депрессивных, и изучают его не как аналогичное пространству измерение, а исследуют экзистенциальное значение самого времени для пациента. В результате своих наблюдений экзистенциальные психологи пришли к выводу, что наиболее сильные, глубокие психологические переживания как раз те, которые затрагивают отношение индивида ко времени. Сильная тревога и депрессия стирают время, уничтожают будущее. Или, как предполагает Ю. Минковски, расстройство понимания времени, неспособность пациента «иметь» будущее усиливает его тревогу и депрессию [1].

Говоря о временной перспективе, как правило, выделяют три ее основные составляющие: прошлое, настоящее и будущее. Переплетаясь, они составляют общую канву жизни человека, указывая тот путь, который был пройден и намечая определенные этапы впереди. У здоровых людей прошлое, настоящее и будущее образуют структурное целое, хотя каждое из них переживается по-разному [3]. В норме, все эти компоненты должны быть выражены примерно в равной степени [5], уравновешены. Нарушение такого баланса может быть следствием той или иной патологии.

Несмотря на то, что человеку не дано знать наверняка, что его ждет впереди, его тенденция проецирования в будущее, как правило, является весьма стабильной; ибо эта тенденция — существенная особенность жизни. Но, как отмечает, А.Кемпински, при депрессии жизненная динамика ослабевает; в связи с чем эта тенденция проецирования себя в будущее гаснет; оно представляется черным, решения становятся необычайно трудными [4].

Искажение временной перспективы является одним из показателей психической патологии. Е. Соколова указывает, что основными характеристиками пограничной организации личности являются диффузия идентичности, базирующаяся на фрагментарности образа «Я». С. Ахтар в качестве одного из проявлений синдрома диффузной идентичности отмечает временную разобщенность Я, разорванность временной перспективы, при которой субъект находится во власти внешних событий, не испытывает ощущения своей сущности и будущих направлений [7].

Один из главных симптомов депрессии с феноменологической точки зрения — субъективное переживание времени как ужасно медленного, застывающего или даже остановившегося [3].

Рассматривая такое понятие, как субъективный возраст, А. Кемпински утверждает, что пациенты, страдающие депрессией, значительно реже чувствуют себя моложе своего реального возраста, в то время, как в норме, подобное несоответствие календарному и биологическому возрастам в сторону их преуменьшения, явление отнюдь не редкое [4]. Возникает вопрос, связано ли такое восприятие собственного возраста у пациентов с депрессиями с нарушением баланса временной перспективы в сторону увеличения удельного веса компонента прошлого, ответ на который мы попытаемся получить в нашем эмпирическом исследовании.

Другое интересное наблюдение относительно влияния психопатологии на чувство времени сделано Ю. Минковски и связано с выделением времени личного — того, как оно течет для конкретного человека, и мирового — времени, в котором живет весь социум. Наше личное время должно быть встроено в социальное, историческое и космическое. Ю. Минковски утверждает, что шизоиды живут преимущественно в своем личном времени, а не в мировом. Это особенно верно для некоторых видов шизофрении, когда больные полностью перестают сознавать мировое время. С другой стороны, пациенты, страдающие депрессией, сознают обе формы времени, но их личное время течет гораздо медленнее мирового [3].

По мнению Г. Элленбергера, проблема искажения времени, помимо прочего, тесно связана с тем, что подразумевается индивидом под смыслом жизни. То, что мы называем чувством смысла жизни, нельзя понять независимо от субъективного чувства переживаемого времени. Искажение чувства времени — это естественный результат искажения смысла жизни. В норме мы смотрим не только на будущее само по себе, но и заглядываем в него с надеждой на компенсацию и поправку прошлого и настоящего. Когда будущее становится недостижимым или заблокированным, как при депрессивном состоянии, то исчезает надежда, и жизнь теряет смысл [3].

Результаты проведенного исследования

С помощью специально подобранных методик нами были исследованы личностные особенности пациентов, предпочитаемые ими способы защитного реагирования, параметры жизнестойкости, степень выраженности депрессивного расстройства, а также характер взаимодействия с экзистенциальными данностями.

Всего в исследовании приняло участие 40 женщин. С помощью кластерного анализа пациентки были распределены на две группы, названные нами как:

- группа №1 — пациентки с депрессиями, тяготеющими к невротическому уровню, — так называемые «невротические» депрессии (НД);
- и группа №2 — пациентки с так называемыми «эндогенными» депрессиями (ЭД).

Для оценки специфики проживания экзистенциальной данности непрерывности течения времени нами были проанализированы результаты опросника ZPTI Ф.Зимбардо, описывающего временную перспективу. Результаты представлены в таблице 1.

В ходе анализа данных нами были выявлены следующие особенности системы временной саморегуляции при депрессивных расстройствах. Во-первых, статистически значимые различия между группами наблюдаются по всем шкалам, кроме шкалы «негативное прошлое». Одинаковая выраженность данной временной ориентации в обеих группах указывает на в целом характерную для депрессивных расстройств фиксацию на переживаниях прошлого. Это отражается в навязчивых мыслях о том, что «можно было бы исправить в прошлом».

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ ДАННЫХ ПО ОПРОСНИКУ ZPTI

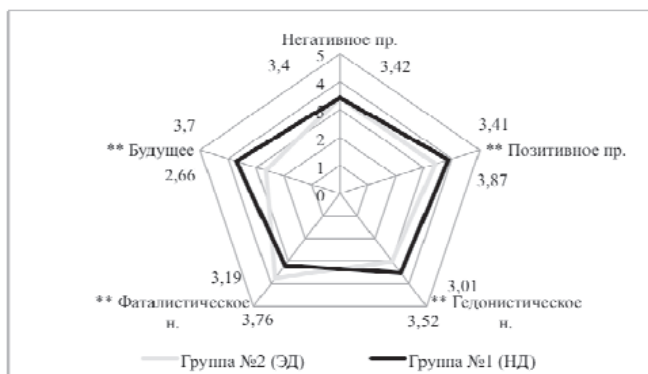
Временная ориентация	Группа №1 (НД)	Группа №2 (ЭД)	U _{эмп}
1. Негативное прошлое	3,42 ± 0,5	3,4 ± 0,62	193,5
2. Позитивное прошлое	3,87 ± 0,65	3,41 ± 0,6	98,5 **
3. Гедонистическое настоящее	3,52 ± 0,58	3,01 ± 0,45	82,5 **
4. Фаталистическое настоящее	3,19 ± 0,88	3,76 ± 0,35	82,5 **
5. Будущее	3,7 ± 0,59	2,66 ± 0,87	68,5 **

** p ≤ 0,01

Тем не менее, вектор прошлого в обеих группах имеет разную окраску. Так, выраженность характеристики прошлого как «позитивного» практически не отличается от выраженности его «негативной» окраски в группе №2 (ЭД), в то время, как испытуемые группы №1 (НД) в прошлом видят больше хорошего, нежели плохого.

Для пациентов с «невротической» депрессией характерна, во-первых, большая наполненность всех трех временных ориентаций и, во-вторых, их сбалансированность. Пациенты с депрессиями «эндогенного» уровня отличаются в этом плане некой редуцированностью восприятия жизни как насыщенной событиями, эмоциями во всех трех временных аспектах, с особым акцентом на будущее. Наглядно это отражено на диаграмме 1.

**Диаграмма 1. Выраженность временных ориентаций
в исследуемых группах согласно данным опросника ZTP1
Ф. Зимбардо**

Отличается в обеих группах и восприятие настоящего. Пациенты группы №1 (НД) способны к интеграции его гедонистической и фаталистической составляющих, что выражается в осознании ими как собственных актуальных проблем, так и внутренних ресурсов для того, чтобы с ними справиться. Возникшие трудности, хоть и вызывают несколько подавленное состояние, тем не менее, не преграждают возможность получения удовольствия от жизни. Пациенты группы №2 (ЭД) характеризуются значимо более высокой оценкой настоящего как фаталистического. Его содержание раскрывается в беспомощном и безнадежном отношении к жизни. Такие люди отказываются принять на себя ответственность за свою жизнь, что проявляется в апатии и астении. Они не видят возможности выхода из сложившейся ситуации, восприятие мира и собственной жизни крайне пессимистично, что непременно приводит к невозможности представления себя в будущем. Испытуемые группы №1 (НД), имея в своем анамнезе недавние психотравмирующие ситуации, тем не менее, всегда могут проецировать себя в будущее, планируя свою жизнь и фантазируя о различных возможных исходах сложившихся ситуаций.

Следует отметить, что выраженность временной ориентации будущего характеризует не только возможности планирования своей дальнейшей жизни, но и предполагает взаимодействие с идеей конечности жизни. Пациенты с «невротическими» депрессиями не испытывают трудностей по крайней мере в признании факта экзистенциальной данности конечности бытия, смерти. В то же время пациентами с «эндогенными» депрессиями этот факт отрицается вовсе. Будучи замкнутыми внутренне на травмирующих переживаниях, пациенты

группы №2 (ЭД) просто не имеют ресурсов на осознание и принятие идеи конечности жизни. Для них осознание идеи смерти было бы равносильно проживанию ее факта: если не физически, то по крайней мере интрапсихически, что для них не менее разрушительно.

Таким образом, для пациентов с «невротической» депрессией характерна большая наполненность и сбалансированность **временных ориентаций** прошлого, настоящего и будущего. Пациенты группы №2 отличаются значимо более высокой оценкой настоящего как фаталистического и редуцированностью восприятия жизни как насыщенной событиями, эмоциями, особенно в отношении ориентации «будущего». Следует отметить, что выраженность временной ориентации будущего предполагает взаимодействие с идеей конечности жизни. Пациенты группы № 1 (НД) не испытывают трудностей по крайней мере в признании факта экзистенциальной данности конечности бытия. В то же время пациентами с «эндогенными» депрессиями этот факт отрицается вовсе.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Личностная регуляция времени // Психология личности в социалистическом обществе: Личность и ее жизненный путь. М., 1990. — С. 114-129.
2. Зимбардо Ф. Дж. Психология временной перспективы. Спб.: факультет психологии СПбГУ, 2008.
3. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия // Пер. с польского Боричев А.А. М.: Совершенство, 1998. — 320 с.
4. Мэй Р. Вклад экзистенциальной психотерапии // Экзистенциальная психология. Сборник под ред. Р.Мэя. Перевод М.Занадворова и Ю.Овчинниковой. М.: Апрель Пресс & ЭКСМО-Пресс, 2001.
5. Полищук Ю.И. Экзистенциальный анализ в психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. N1/1991. — С. 91-97.
6. Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. Часть I. — М.: SvR-Argus, 1995.
7. Тихоненко В.А. К пониманию личностного подхода в психиатрии: этико-психологический аспект // Социальная и клиническая психиатрия. N1/1991. — С. 32-37.
8. Федосова У.В. Философско-антропологические основания экзистенциальной концепции субъекта. Автореф. дисс. канд. фил. наук. — Саратов, 2006.
9. Чиркова С.В. Философско-антропологический анализ идеи свободы (на материалах французского экзистенциализма XX века: Г.Марсель, Ж.-П. Сартр, А. Камю). Автореф. дисс. канд. фил. наук. — Москва, 2006.
10. Шахновская В.Э. Особенности депрессивных (непсихотических) расстройств у служащих государственных учреждений (диагностика, клиника, лечение в амбулаторных условиях). Дисс. канд. мед. наук. — Санкт-Петербург, 2004.
11. Элленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. Сборник под ред. Р.Мэя. Перевод М.Занадворова и Ю.Овчинниковой. М.: Апрель Пресс & ЭКСМО-Пресс, 2001.

Куц Мирослава Юрьевна,
студентка социологического и философского факультетов
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина,
г. Харьков

ОДНОРАЗОВОСТЬ КАК ВЫЗОВ ОДНООБРАЗИЮ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ

Одноразовость — доминантная характеристика современного стиля жизни — детерминирует специфический тип мышления, когда индивид считает, что удобными и комфортными могут быть не только одноразовые товары и услуги, но и человеческие отношения. Пропагандируя специфический стиль жизни, одинаково доступный для всех желающих, одноразовость разрушает дистанции между социальными слоями. Способствуя появлению разнообразия, одноразовость бросает вызов однообразию. Одноразовость уплотняет время, нивелируя ценность вечного и стабильного. Приоритетность одноразовости обуславливается магической силой одновременности человеческих действий

Ключевые слова: одноразовость, время, одновременность, темпоральность, упрощение, однообразия, многообразия

ОДНОРАЗОВІСТЬ ЯК ВИКЛИК ОДНОМАНІТНОСТІ: ТЕМПОРАЛЬНИЙ ПІДТЕКСТ

Одноразовість — доміантна характеристика сучасного стилю життя — детермінує специфічний тип мислення, коли індивід вважає, що зручними та комфортними можуть бути не лише одноразові товари чи послуги, але й людські стосунки. Пропагуючи специфічний стиль життя, що однаково доступний для всіх бажаючих, одноразовість руйнує дистанції між соціальними верствами. Сприяючи появі розмаїття, одноразовість кидає виклик одноманітності. Одноразовість ущільнює час, нівелюючи цінність вічного та стабільного. Пріоритетність одноразовості обумовлюється магічною силою одночасності людських дій

Ключові слова: одноразовість, час, одночасність, темпоральність, спрощення, одноманітність, багатоманітність

EXPENDABILITY AS A CHALLENGE TO MONOTONY: TEMPORAL SUBTEXT

Expendability — the dominant characteristic of modern lifestyles — determines the specific type of thinking, when an individual believes that human relations can be comfortable as well as single-use products and services. Advocating a

particular lifestyle, that is equally available to those who desire, expendability destroys the gap between social groups. Contributing to the emergence of diversity, expendability challenges monotony. Expendability condenses time, leveling the value of the eternal and stable. Expendability priority is caused by the magic power of simultaneity of human activities

Keywords: *expendability, time, simultaneity, temporality, simplification, monotony, variety*

Смещение акцентов с проблематики вечного и стабильного на проблему мгновенного, случайного и непостоянного в различных общественных сферах по-особому **актуализирует** экспликацию одноразовости. В понимании одноразовости, ставшей маркером современного стиля жизни, важную роль приобретает проблематика темпоральности. Доминирующее в социуме восприятие времени всегда оказывало влияние на различные формы бытия индивида (А. Бергсон, И. Кант, Г. Тард и др.). Во многих современных концепциях времени наблюдается ориентация на проблему «сокращения временных интервалов» или «сокращения настоящего», что обусловлено динамичностью общественных изменений (З. Бауман, Г. Люббе, Т. Эриксэн, П. Штомпка и др.).

Целью статьи стал анализ одноразовости как доминанты современного стиля жизни.

Задание статьи заключается в выявлении основных характеристик одноразовости сквозь призму динамики общественных изменений в темпоральном контексте.

Объектом исследования является феномен одноразовости.

Предмет — темпоральная экспликация одноразовости как феномена, который способствует появлению разнообразия, бросая вызов однообразию.

Одноразовость — базовая характеристика современного стиля жизни. Сегодня промышленность все чаще ориентируется на выпуск одноразовых товаров (одноразовых пакетиков с чаем, кофе, одноразовой посуды, салфеток, подгузников и т.д.). Одноразовость становится маркером различных общественных сфер: одноразовые товары и услуги, одноразовые акции (флешмобы), одноразовые имена (ники в Интернете), одноразовые друзья (в социальных сетях), одноразовые браки (часто прикрывающиеся понятием «гражданский брак»), одноразовые новости (которые мгновенно забываются на второй день), одноразовые политические проекты, создаваемые только под выборы («Озимое поколение» в 2002 г. или «Виче» в 2006 г.) и т.д. Одноразовыми и незабываемыми могут быть и специфические впечатления, которые также можно продавать. Так, сегодня стремительно развивается индустрия одноразо-

вых впечатлений (полеты на воздушном шаре или дельтаплане, поздравления с днем рождения с помощью рекламных билбордов или баннеров, прикрепленных к самолету).

Конечно, ориентация на одноразовость обуславливается, прежде всего, удобством для потребителя. Вместе с тем, она детерминирует специфический — одноразовый — тип мышления, когда индивид считает, что удобными и комфортными могут быть не только одноразовые товары или услуги. Одноразовость становится характеристикой отношений между людьми (особенно в социальных сетях). То есть, в понимании одноразовости происходит перенос характеристик комфорта из сферы товаров и услуг на сферу человеческих взаимодействий в социуме.

Именно в сфере человеческих взаимодействий наблюдаются интересные эффекты, обусловленные превалированием одноразовости в качестве стиля мышления. Пропагандируя специфический стиль жизни, одинаково доступный для всех желающих, одноразовость разрушает дистанции между социальными слоями. То есть, одноразовость уравнивает. Поскольку равенство, согласно Г. Тарду, это переход от одной иерархии к другой [1], одноразовость способствует размыванию границ иерархий.

Кроме того, одноразовость делает более разнообразным бытие человека, предлагая за короткие сроки новые вещи, впечатления, знакомства. Таким образом, одноразовость, способствуя появлению разнообразия, бросает вызов однообразию. В конце XIX века, по мнению Г. Тарда, успехи цивилизационного прогресса способствовали замене «многообразия в пространстве — многообразием во времени и однообразия во времени — однообразием в пространстве» [2]. То есть, характерной чертой предыдущих эпох было многообразие в пространстве (одновременное сосуществование различных культурных форм). Многообразие в пространстве было определенным образом обусловлено отсутствием средств массовой коммуникации. Также, наблюдалось однообразие во времени, когда уклад жизни был неизменным длительным периодом. Причиной однообразия во времени, скорее всего, была замедленность ритма жизни, когда десятилетиями не происходило кардинальных изменений в привычных формах культуры.

С появлением глобализации многообразие в пространстве, действительно, уступает место единообразию. Появляются товары и услуги, которые вплелись в структуру жизни почти всех современных обществ (фаст-фуды, джинсы, кока-кола и т.д.). Исчезает своеобразие культур, происходит их унификация. С другой стороны, потеря многообразия в пространстве компенсируется возникновением многообразия во времени, когда за короткое время происходят резкие изменения отдельных артефактов культуры, способствуя появлению одноразовых вещей или впечатлений.

Соответственно, одноразовость уплотняет время. Под уплотнением времени будем подразумевать понятие «сокращение настоящего» в современном социуме, предложенное Г. Люббе. Речь идет о «процессе сокращения протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений» [3]. Сегодня индивид вынужден кардинально менять собственное восприятие времени. Ведь, как отмечал еще И. Кант, «время является действительным не как объект, а как способ рассматривать меня самого в качестве объекта» [4].

Сокращение временных интервалов, с одной стороны, делает комфортной жизнь человека, наполняя ее смыслом путем постоянного продуцирования новых впечатлений. Но, с другой стороны, сокращение временных интервалов усиливает страдания человека из-за постоянного избытка разнообразных воздействий на него. Чем выше будет частотность различных воздействий на индивида (социокультурного, религиозного, политического характера), тем слабее будет интенсивность каждого из них [5]. То есть, задействованность в различных социальных ролях будет способствовать поверхностному реагированию индивида на все формы воздействия на него. В итоге, это приведет к использованию человеком чужих шаблонов поведения или стереотипов мышления (чаще тех, что приобрели популярность в общественном мнении). Проблема заключается в том, что индивид, будучи вовлеченным в разнообразные социальные связи, вынужден пользоваться определенными клише, создаваемыми общественным мнением, что освобождает его от необходимости интеллектуальных усилий и отказа от собственного анализа событий окружающего мира.

Время сузилось, оно сжалось до таких размеров, что его фактически невозможно поймать, следующий момент наступает настолько быстро, что новому продукту, который еще не появился на полках магазинов, грозит мгновенное забвение. З. Бауман отмечал: «Когда необходимое для установления контакта время сжимается и сокращается до ничтожной величины длиной в секунду, роль пространства и пространственных указателей сходит на нет, по крайней мере, для тех, кто успевает действовать со скоростью передачи электронного письма» [6].

Сегодня в Интернет-пространстве понятия времени и пространства уже неразделимы: человек может конструировать и собственное пространство, и собственное время, получая власть над ними. Индивида, адаптированного к жизни в динамичном социуме, где приоритетными являются мобильность и быстрое реагирование на новые ситуации, Г. Сорман характеризовал выражением: «человек от самолета к телефону» [7]. Наблюдается сочетание пространственно-временных характеристик. Для таких индивидов, по нашему мнению,

одноразовость является базовой установкой жизни. Соответственно, одноразовость имеет свойство размывать пространственно-временные границы.

Одноразовость, уплотняя время, нивелирует ценность вечного и стабильного. Сегодня, в эпоху развитых информационных технологий, отмечает Т. Эриксэн, трудно фиксировать настоящее, то, что происходит с нами здесь-и-сейчас. Время моментально сокращается, вечность отступает. В конце концов, «мы живем, твердо сконцентрировав взгляд на точке, которая секунды на две забежала в будущее. Последствия этой крайней спешки — огромные; прошлое и будущее как ментальные категории находятся под угрозой тирании момента» [8].

Культура всегда пыталась совместить человеческую жизнь с вечностью, но в современном мире, по мнению З. Баумана, возникла новая культура. «Это культура, которая сокращает общение с вечностью до мига экстатического переживания, а все, что сократить не удастся, выводит из поля зрения и мысли... Которая смеется над «далекими» целями, рекомендует остерегаться всего постоянного и запрещает заботиться о продлении настоящего. Которая отказывается от факела пламенеющей страсти ради глеющей кучки мусора. Которая побуждает брать, не задумываясь, и бросать, не печалась. Которая оценивает интеллект не способностью долго помнить, а умением быстро забывать; отдает предпочтение не накоплению, а потоку знаний; не приобретению навыков, привычек, привязанностей и убеждений, а скорейшему избавлению от них. В такой культуре нет места «вечным ценностям» или «ценности того, что вечно». Прочие культуры не могли обойтись без подобных ценностей» [9]. Такая культура способна разрушать человеческое духовное наследие, она диктует свои правила, которые провозглашают тотальную самостоятельность, отрыв от прошлого и выводит инстинкт самосохранения на передний план. Единственным позитивом в глобализации культуры является то, что она стала доступнее благодаря средствам массовой информации. Например, благодаря Интернету мы можем увидеть новый фильм или прочитать новую книгу, сидя у себя дома.

Мы живем во «все более плотном мире», где события в любой его части — в лучшую либо в худшую сторону, — существенно влияют на жизнь людей, живущих в другом месте, временем чрезвычайно быстро [10]. Примером может служить катастрофа в Чернобыле 1986 г., когда тревогу из-за радиоактивного облака забила вся Европа. З. Бауман очень четко высказался по этому поводу: «Некоторые вещи, такие, как, например, терроризм, капитал, наркотики — уже глобальны. Между тем закон, политика и юрисдикция — не глобальны. Это плохо. Вы знаете, что количество денег, потраченных на оружие в 2005 году во всем мире, в 15 раз больше, чем количество денег, потраченных на гуманитарную помощь? Вот в чем проблема глобализации — фраг-

ментаризация мира, в котором терроризм глобален, а защита от него — нет» [9].

Глобализируются почти все сферы жизни. В первую очередь — это политика и экономика. Границы государств уже почти условны, ведь понятие расстояния становится социальным продуктом, величина которого зависит от скорости, с которой мы его преодолеваем [12]. Глобализация способствует изменению и сокращению суверенитета государства через свободную миграцию людей и свободное перемещение капиталов за границу, власть государства уменьшается по отношению к своим гражданам. Также глобальными становятся наука и культура.

Следовательно, ценность вечности стала второстепенной. Сегодня ценностью становится мгновенное, случайное и нестабильное, что и предопределяет приоритетность одноразового стиля жизни. Многообразие во времени привело к уплотнению времени, результатом чего стала ориентация общественного мышления на одноразовость. То есть, одноразовость — это ностальгия по разнообразию, которая уже почти отсутствует в пространстве. Место ей осталось только во времени.

Экспансии одноразовости некоторым образом способствовала глобализация культуры, поскольку культура, становясь интернациональной, теряет свою уникальность и становится похожей на другие. Этому предшествовали процессы упрощения, происходящие в различных общественных сферах. По мнению А. Тойнби, закон постепенного упрощения управляет прогрессом цивилизаций. Под упрощением следует понимать «усиление практической эффективности или эстетического воздействия или интеллектуальной глубины» [13], но отнюдь не уменьшение или ухудшение чего-либо. Подразумевается упрощение грамматики в разных языках, упрощение астрономических вычислений, упрощение деталей одежды, упрощение в манерах, когда, например, «почетные титулы (*seigneur* превратившееся в *sieur*), приветствия (феодалное коленопреклонение, заменившееся легким наклоном головы), комплименты, манеры сокращаются, ослабляются, упрощаются по мере распространения» [14].

Упрощение способствовало тому, что «вечные» вещи стали ненужными, «вечность» перестала цениться, уступив место одноразовости. Такие тенденции, например, можно наблюдать в сфере автомобилестроения в начале XX века, когда Форд был вынужден начать массовый выпуск автомобилей из-за того, что добротные «вечные» модели не пользовались спросом. Такие модели трудно обслуживать, поскольку, будучи ориентированными на единичных покупателей, они были слишком дорогими. Поэтому Форд выбрал стратегию упрощения модели автомобиля, превратив его в массовый автомобиль, который был легким в обслуживании [15].

Сегодня процессы упрощения активизировались в пространстве Интернета. Так, отдельные языковые сокращения уже стали общепринятыми при общении в Сети. Это касается таких выражений как OMG! (Oh My God — О мой Бог!), IMHO (in my humble opinion — по моему скромному мнению), LOL (laughing out loud — умираю от смеха), BFF (best friends forever — навсегда лучшие друзья) и т.д. Более того, эти сокращения уже включены в Оксфордский словарь английского языка [16].

Следовательно, одноразовость детерминирована уплотнением времени, с одной стороны, и ориентированностью культуры на упрощение — с другой.

Магическая сила одноразовости заключается также в том, что она привлекает возможностью сопричастности к определенной совместной деятельности, что обуславливается одновременностью человеческих действий или сопереживаний. То есть, одновременность мотивирует одноразовость.

Так, анализируя феномен публики, Г. Тард имел в виду не некое собрание людей, ибо, по его мнению, это просто толпа, а не публика. Людей, которых можно обозначить понятием «публика», связывает одновременность. «Эта связь состоит из одновременности их убеждений или увлечений, в сознании, что проникает в каждого, и эта идея или это желание разделяется в настоящее время огромным количеством людей» [17]. То есть, человеку просто достаточно знать, что мысль, вдохновляющая его при чтении той или иной газеты, переполняет не только его сознание, но и сознание многих других людей. И этого вполне достаточно для влияния на индивида не только журналиста, но и массы других читателей. Можно только представить себе как сильно растет интерес читателя, если он понимает, что его мнение разделяет огромное количество людей.

Г. Тард приводит такой пример: «Я открываю газету, которую я считаю сегодняшней, жадно читаю в ней новости; и вдруг замечаю, что она датирована числом прошлого месяца или даже вчерашним, и в тот же момент она перестает меня интересовать. Откуда такая прохлада к фактам? Разве от этого они стали менее интересными сами по себе? Нет, просто я осознал, что я один читаю эту газету и этого достаточно» [18]. Это доказывает тот факт, что интерес к чтению той или иной статьи поддерживался в нас лишь иллюзией общности наших чувств с чувствами других. То есть, одновременность дает иллюзию сопричастности.

Сегодня те же газеты заменил Интернет, а журналиста — создатель сайта. Так же, как на читателя влияет масса других читателей одного ресурса, так и на нас влияют другие посетители одного и того же блога. За день мы можем посетить сотни Интернет-страниц, находясь в любой точке мира и в любое время. Конечно, технология влияет на нашу жизнь. Удачный пример приводит Т. Эриксэн, утверждая, что

«сегодня авторы работают ассоциативно, бессистемно, следуя прихотям и спонтанным идеям, и структура текста меняется в ходе его написания; корабль перестраивается уже в море. Обработка текстов на компьютере повлияла, очевидно, на процессы мышления и письма больше, чем мы осознаем» [19]. Далее он пишет, что это повлияло на наш способ справляться с информацией. Имея возможность исправить текст, мы теряем глубокое содержание и связность. Т. Эриксэн утверждает, что время написания романов уже прошло, взамен пришла пора эссе, то есть произведений одноразового использования.

С развитием информационного общества человечество все больше подвергается влиянию одноразовости. Мы можем за несколько часов перелететь с одного материка на другой, связаться с кем-либо при помощи мобильной связи за считанные секунды, переписываться по Интернету, получая ответ мгновенно. Впрочем, несмотря на все это, у нас еще никогда не было так мало свободного времени, как теперь, в век информации. Идя по улице, мы делаем все для того, чтобы не остаться в одиночестве со своими мыслями: слушаем музыку, разговариваем по мобильному телефону, читаем газеты. Создаётся впечатление, что все это создано для того, чтобы к нам в голову не проникла никакая глубокая мысль, и чтобы мы ни в коем случае не заразили ею окружающих. Считается, что больше не модно думать, мысли одобряются только, если они просты и поверхностны. Мир устроен так, что каждую свободную секунду мы узнаем какую-либо информацию. Например, реклама в метро. Практически нет людей, которые бы ее хоть раз не читали, убивая, таким образом, время. Возникает также другой вопрос: нужна ли нам вся окружающая информация, нужно ли каждому из нас знать цену на строительные материалы или какой процент скидки в определенном магазине на женское пальто? Нет, поэтому необходимо тщательно подбирать именно ту информацию, которая нам действительно будет полезна, и только на ней концентрировать свое внимание. Ведь случайная информация, при условии, что она не является полезной, вредит человеку, блокирует его мысли, направляя их в выгодное себе русло.

Еще никогда человечество не было таким одиноким. В эпоху, когда глобализация и информационное общество стали одним целым, когда появилось много новых возможностей, индивид чувствует себя покинутым и одиноким. Вокруг нас так много информации, но мы не можем сосредоточиться на чем-то конкретном, даже на себе. Нас не волнует внутренний баланс, пока это не мешает нашей работе, нас не беспокоит наш культурный уровень, пока этого не требуют определенные ситуации. Мы даже этого не замечаем, живя своей сверхбыстрой жизнью в быстро меняющемся мире. Индивид в эпоху глобализации постоянно попадает под своеобразный «информационный прессинг». Итак, несмотря на непрерывный поток информации, человек чувствует себя

одиноким из-за невозможности углубления в эту информацию. Мы не должны быть против глобализации или информационного общества, которые тесно сплетаются, ведь тогда мы против динамичного настоящего и еще более динамичного будущего. В таком мире на передний план должен выходить не искусственный интеллект, а человеческий разум с его чувствами и эмоциями. Нам нужно научиться выживать в таком времени, принимать его и найти в нем свое место.

Конечно, есть положительные последствия информационного общества, и это не только доступность информации, это, прежде всего, повышение интеллектуального уровня: человечество поднимается вверх, на новый уровень. Людям трудно выжить в новом обществе, однако нужно приспособиться, и найти свое место в мире — можно жить намного лучше, чем все наши предшественники. Это, в частности, предусматривает адекватное восприятие установки на одноразовость.

Таким образом, одноразовость, будучи доминантой современного стиля жизни, осуществляет экспансию из сферы одноразовых товаров или услуг в сферу человеческих взаимодействий. Одноразовость разрушает дистанции между социальными слоями, предлагая специфический стиль жизни, одинаково доступный для всех желающих. Кроме этого, одноразовость, сокращая время, бросает вызов однообразию, чем способствует появлению разнообразия. В темпоральном аспекте одноразовость уплотняет время, нивелируя ценность вечного и стабильного.

Литература

1. Тард Ж. Законы подражания. (Les lois de l'imitation) / Ж. Тард ; [переводъ съ французскаго]. — С.-Петербургъ : Изданіе Ф.Павленкова, 1892. — 372 с. — С. 74.
2. Тард Ж. Законы подражания. (Les lois de l'imitation) / Ж. Тард ; [переводъ съ французскаго]. — С.-Петербургъ : Изданіе Ф.Павленкова, 1892. — 372 с. — С. 314.
3. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем / Г. Люббе ; [пер.] // Вопросы философии. — М., 1994. — № 4. — С. 94-107. — С. 95.
4. Кант И. Критика чистого разума / Иммануїл Кант ; [пер. з нім. та примітки І. Бурковського / передм. А. Лой]. — К. : «Юніверс», 2000. — 504 с. — С. 66.
5. Тард Ж. Законы подражания. (Les lois de l'imitation) / Ж. Тард ; [переводъ съ французскаго]. — С.-Петербургъ : Изданіе Ф.Павленкова, 1892. — 372 с. — С. 84.
6. Бауман З. Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства / Зигмунт Бауман ; [пер. з англ. І. Андрущенка / за наук. ред. М. Вінницького]. — К. : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — 109 с. — С. 15.
7. Сорман Г. Либеральное решение / Ги Сорман ; [пер. с франц. Н. Вихлиева, С. Максимова]. — М. : Новости, 1992. — 272 с. — С. 9.

8. Еріксен Т. Г. Тиранія моменту: швидкий і повільний час в інформаційну добу / Томас Гілланд Еріксен ; [пер. з англ. В. Дмитрука]. — Львів : Кальварія, 2004. — 196 с. — С. 13.

9. Бауман З. Пять прогнозов и множество оговорок [Электронный ресурс] / Зигмунт Бауман ; [пер. С. Макарецва] // Иностранная литература. — 2006. — № 8. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/8/ba14.html>.

10. Платнер М. Ф. Глобалізація і самоврядування / Марк Ф. Платнер // Демократія : антологія ; [упоряд. О. Проценко]. — К. : Смолоскип, 2005. — XXVIII. — 1108 с. — (Політичні цінності ; вип. 1). — С. 1051-1063. — С. 1052.

11. Бауман З. Завтра будет стыдно за то, чем можно гордиться сегодня [Электронный ресурс] / Зигмунд Бауман. — Режим доступа : <http://www.radio.cz/ru/statja/86515>.

12. Бауман З. Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства / Зигмунт Бауман ; [пер. з англ. І. Андрущенко / за наук. ред. М. Вінницького]. — К. : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. — 109 с. — С. 14-15.

13. Тойнбі А. Дослідження історії : В 2 т. / Арнольд Дж. Тойнбі ; [пер. з англ.]. — К. : Основи, 1995. — Т. 1 : [пер. з англ. В. Шовкуна]. — 614 с. — С. 202-203.

14. Тард Ж. Законы подражания. (Les lois de l'imitation) / Ж. Тард ; [переводъ съ французскаго]. — С.-Петербургъ : Изданіе Ф.Павленкова, 1892. — 372 с. — С. 216.

15. Земляной С. Фордизм Генри Форда / С. Земляной // Субботник НГ. — М., 2001. — № 9. — 12.03.2001. — С. 3.

16. Выражение ИМО включено в Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс] / internetua. — Режим доступа : <http://internetua.com/virajenie-IMO-vkluacseno-v-oksfordskii-slovar-angliiskogo-yazika>.

17. Тард Г. де. Общественное мнение и толпа [Электронный ресурс] / Габриэль де Тард ; [пер. с фр.]. — Режим доступа : http://mirknig.com/knigi/nauka_ucheba/1181161465-obshhestvennoe-mnenie-i-tolpa.html // MirKnig.com.

18. Тард Г. де. Общественное мнение и толпа [Электронный ресурс] / Габриэль де Тард ; [пер. с фр.]. — Режим доступа : http://mirknig.com/knigi/nauka_ucheba/1181161465-obshhestvennoe-mnenie-i-tolpa.html // MirKnig.com.

19. Еріксен Т. Г. Тиранія моменту: швидкий і повільний час в інформаційну добу / Томас Гілланд Еріксен ; [пер. з англ. В. Дмитрука]. — Львів : Кальварія, 2004. — 196 с. — С. 12.

Шевелев Егор Геннадьевич,
аспирант факультета психологии
Южно-Российского гуманитарного института,
г. Ростов-на-Дону

УВИДЕТЬ ВРЕМЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ В ВИЗУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

В статье с позиций постструктурализма обсуждается соотношение времени и визуального. Время рассматривается как конструкт, рождающийся на пересечении природных объектов, дискурсивных порядков и практик визуального наблюдения. Случай геологии рассматривается в качестве примера, убедительно демонстрирующего локальность, предметную и дисциплинарную обусловленность представлений о времени. Описываются базовые режимы конструирования представления о времени в локальных визуальных практиках, а также дискурсивные эффекты подобного конструирования

Ключевые слова: визуальные практики, наблюдатель, конструирование представлений о времени, геологическое время, геологический дискурс, темпоральность, репрезентации времени, медиа

ПОБАЧИТИ ЧАС: КОНСТРУЮВАННЯ УЯВЛЕННЯ ПРО ЧАС У ВІЗУАЛЬНИХ ПРАКТИКАХ

У статті з позицій постструктуралізму обговорюється співвідношення часу та візуального. Час розглядається як конструкт, що зароджується на перетині природних об'єктів, дискурсивних порядків і практик візуального спостереження. Випадок геології розглядається як приклад, що переконливо демонструє локальність, предметну та дисциплінарну обумовленість уявлень про час. Описуються базові режими конструювання уявлення про час у локальних візуальних практиках, а також дискурсивні ефекти такого конструювання

Ключові слова: візуальні практики, спостерігач, конструювання уявлень про час, геологічний час, геологічний дискурс, темпоральність, репрезентція часу, медіа

SEE THE TIME: CONSTRUCTION OF TIME CONCEPT IN THE VISUAL PRACTICES

The article discuss relationship between visual practices and time from positions of post-structuralism. Tim considered as a construct, which arises at the intersection of natural objects, discursive orders and practices of visual observation. The case

of geology is considered as an example, convincingly demonstrates the locality, subjectivity and disciplinary conditioning of time concept. Describes the basic modes of constructing of time concept in the local visual practices, as well as the effects of this discursive construction

Keywords: *visual practices, observer, constructing of time concept, geologic time, geological discourse, temporality, representation of time, media*

Проблема соотношения времени и зрительного образа — предмет интереса многих ученых и философов. Европейская система знаний, развивающаяся под знаком визуального, не может не искать точек соприкосновения зрения и картины времени как части общих представлений о мире.

Традиционно вопрос о соотношении времени и визуального — это вопрос о феномене и его культурных репрезентациях. Однако постнеклассический подход требует переосмысления этой связи и описания ее в терминах конструирования социальной реальности и позиции субъекта. Время как дискурсивный эффект, как то, что конституирует те или иные социальные практики и само конструируется в них — каким образом оно возникает, преобразуется и функционирует в поле социального? И как оно соотносится с *визуальными практиками*, генетически являющимися базовым способом получения знаний, их верификации и репрезентации в научном сообществе, особенно, в корпусе естественнонаучных дисциплин? Очевидно, что подобная рефлексия — это не просто попытка более глубокого понимания феномена времени, но переосмысление его места в системе «человек — окружающий мир». Необходимость такого переосмысления обусловлена процессом пересмотра оснований науки постсовременности. Именно это делает **актуальным** наше исследование, посвященное изучению локальных режимов конструирования и функционирования представлений о времени в визуальных практиках одной естественнонаучной дисциплины — геологии.

Цель нашего исследования — выявление и описание основных режимов конструирования и функционирования представлений о времени в геологических визуальных практиках.

В ходе исследования были определены основные **задачи**:

проблематизировать статус времени как базового концепта, организующего исследовательскую деятельность геологов;

изучить место картины времени в геологическом дискурсе и в визуальном дискурсе геологии в частности;

определить базовые стратегии репрезентации времени в визуальных практиках геологии;

описать трансформации картины времени в условиях изменения геологической визуальности.

Предметом исследования стали режимы конструирования картины времени в геологических визуальных практиках, а также функционирование этой картины в дискурсе геологического сообщества.

Объект исследования — данные неструктурированного включенного наблюдения, транскрипты записей естественно протекающей речи в ситуации учебной практики и лейтмотивных интервью геологов, полученные нами в ходе полевых исследований, проводившихся летом 2008 и 2009 года на базе Геолого-географического факультета Южного Федерального университета.

Исследование, выполненное в междисциплинарном стиле, опирается на дискурсивный подход М. Фуко к анализу социальных и политических эффектов производства знания, а так же на методологию исследований науки Б. Латура.

Увидеть время

Когда речь заходит о тех или иных способах видеть время, в фокус внимания попадают, в основном, способы его визуализации, будь то мифологические образы или научные метафоры. При этом за кадром остается то, каким образом само зрение, или, если угодно, визуальность связано с феноменом времени.

Классические представления о зрении мыслят его в психологических терминах ощущений и восприятия. Визуальный поворот, в рамках которого зрение было осмысленно как контекстуализированное, конструируемое в дискурсивных практиках, позволил по-новому взглянуть на то, кто именно, в каких условиях, на что и каким образом смотрит. Визуальный субъект или, как его называет Дж. Крери, *наблюдатель* активен (в отличие от пассивного зрителя) и конструируется на пересечении визуальных словарей, правил и конвенций относительно зрения, конкретных способов и приемов видения, различных зрительных протезов [1].

Идея рассмотрения связи времени, визуального субъекта и объекта наблюдения в геологии пришла в ходе междисциплинарного исследования визуальных практик в полевой исследовательской деятельности геологов. Специфика объектов, попадающих в поле интереса геологии и помещаемых в фокус геологической оптики такова, что их темпоральность во многом организует способы получения знаний, а режимы времени, с которыми сталкивается геолог, заставляют его занимать особую позицию наблюдателя. Для нас интерес представляет то, каким образом время, отраженное, обнаруженное или реконструированное в геологическом объекте, может воздействовать на позицию субъекта познания и, напротив, каким образом и до какой степени позиция наблюдателя конституирует, структурирует и обеспечивает существо-

вание тех или иных режимов времени, локализованных в природе как во внешнем относительно человека мире.

Каким образом принято смотреть на время в геологии? Описывая геологический взгляд на песок, Дж. Элкинс в своей книге «Как вы пользуетесь вашими глазами», рассуждает о том, как песчинка, проходя длительный цикл изменений и перерождений, сохраняет на себе следы природных процессов, в свое время оказавших на нее воздействие, и, в конечном итоге, как никакой другой пример, способна своим видом убедить автора в возможности существования вечности [2]. Однако есть в геологии объекты куда более масштабные, но отнюдь не менее хорошо репрезентирующие ход времени. Геологическое обнажение — выход пород, пластами лежащих друг на друге в порядке их естественного образования — это ли не свидетельство реального течения времени на протяжении многих сотен и тысяч лет?

Подобно способу рассматривания картин у искусствоведов, существуют определенные порядки и правила наблюдения геологических обнажений, как эксплицированные, так и не эксплицированные. Инструкция, которую мы можем обнаружить в методических пособиях к полевой практике по общей геологии для студентов геологического факультета, предписывает, прежде всего, рассмотреть выход пород в целом, охватить его взглядом (для этого нужно встать перед ним на расстоянии 5–7 метров, или же на таком, которое позволит видеть весь объект, а также часть ландшафта, в который он помещен). Оценив общее положение вещей, следует приступить к детальному изучению каждого отдельного видимого слоя пород, взять образцы, провести геологическое описание всего объекта. Обнажение описывается и изучается послойно, снизу вверх.

Что стоит за подобными инструкциями? Визуальный наблюдатель, следуя технологии, включается в ритмическую структуру, которая, с одной стороны, исходит со стороны природного объекта, а с другой — со стороны эпистемологической практики, организующей порядок зрительного восприятия. Так, режим описания геологического обнажения снизу вверх раз и навсегда устанавливает соответствие между порядком изучения объекта и порядком его возникновения. Логика следования естественному ходу времени не так очевидна, как это может показаться на первый взгляд, если учесть, что между теми или иными образованиями, следующими друг за другом в слоях пород (то есть, образовавшимися одно за другим) далеко не всегда прослеживается причинно-следственная связь. Казалось бы, темпоральность естественнонаучного взгляда приводится в соответствие с темпоральностью природного объекта, который изучается. Но что следует понимать под темпоральностью природного объекта и до какой степени она соотносится с привычными физической и астрономической моделями времени?

Представления о последовательном отложении пород в течение длительного времени принято связывать с именем Николаса Стено, который в XVII веке выявил принцип, в последствии легший в основу стратиграфии — дисциплины, изучающей земные слои [3]. В соответствии с этим принципом, вышележащие пласты горных пород, как правило, являются более молодыми относительно нижележащих. Графическое воплощение этого принципа — стратиграфическая колонка — отлично демонстрирует то, каким образом выводы Н. Стено в свое время сконструировали представления о времени геологии. Стратиграфическая колонка, наравне с зарисовкой обнажения, является важным способом визуальной репрезентации данных в геологии. Зарисовка, будучи генетически более ранним инструментом, сконцентрирована на конкретном объекте и стремится передать его особенности. Стратиграфическая колонка, в отличие от зарисовки, не отображает характера залегания слоев, уходя, тем самым, от конкретики локального объекта в область более абстрактной идеи временной последовательности образования тех или иных пород. Именно в этой точке вводится модус геологического времени, ход которого означает положением в нем объектов по принципу «раньше-позже». В то же время, стратиграфическая колонка как способ репрезентации, сходна с педокомпаратором, описанным Бруно Латуром в качестве средства достижения научной очевидности [4]. Педокомпаратор — ящик, в который помещаются образцы почвы с разной глубины — это, по мнению Б. Латура, своеобразная таблица, призванная сделать очевидными и подконтрольными любые изменения, происходящие в объекте научного изучения. Сходным образом, стратиграфическая колонка упорядочивает в визуальном опыте явление *последовательности*, вычлененное из общего поля и очищенное от непредсказуемых искажений со стороны локальных пространства и видимости. Таким образом, визуальный контроль распространяется с видимого объекта природы через его репрезентацию на режимы геологического времени-последовательности, стоящие за этим объектом. При этом само это время-последовательность — конструктор, следствие сегментирующего и классифицирующего взгляда. «Элементом» такого времени станет то, что геолог, обладающий соответствующим набором визуальных компетенций, увидит и определит как слой, объект или геологическое тело.

Наиболее высокого уровня абстракции и концентрации на идее представления геологического строения земли как функции процессов, развернутых во времени достигает геохронологическая шкала. Возникшая по итогам работы Международного геологического конгресса в конце XIX века, в последствии много раз дополнявшаяся и модернизовавшаяся, она воплотила в себя наиболее обобщенные представления о геологическом времени. При этом идея порядка следования различных пород была совмещена с астрономической системой вре-

менного отсчета и классической линейной и поступательной моделью времени.

Прослеживая генетическую линию от геологического обнажения к его зарисовке, затем к стратиграфической колонке и, наконец, к геохронологической шкале, мы видим, каким образом визуальная репрезентация структурирует картину времени, функционирующую в дисциплине и как эта картина формируется на пересечении линий, идущих от визуальной специфики природного объекта (очередность, порядок следования) и того, что привнесено в дисциплину со стороны общенаучной картины мира (шкала астрономического времени и ньютоновская поступательность). Будучи сконституированными посредством практик наблюдения и репрезентации, представления о времени сами оказывают конструирующее влияние на такие практики. Последнее можно наблюдать, когда полевой геолог-наблюдатель должен применять интерпретативную решетку, в качестве которой выступает геохронологическая шкала, для восприятия конкретного геологического объекта.

Времена геологии

Пример с визуальными репрезентациями в стратиграфии показал нам, каким образом локальные внутридисциплинарные картины времени могут родиться в конкретных визуальных практиках. Однако структура геологического времени оказывается куда более сложной, чем это может показаться на первый взгляд. Фактически можно говорить о наслоении нескольких временных режимов, которые на практике тесно переплетены и взаимно влияют друг на друга.

Первое отклонение от нормальной линейности и поступательности геологического времени, о котором необходимо сказать, связано с интерпретацией. Будучи дискретизированным, разбитым на промежутки (по визуальным критериям), геологическое обнажение подвергается анализу как результат определенных процессов, последовательно разворачивавшихся во времени. Иногда эти процессы могли отставать друг от друга на сотни и тысячи лет, иногда — сменять друг друга. Для наблюдателя важно не это, а тот законченный результат геологически значимых процессов, который представляет лежащая перед ним слоистая каменная масса. Этот результат должен быть прочитан.

Как пишет Ж. Делез: «Не только оптическое и звуковое, но также настоящее и прошлое, «здесь» и «в другом месте» формируют внутренние элементы и отношения, которые следует расшифровать и которые можно понять лишь в поступательном движении, аналогичном чтению» [5] Однако любой из слоев может быть проинтерпретирован и описан в терминах индивидуальной темпоральности. Это описание представляет собой реконструкцию процессов образования пород и условий, способствовавших этим процессам. Так, говоря о приливно-

отливной деятельности моря, выветривании или отложении ила, геолог обнаруживает их следы в конкретном видимом слое, но, в то же время, создает отдельный нарратив, перпендикулярный плоскости текста, читаемого в геологическом обнажении. В этом нарративе уже нет места дискретности. Напротив, границы порядка между теми или иными процессами зачастую стираются. Различные силы могут действовать параллельно или постепенно сменять друг друга. Порядок уходит на второй план, как уходит на второй план и астрономическое время, которое может быть определено лишь весьма приблизительно. Ход времени становится течением, которое оставляет знаки в виде более или менее окатанных песчинок, перекристаллизованной породы или гальки, принесенной издалека водами древних рек. Темпоральность становится диффузной, расплывчатой, хотя ход времени отлично прочитывается в знаках, обнаруженных в толще камня. Как отмечает М. Мерло-Понти, «если рассмотреть вещи сами по себе, таяние снегов и то, что из этого следует, не могут быть последовательными событиями, или, скорее, само понятие события не имеет места в объективном мире» [6]. Вслед за феноменологами мы можем утверждать, что восприятие последовательности событий требует наличия некоего свидетеля, способного сравнивать свои последовательные видения. Нарратив, реконструирующий определенный период прошлого, вполне может быть лишен событийности, однако, течение времени в нем отражено уже на уровне использования языка, когда, например, в описании применяются глаголы несовершенного вида.

Другое отклонение от линейного поступательного внутридисциплинарного движения времени, о котором здесь необходимо сказать, это своеобразная поливременность — наложение различных временных режимов существования объекта, которые, во-первых, прочитываются во внешних, визуальных его свойствах, а во-вторых, могут маскировать друг-друга, нарушать общий линейный временной порядок.

В геологических учебниках начала XX века можно встретить практические задания, описания простых опытов, позволяющих своими глазами увидеть и даже измерить скорость протекания оползневых процессов (сейчас подобные явления чаще отражены графически). Скорость движение оползня может быть измерена несколькими метрами в год. Разумеется, подобные величины не сопоставимы по времени, например, с осадконакоплением. Однако такие, а зачастую и более скоро текущие процессы способны значительно изменять визуальный строй наблюдаемого геологического объекта. Линейная поступательность осадконакопления изменяется вместе с образованием складчатости, опрокидыванием фрагментов ландшафта, смещением одних участков земной поверхности относительно других. В подобных случаях наблюдатель должен оперировать одновременно несколькими

временными режимами, которые наслаиваются друг на друга и являются взаимообуславливающими, хотя и отличаются друг от друга масштабами и характером. Для некоторых из этих режимов решающим оказывается порядок, для других — событийность, для третьих — процессуальность. Опыт работы с такой сложной и противоречивой картиной времени порождает особые визуальные практики, лежащие на границе с практиками телесными. Так, во время исследований полевой учебной практики студентов-геологов нами неоднократно фиксировались случаи, когда одновременно визуальному описанию стратиграфических особенностей объекта наблюдатель жестами моделировал характер залегания слоев, складки и т. п., по сути дела, используя свое тело как дополнительный инструмент контроля над следами процессов, протекавших или протекающих во временных режимах, параллельных базовому стратиграфическому порядку.

Геологическое время и медиа

Следует отметить, что геология как наука обладает, в некотором смысле, уникальным медийным статусом. Уникальность его в том, что в отличие от большинства других дисциплин естественнонаучного корпуса, активно пользующихся высокоточными измерительными приборами, она еще до недавнего времени отдавала приоритет невооруженному взгляду наблюдателя. В настоящее время, различного рода технические модификации геологического зрения проходят на фоне массовых изменений, связанных с медиализацией человеческой культуры в целом. Безусловно, внедрение медиарежимов в визуальные практики геологов сказывается на практически реализуемой системе представлений о времени внутри дисциплины.

Ж. Делез пишет: «Современная научная революция состояла в соотнесении движения уже не с привилегированными моментами, а с каким-угодно-мгновением» [7]. Кинематограф, ставший новой моделью темпоральности, позволил изображать движение как последовательность статичных срезов, не зависящих от завершенности, устойчивости, красоты или какого-то еще свойства объекта, присущего ему в определенный момент времени. Наука, вооружившаяся методами кино- и фотосъемки получила возможность улавливать свой объект в любой заданный промежуток времени. Новой моделью верификации знания через видимость стала возможность фиксации состояния объекта во временных срезах вместо фиксации «трансцендентных элементов (поз)» и домысливания промежутков между ними.

Насколько применима такая модель интерпретации процессов, разворачивающихся во времени, например, для геологического обнажения? Вопрос спорный. Мы можем помыслить некий прибор, подобный спектрометру, который можно было бы доставить в нужное место, ус-

тановить перед видимым геологическим объектом и провести сканирование, определить состав пород, датировать их через равные пространственные или временные промежутки. Насколько велико было бы отличие тех данных, которые были бы получены с помощью такого аппарата от обычных результатов полевого наблюдения? Оставляя в стороне дискуссии о целесообразности таких новшеств, мы должны констатировать: до тех пор, пока базовыми способами работы с геологическим объектом являются визуальные практики, темпоральность его будет подчиняться условиям, которые выдвигает человеческое зрение. Фигура и фон, дифференциальные пороги различения — то, что не позволяет отойти от «трансцендентных элементов», о которых говорит Ж. Делез. Дискретность видимого образа в сочетании с линейными практиками его прочтения и отсутствием возможности точной инструментальной датировки видимого обеспечивает функционирование особой системы времени, где главным мерилom выступают не какие-либо внешние шкалы и даже не внутренние шкалы, разработанные в рамках самой системы, а порядок субстрата, «до» и «после», существующие в пространстве и обозначающие ход времени.

Безусловно, сказанное выше — не повод обвинять геологию, являющуюся вполне современной наукой, в консервативности или отсталости. Однако то, каким образом медийные режимы восприятия просачиваются в практики научной дисциплины извне, заслуживает пристального внимания. Иногда такое просачивание может выглядеть, на первый взгляд, довольно курьезно. Так, однажды во время наших исследований, руководитель учебной геологической практики для студентов первого курса пожаловался на то, что за последние 3-5 лет все чаще студенты игнорируют общепринятый и обязательный порядок изучения геологических объектов, который предписывает сначала общий осмотр, а уж затем детальное описание. Действительно, нередко были случаи, когда студенты сразу же рассредотачивались, например, по геологическому обнажению, буквально «прилипая» к стенке выходящих пород и сразу же рассматривая объект на микростанции, периодически обсуждая и согласуя друг с другом увиденное. Нужно заметить, что особой эффективностью такая стратегия не блистала, но в то же время, сохранялась во многих учебных группах долгое время. Понять причину такого способа визуального взаимодействия с профессиональным объектом могут помочь современные представления о том, каким образом медийные средства изменяют визуальные порядки.

Так, В. Шкуратов вводит понятие видеодигмы для того, чтобы описать базовый способ взаимодействия современного человека с миром. Разветвленная сеть медийных средств с их жестким доминированием динамичного и все более ускоряющегося видеоряда изменяет ментальность людей, их мышление, формы и способы коммуникации, когнитивные режимы и т. д. [8]. Восприятие человека, воспитанного в

медиакультуре, видеоизменяется в соответствии с логикой видеообраза. И если в видеорядах, сопутствующих новостным сюжетам, увеличивается количество крупных и средних планов, а время статичности кадра сокращается до секундных значений, то мы можем ожидать соответствующих изменений когнитивных схем людей, воспитанных на подобной нон-стоп визуальности.

Возрастание скорости визуального осматривания, его клиповость и фрагментарность изменяют режимы восприятия времени. На смену линейности и поступательности приходит то, что Л. Манович называет сэмплированием реальности: «Эта культура требует не самостоятельных эстетических объектов или записей реальности, но небольших частей, которые легко можно изменять и комбинировать друг с другом в бесконечных вариациях» [9]. Подобное комбинирование выдвигает на первый план локальные временные режимы, рождающиеся в каждой конкретной точке при ее рассматривании. Однако, общая темпоральная связь нарушается, и возраст раковины, обнаруженной в конкретной точке геологического обнажения — это уже не часть времени всего объекта, а именно возраст раковины и того небольшого и динамичного участка, который попал в поле зрения наблюдателя вместе с ней.

Трудно предсказать перспективы вышеописанных изменений, связанных с медиализацией зрения. Нужно отметить, что существуют вполне легитимные медийные проекты, позволяющие, помимо всего прочего, связать актуальное время наблюдателя с геологическим временем. Так, геоинформационные системы (ГИС) дают возможность получать геологическую информацию в интерактивном режиме, превращая фрагментированность времени из недостатка в достоинство.

Как бы то ни было, описанный пример позволяет увидеть, как общекультурные контексты, изменяя режимы зрения в конкретной научной дисциплине, могут влиять также и на режимы времени, ею подерживаемые.

Итак, мы нашли целый ряд ракурсов, в которых время предстает как динамичный дискурсивный эффект, результат определенных практик и, одновременно, как концепт, не только структурирующий геологический дискурс, но и задающий определенные способы и траектории научного познания мира. Что из сказанного выше справедливо исключительно для геологии, а что может быть вынесено за пределы означенного поля? С уверенностью можно утверждать одно: нельзя говорить о времени исключительно как о внеположном человеку феномене или, напротив, как продукте только социально-психологическом. Знание же, использующее концепт времени для описания и объяснения своего объекта, должно рефлексировать относительно того, что подразумевается под временем в данном конкретном случае и каким образом это понимание времени возникло и функционирует в локальном контексте.

Литература

1. Crary J. The Techniques of Observer: On Vision and Modernity in the 19th Century. Cambridge — MA: MIT Press, 1992.
2. Elkins J. How to Use Your Eyes — NY: Routledge, 2000. — P. 181.
3. Гордеев Д. И. История геологических наук. Т. 1. — М. : МГУ, 1967. — С. 145.
4. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2006.
5. Делез Ж. Кино. — М. : Ad Marginem, 2004. — С. 317.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб. : Ювента; Наука, 1999. — С. 519.
7. Делез Ж. Кино. — М. : Ad Marginem, 2004. — С. 43.
8. Шкуратов В. А. Искусство экономной смерти. — РнД. : Наррадигма, 2006.
9. Манович Л. Будущее изображения. Электронный ресурс: <http://www.cyland.ru>

Шелякина Елизавета Константиновна,
магистрантка факультета психологии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

РАЗРАБОТКА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Задача данной статьи состоит в рассмотрении новой теоретической модели временной перспективы. Кроме того, изучаются факторы, определяющие свойства и динамику последней. Цель проекта достигается посредством разработки количественного психологического метода (опросника), апробированного на добровольцах. Результаты представленного анализа могут быть применены к различным процедурам и этапам как психологической исследовательской работы, так и психотерапевтической практики

Ключевые слова: *временная перспектива; интегральная эмпирическая модель; опросник временной перспективы; эмоциональный и когнитивный компоненты временной перспективы*

РОЗРОБКА ІНТЕГРАЛЬНОЇ ЕМПІРИЧНОЇ МОДЕЛІ ЧАСОВОЇ ПЕРСПЕКТИВИ

Завдання даної статті полягає в розгляді нової теоретичної моделі часової перспективи. Крім того, вивчаються фактори, що визначають властивості й динаміку останньої. Мета проекту досягається за посередництвом розробки кількісного психологічного методу (опитувальника), апробованого на добровольцях. Результати представленого аналізу можуть бути застосовані до різноманітних процедур та етапів як психологічної дослідницької роботи, так і психотерапевтичної практики

Ключові слова: *часова перспектива, інтегральна емпірична модель; опитувальник часової перспективи; емоційний і когнітивний компоненти часової перспективи*

NEW INTEGRAL EMPIRICAL APPROACH TO TIME PERSPECTIVE MODEL

The general purpose of this article is to examine a new theoretical model of time perspective. The additional point is determining factors which promote its features and dynamics. The goal of the project is achieved via the development of quantitative psychological method (questionnaire) submitted to test volunteers. The

results of the performed analysis can be applied to various procedures and stages of both psychological research work and psychotherapeutical practice

Keywords: *time perspective; integral empirical model; time perspective questionnaire; emotional and cognitive compounds of time perspective*

Время — неотъемлемый компонент реальности. В психологии оно встречается в разных ролях: как средство и цель изучения психики, фактор протекания и критерий эффективности психических процессов, важнейшая часть и главный предмет психологического исследования и т.д. Если в физической реальности для измерения времени существуют астрономические величины, то психологической репрезентацией времени считается временная перспектива, которая по определению К. Левина обозначает актуальные представления человека о своем будущем и прошлом, которые влияют на его поведение в настоящем.

Наиболее распространенным в мире психометрическим инструментом измерения индивидуальных особенностей временной перспективы является методика Ф. Зимбардо — опросник *Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI)*. Он предлагает пять измерений временной перспективы: негативное/позитивное прошлое, гедонистическое/фаталистическое настоящее и будущее. Однако возникает вопрос: являются ли выделенные Ф. Зимбардо измерения исчерпывающими для фиксации феномена временной перспективы?

Подробный анализ шкал опросника Ф. Зимбардо показывает, что выделенные им факторы содержательно неоднородны, что не позволяет говорить о том, что за каждым из них стоит единый конструкт, и предоставляет возможность ряду авторов вместо пятифакторной модели предлагать модели более высокой размерности. Кроме того, содержательный анализ шкал опросника показывает, что они выделены не по единому основанию. Шкалы прошлого сосредоточены в основном на эмоциональной окраске, шкалы настоящего отражают поведенческие стратегии, а шкала будущего — сосредоточенность на будущем.

Таким образом, можно констатировать **противоречие** между феноменом временной перспективы и его операционализацией, осуществленной, например, в самом популярном на сегодняшний день опроснике Ф. Зимбардо, компоненты модели которого не исчерпывают феномен временной перспективы.

В результате возросшего сегодня интереса к проблеме временной перспективы личности и ее связи с другими психологическими феноменами возникает потребность в переработке и дополнении психологической концепции Ф. Зимбардо и других исследователей с целью более полного, комплексного понимания психологического смысла феномена временной перспективы. Это, в свою очередь, влечет за со-

бой необходимость создания более эффективных исследовательских инструментов, способных обеспечить получение новых данных с целью подтверждения и расширения теоретических представлений.

Итак, **целью** данного исследования являлась разработка теоретической модели временной перспективы, призванной элиминировать недостатки модели Ф. Зимбардо, и создание адекватного ей инструмента измерения.

В соответствии с целью были сформулированы следующие **задачи** исследования:

1. Теоретические задачи:

- Провести анализ основных отечественных и зарубежных моделей временной перспективы; по итогам обобщения предложить релевантные измерения для систематического описания индивидуальных различий временной перспективы.

- Сравнить существующие инструменты измерения временной перспективы, выявить их достоинства и недостатки для всестороннего понимания феномена.

2. Методологические задачи:

- Разработать новый психометрический инструмент, опирающийся на метод субъективного самоотчета (опросник), позволяющий операционализировать предложенные измерения.

3. Эмпирические задачи:

- Проверить предположение о структуре разработанного опросника и соответствии ее теоретически ожидаемой (структурная валидность).

- Проверить предположение о надежности шкал разработанного опросника.

- Установить конвергентную валидность опросника по отношению к опроснику ZTP1.

Объектом исследования выступила временная перспектива, а **предметом** — ее эмоциональный и когнитивный структурные компоненты (измерения). В свою очередь, под временной перспективой мы будем понимать систему представлений индивида о его психологическом прошлом, настоящем и будущем.

Гипотезы исследования:

1) в структуре временной перспективы по отношению к каждому из трех временных локусов (прошлое, настоящее, будущее) можно выделить следующие компоненты: эмоциональный (содержание эмоций, их сила и заряд), когнитивный (конструктивность, структурированность, погруженность, оценка);

2) эти параметры временной перспективы могут быть зафиксированы с помощью метода субъективного самоотчета, что дает возможность разработки теоретически обоснованного измерительного средства;

3) структура разработанного опросника временной перспективы соответствует теоретически ожидаемой, шкалы являются надежными и демонстрируют конвергентную валидность.

Исходя из поставленных задач, в качестве основного метода исследования был выбран опрос. Разработана адекватная теоретической модели методика, позволяющая измерить в качестве переменных конкретные компоненты временной перспективы: эмоциональный (содержание эмоций, их сила и заряд) и когнитивный (конструктивность, структурированность, погруженность, оценка). Основная часть математической обработки была направлена на апробацию и валидизацию самого опросника, а не на психологический анализ полученных с его помощью результатов.

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе проводилась проверка структурной валидности опросника и отбор наиболее надежных пунктов (из 181 первоначальных пункта было отобрано 146). На втором этапе анализировалась конвергентная валидность по отношению к опроснику Ф. Зимбардо. Результатом исследования явился новый психометрический инструмент, позволяющий операционализировать измерения интегральной теоретической модели (ее эмоциональный и когнитивный компоненты).

1. Теоретические предпосылки создания интегральной модели временной перспективы

Проблематика временной перспективы личности, расположенная на стыке различных отраслей психологии, представляет особый интерес современной гуманитарной науки. В свое время к этой теме обращались многие выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, такие как С. Рубинштейн, Б. Ананьев, А. Леонтьев, К. Абульханова-Славская, Х. Эренвальд, П. Фресс, Ж. Пиаже и др. В настоящее время исследования продолжают: предлагаются новые подходы к пониманию феномена, разрабатывается оригинальный методический инструментарий, накапливается научный опыт. Среди российских психологов можно встретить работы Д. Леонтьева, В. Ковалева, А. Кроника, Е. Мандриковой, Р. Ахмерова, В. Слуцкого, С. Гончаровой и др., а среди зарубежных — исследования С. Мадди, Ф. Зимбардо, И. Фейгенберга и др. В зависимости от исторической и культурной эпохи исследователи и обыватели искали различные объяснения концепту времени и его свойствам. Точно так же и явление временной перспективы в разные периоды понималось учеными различных этнокультурных традиций неодинаково, а исследования и сейчас ведутся с разных ракурсов. В целом, временная перспектива представляет собой многогранную структуру, имеющую определенное содержание и включающую в себя ряд динамических параметров.

Впервые понятие «временная перспектива» предложил Курт Левин, понимая под ним «событийную концепцию психологического времени» [1]. Поскольку психологическое поле личности в данный момент имеет определенные границы, то и временная перспектива субъективна и индивидуальна. Человек ориентирован не только на события настоящего, но также имеет определенные планы и надежды на будущее, включаясь и в собственное психологическое прошлое. Поэтому, по мнению Левина, временная перспектива имеет большое значение для определения уровня творчества и инициативности человека. Автор считал, что психологическое прошлое, настоящее и будущее тесно связаны между собой, и под временной перспективой следует понимать непосредственное включение событий будущего и прошлого в план данного момента. Поведение человека определяется осознанием всех трех компонентов: его психологического прошлого, настоящего и будущего [2].

Более поздние исследования, проводимые в другом русле, показывают наличие связи между содержанием, глубиной временной перспективы и ретроспективы с половозрастными характеристиками человека, особенностями его мотивации, характерологическими свойствами, отношением к жизни в целом. В своей работе К. Абульханова-Славская [3] различает психологическую, личностную и жизненную временные перспективы. Можно также рассматривать временную перспективу через более широкое понятие «временной трансперспективы», понимая под ним сквозное виденье человеком своего настоящего и будущего в любом направлении, способность сопоставления и связывания в сознании событий прошлого, настоящего и будущего [4].

В настоящее время как зарубежными, так и отечественными исследователями дополнены и расширены знания в области временной личностной перспективы. Кроме протяженности, согласованности, оптимистичности, дифференцированности выделяются и такие параметры как направленность, плотность, когерентность (согласованность), эмоциональный фон. В таком ключе временную перспективу исследовали Г. Бороздина [5] и Х. Раппапорт [6].

Вокруг дискуссий о восприятии времени и концепции временной перспективы сложилось множество различных направлений. Естественно, каждая исследовательская единица (ученый, коллектив или научная школа) имели свое представление об объекте исследования. Поэтому необходимо рассмотреть основные подходы, по-своему раскрывающие те или иные свойства и стороны данной проблемы:

- **Деятельностный подход** (А. Леонтьев, О. Тихомиров, Н. Наумова, Л. Регуш и др.) рассматривает влияние времени, как одного из измерений, на формы деятельности субъекта, его выбор и осознание.

- **Мотивационный подход** (Ж. Нюттен, В. Ленс, З. Залески, Т. Гисме). Важное место занимает сама личность человека, ее устремления и жизненные цели.

- **Психопатологический подход** (Ф. Мелжес, Х. Раппапорт и А. Болотова, Е. Соколова и др). При рассмотрении отношения человека к своему психологическому времени, построению жизненных целей и стратегий данное направление раскрывает проблему психологического здоровья личности, исходя из непрерывности и целостности его временной перспективы.

- **Психобиографический подход** (Е. Головаха, А. Кроник, М. Гинзбург). Рассмотрение психологического времени ведется с точки зрения наличия связей между событиями в жизни человека и определение его психологического возраста.

Кроме того, существует ряд авторов, направление исследований которых нельзя выделить в отдельный подход. Они искали взаимосвязи между разными свойствами временной перспективы и пытались совмещать их между собой (например, К. Левин, Ф. Зимбардо и др.). Одним из наиболее широко раскрытых и комплексных подходов к временной перспективе личности является теория Ф. Зимбардо: «временная перспектива — это основной аспект в построении психологического времени, которое возникает из когнитивных процессов, разделяющих жизненный опыт человека на временные рамки прошлого, настоящего и будущего» [7]. Помимо пяти основных ориентаций (позитивное/негативное прошлое, гедонистическое/фаталистическое настоящее, будущее) Ф. Зимбардо и Дж. Бойд выделяли еще один вид временной перспективы — трансцендентное будущее, которое подразумевает разделение будущего на периоды до и после смерти [8].

Таким образом, большинство исследователей рассматривают временную перспективу в качестве психологического времени субъекта. Однако это неточное и неполное представление, поскольку сюда же необходимо отнести восприятие своего будущего, настоящего и прошлого времени самой личностью и расположение их относительно временной оси.

Исследованиям временной перспективы сегодня уделяется очень большое внимание. В Бельгии, например, полноценно функционирует Центр по изучению мотивации и временной перспективы (University of Leuven), основанный в 1961 г. Ж. Нюттенем, возглавляемый сегодня В. Ленсом. К основным же направлениям исследований по проблематике временной перспективы на сегодняшний день можно отнести изучение ее протяженности и глубины, структуры индивидуальной временной перспективы будущего и аффективных установок относительно личного прошлого, настоящего и будущего, экспериментальное разведения ближайших и отсроченных целей, различных типов инструментальных отношений между настоящими и будущими целями и т.д.

2. Интегральная модель временной перспективы

На основе анализа существующих подходов к изучению феномена временной перспективы нами была предпринята попытка построения собственной интегральной модели временной перспективы, которая бы не только охватывала все три временных локуса (прошлое, настоящее и будущее), но и помогла бы структурировать различные аспекты данного феномена, основными из которых мы считаем наличие определенной структуры, свойств, динамики и функций.

Структура временной перспективы, на наш взгляд, представляет собой совокупность следующих компонентов (по каждому временно-му локусу):

1) эмоционального, в рамках которого можно выделить *эмоциональное содержание, силу и заряд (знак)* эмоций;

2) когнитивного, в рамках которого мы выделяем следующие аспекты: *конструктивность* (отношение к прошлому, настоящему или будущему, определяющее готовность субъекта усваивать и рефлексировать прошлый опыт, текущие условия или будущие перспективы, что необходимо для эффективной деятельности), *погруженность* (частота мыслей о прошлом, настоящем и будущем человека, отражающая место, которое занимает каждый из временных локусов в его субъективной картине времени жизни), *структурированность* (рефлексия и понимание взаимосвязей, механизмов и тенденций, по которым развивается жизнь; логическая связанность и связность событий жизни в сознании индивида), а также когнитивную *оценку* прошлого, настоящего и будущего;

3) деятельностного (характер реализации субъективных представлений о времени в реальном поведении человека, их отражение в деятельности);

4) мотивационного (ценности, мотивы, смыслы, связанные со временем);

5) перцептивного компонента, имеющего хронологическую, смысловую плоскость и плоскость феноменов, связанных с восприятием времени.

Под **свойствами** временной перспективы мы понимаем ее *протяженность* (масштаб субъективного континуума по отношению к объективной хронологии), *плотность* (событийную и эмоциональную насыщенность) и *целостность* (интегрированность в единую картину времени жизненного пути личности).

Возможные изменения структуры и свойств временной перспективы под влиянием внешних и внутренних факторов мы обозначаем как **динамику**. В рамках этого аспекта можно предполагать *динамические свойства* (параметры способности временной перспективы изменяться, например, устойчивость, пластичность, жесткость/лабильность и т.д.), *экзо- и эндогенную динамику* (вызванную внешними либо внутренними факторами) и *виды динамики* (например, вынужденная/естес-

твенная, циклическая/поступательная/хаотичная, суточная/сезонная/многолетняя и т.д.).

Последним важным аспектом интегральной модели временной перспективы как психологического феномена, на наш взгляд, должны быть **функции** временной перспективы, т.е. характер ее влияния на жизнь человека. Среди основных функций можно назвать *структурную* (организация жизненного пространства и внутреннего мира человека), *регуляторную* (контроль протекания различных психологических процессов), *мотивационную* (которая тесно связана с мотивационным компонентом структуры) и *интегрирующую* (формирование самости, Я-концепции, представления о мире и своем месте в нем).

Схема интегральной модели представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 — Схема интегральной модели временной перспективы

К сожалению, в рамках данной работы не представляется возможным охватить все ключевые аспекты модели. Поэтому нами были эмпирически исследованы лишь два первых структурных компонента временной перспективы — эмоциональный и когнитивный.

3. Эмпирическое исследование эмоционального и когнитивного компонентов временной перспективы

3.1. Программа эмпирического исследования

Исходя из поставленной задачи изучения структуры феномена временной перспективы, был выбран описательный план исследования, подразумевающий большие размеры выборки (по двум сериям исследования N=294; средний возраст 24 года).

Поскольку объект исследования не предполагает особых критериев отбора испытуемых, репрезентативность выборки достигалась путем простого случайного подбора добровольцев (в основном, студентов). Соответственно, объем выборки был максимальным, без последующего уравнивания по полу и возрасту. Для установления структурной и конвергентной валидности использовалась Интернет-выборка ($N_1=177$, возраст от 17 до 58 лет с медианой в 25; $N_2=117$, возраст от 17 до 31 года с медианой в 21).

Исследование проводилось в ситуации Интернет-опроса, где испытуемым (добровольцам) предлагалось поучаствовать в исследовании, направленном на изучение представлений о времени, и давалась следующая инструкция: «Пожалуйста, оцените степень согласия с приведенными утверждениями по пятибалльной шкале, где 1 — полностью не согласен, 3 — затрудняюсь ответить (нечто среднее), 5 — полностью согласен». Соответственно, для ответов на вопросы был выбран порядковый тип шкал, позволяющий использовать для установления связи двух измерений ранговую корреляцию Спирмена. Утверждения опросника подвергались автоматической рандомизации в рамках каждого из трех блоков в каждой временной модальности (прошлом, настоящем и будущем) с целью минимизации эффекта последовательности и предъявлялись испытуемому в случайном порядке. Внутренние шкалы опросника соответствовали компонентам временной перспективы, зафиксированные в теоретически ожидаемой модели. Методы количественной статистической обработки (эксплораторный факторный анализ, анализ надежности шкал, корреляционное исследование конвергентной валидности опросника) реализовались в пакете SPSS версии 19.0 и пакете Statistica версии 8.0.

3.2. Описание результатов

3.2.1. Результаты первой серии исследования

Целью первой серии исследования был анализ пунктов опросника и отбор тех из них, которые окажутся наиболее полно отражающими основные теоретические аспекты модели, наиболее понятными испытуемым и демонстрирующими высокие показатели внутренней согласованности с соответствующей шкалой. Проверка надежности шкал эмоционального (см. табл. 1) и когнитивного компонентов осуществлялась отдельно.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ НАДЕЖНОСТИ ШКАЛ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОПРОСНИКА (АЛЬФА КРОНБАХА).

Эмоциональный компонент	Прошлое	Настоящее	Будущее
Содержание	.845	.898	.917
Сила	.752	.798	.821
Заряд	.813	.836	.887

Для когнитивного компонента предварительно был проведен разведывательный факторный анализ, в котором четко выделилось три фактора (погруженность, структурированность, когнитивная оценка), для остальных пунктов был проведен анализ надежности с целью отбора хорошо работающих в рамках единой шкалы (конструктивность) пунктов.

На основе проведенного анализа утверждения, показавшие высокий уровень надежности, были отобраны для проведения второй серии исследования.

3.2.2. Результаты второй серии исследования

Целью второй серии исследования был анализ надежности пунктов опросника и проверка конвергентной валидности методики. По результатам пилотажа было отобрано 146 утверждений, дополненных 56 пунктами ЗТРИ. Таким образом, испытуемым предъявлялось 202 автоматически рандомизированных для каждого испытуемого утверждения, степень согласия с которыми оценивалась по пятибалльной шкале Лайкерта.

На этапе анализа полученных данных, как и в первой части исследования, обратные утверждения были инвертированы, а затем отрицательные субшкалы перекодировались в те же переменные, но с противоположными значениями, и проводился анализ надежности путем вычисления альфы Кронбаха.

Таблица 2

ПОКАЗАТЕЛИ НАДЕЖНОСТИ ШКАЛ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА (АЛЬФА КРОНБАХА).

Эмоциональный компонент	Прошлое	Настоящее	Будущее
Эмоциональное содержание	.902	.927	.870
Сила эмоций	.715	.787	.676
Заряд эмоций	.846	.871	.808

Процедура анализа шкал когнитивного компонента выглядела аналогичным образом.

Таблица 3

ПОКАЗАТЕЛИ НАДЕЖНОСТИ ШКАЛ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ (АЛЬФА КРОНБАХА).

Когнитивный компонент	Прошлое	Настоящее	Будущее
Конструктивность	.776	.753	.863
Погруженность	.808	.667	.808
Структурированность	.790	.854	.805
Оценка	.787	.778	.855

После анализа надежности шкал осуществлялась проверка конвергентной валидности. Для этого на первом этапе вычислялись суммарные баллы по всем утверждениям каждой шкалы (естественно, обратные пункты были перевернуты для достижения гомогенности шкал). Таким образом, было получено девять шкал эмоционального компонента, двенадцать шкал когнитивного компонента и пять шкал опросника Зимбардо (позитивное прошлое, негативное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее, будущее). Всего на данном этапе в исследовании участвовали двадцать шесть измерительных шкал.

Корреляционный анализ, необходимый для выяснения конвергентной валидности, требует однородности всех шкал. Для того, чтобы убедиться, что во всех случаях максимальное проявление признака соответствует максимальному значению переменной, была проведена дополнительная проверка: с помощью критерия Спирмена измерялся уровень связанности шкалы со случайным прямым утверждением из соответствующего массива — корреляция прямого вопроса со шкалой во всех случаях была значимой и положительной.

Убедившись в гомогенности шкал, мы провели второй этап корреляционного анализа с целью проверки наличия связи между утверждениями созданной нами методики и пунктов опросника Ф. Зимбардо.

Таблица 4

МАТРИЦА КОЭФФИЦИЕНТОВ КОРРЕЛЯЦИИ ПО ШКАЛАМ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО (N=117).

Шкалы	Позитивное прошлое	Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Фаталистическое настоящее	Будущее
Прошлое					
Содержание эмоций	.482**	-.495**	-.146	-.287*	.227
Сила эмоций	.423**	.278*	.284*	.143	.051
Заряд эмоций	.453**	-.436**	-.033	-.211	.149
Конструктивность	.315**	-.360**	.060	-.448**	.258*
Погруженность	.007	.557**	.375**	.562**	-.026
Структурированность	.479**	-.221	.069	-.151	.414**
Оценка	.382**	-.409**	-.147	-.059	.241*
Настоящее					
Содержание эмоций	.170	-.584**	-.116	-.498**	.174
Сила эмоций	.210	.037	.084	-.022	.329**
Заряд эмоций	.134	-.518**	-.149	-.546**	.261*

Шкалы	Позитивное прошлое	Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Фаталистическое настоящее	Будущее
Конструктивность	.173	-.449**	.090	-.416**	.441**
Погруженность	-.071	-.014	.325**	-.042	-.001
Структурированность	.212	-.370**	-.081	-.329**	.463**
Оценка	.107	-.274*	-.177	-.113	.052
Будущее					
Содержание эмоций	.328**	-.555**	-.061	-.396**	.133
Сила эмоций	.261*	.006	.112	.035	.383**
Заряд эмоций	.294*	-.387**	.039	-.243*	.294*
Конструктивность	.093	-.256*	-.130	-.396**	.589**
Погруженность	.031	-.219	-.203	-.332**	.423**
Структурированность	.047	-.182	-.133	-.189	.455**
Оценка	.138	-.109	-.033	-.157	.146

** Корреляция значима на уровне .01 (двусторонняя).

* Корреляция значима на уровне .05 (двусторонняя).

3.3. Обсуждение результатов

Результатом исследования стал опросник с надежными шкалами, адекватными теоретической модели.

В качестве доказательств неартефактности полученных результатов можно упомянуть, во-первых, отсутствие непосредственного взаимодействия с испытуемыми, что элиминировало влияние экспериментатора на ход исследования. Это достигалось благодаря электронной версии опросника, который испытуемые заполняли удаленно. Это также приблизило ситуацию исследования к естественным условиям: респонденты отвечали на вопросы при комфортных для себя обстоятельствах, были неограничены по времени, а инструкция позволяла делать перерывы при обнаружении усталости. Еще одним достоинством подобного формата проведения исследования является, несомненно, возможность автоматической рандомизации утверждений методики, в результате которой испытуемым предъявлялись пункты опросника в случайном порядке. Это свело к минимуму такой вид артефактности как эффект последовательности.

3.3.1. Обсуждение результатов первой серии исследования

Факторная структура эмоционального компонента продемонстрировала близость содержательного блока блоку заряда, что являлось теоретически ожидаемым. Это обусловлено тем, что люди в обычной жизни не воспринимают чистое содержание эмоций оторвано от их позитивного или негативного отражения текущей ситуации. Однако вряд ли категория содержания является избыточной, поскольку восприятие человека неоднозначно и ситуативно обусловлено (например, человек может быть приятно удивлен или неприятно поражен). Следовательно, одна и та же эмоция иногда может коррелировать и с позитивным, и с негативным зарядом, хотя в большинстве случаев этот момент культурно обусловлен и, по-видимому, закрепляется в процессе социализации.

Шкала эмоционального содержания также демонстрирует очень высокие показатели надежности. Незначительно нарушающие однородность шкалы пункты «удивление» и «интерес» по результатам факторного анализа были условно отнесены к нейтральным эмоциям, что позволило сделать вывод о необходимости дополнить данную субшкалу. Это было осуществлено на основе данных предложенной испытуемым графы «Другое», в которую они могли вписать эмоции, которые испытывают по отношению к своему прошлому, настоящему или будущему и которых, по их мнению, не хватает в списке.

Четко выделившиеся три блока (погруженность, структурированность, оценка) в процессе проведения факторного анализа когнитивного компонента соответствовали теоретически ожидаемым. Сложности со шкалой конструктивности могли возникнуть по нескольким причинам. Во-первых, этот блок требует от испытуемых значительного уровня рефлексивности, что не так просто встретить в среде непсихологов (идея проверки рефлексивности существовала изначально, но из-за и без того значительных размеров анкеты ее реализация была отложена до дальнейших этапов исследования). Во-вторых, конструктивное отношение к жизни предполагает множество мыслительных операций (анализ, обобщение и т.п.), которые неочевидно могли быть связаны для испытуемых с собственно конструктивным отношением к своему прошлому, настоящему и будущему. Поэтому в окончательный вариант опросника были выделены лишь пункты, демонстрирующие максимальную надежность в рамках шкалы.

3.3.2. Обсуждение результатов второй серии исследования

Анализ надежности шкал эмоционального компонента продемонстрировал очень высокие показатели по данному параметру. Даже при условии, что нейтральные эмоции по-прежнему вносят некоторую неоднородность в шкалу, альфа Кронбаха достигает уровня 9 и выше (заметим, что при альфе, равной восьми, шкалу можно использовать как психодиагностическую).

Небольшое снижение надежности шкал также может зависеть от выборки. Поэтому необходимо дополнительное исследование на выборке других возрастных групп.

Что касается анализа надежности пунктов когнитивного компонента, то здесь некоторое снижение параметра было обусловлено пунктом «Я удовлетворен...» (во всех трех временных локусах). Это доказывает, что удовлетворенность лишь пересекается, но не исчерпывается понятием когнитивной оценки (например, человек может понимать, что объективно у него в жизни все хорошо, но все равно быть ею неудовлетворенным).

Особое место во второй серии исследования занимала проверка конвергентной валидности опросника путем корреляции соответствующих шкал со шкалами опросника Ф. Зимбардо.

Во временном локусе «прошлое» существует теоретически ожидаемой корреляции между эмоциональным компонентом (полностью — содержание, сила, заряд) и позитивным/негативным (обратная корреляция) шкалами прошлого Ф. Зимбардо. Причем, сила эмоций более выражено связана с позитивным прошлым. Эта идея сродни психоаналитическому вытеснению: негативные моменты прошлого вытесняются в бессознательное, поэтому кажется, что позитивные эмоции сильнее и ярче.

Также, чем сильнее эмоции человек испытывает по отношению к своему прошлому, тем более выражена его ориентация на гедонистическое настоящее. Если вернуться к предыдущему выводу и предположить, что положительные эмоции субъективно сильнее отрицательных, то можно заключить, что испытав сильные яркие позитивные эмоции в прошлом, человек стремится получать большее удовольствие и от жизни в настоящем. Для фаталистического настоящего ситуация обратная: условно негативные эмоции в прошлом толкают человека отказаться от активного включения в жизнь в настоящем.

Оказалось также, что чем более конструктивно отношение к прошлому, тем прошлое позитивнее и наоборот. Это говорит о том, что конструктивное отношение позволяет человеку достигать своих целей и строить жизнь в соответствии с собственным планом, избегая повторения ошибок. Такие люди менее склонны к фатализму и более ориентированы на будущее.

Вышеизложенную идею о вытеснении незначительных отрицательных эмоций в прошлом подтверждает также тот факт, что ориентация на негативное прошлое присутствует при высокой степени погружения человека в прошлое и способствует его дальнейшей ориентации на негативное прошлое. С другой стороны, погруженность может привести как к гедонистическому, так и к фаталистическому настоящему, по-видимому, в зависимости от силы и заряда эмоций, которые человек испытывал.

При ориентации на позитивное прошлое, прошлое в целом оказывается более структурированным. Человеку приятно думать о прошлом, проследить взаимосвязи и анализировать механизмы, по которым жизнь складывалась, что способствует также ориентации на будущее: осознав законы, по которым складывается жизнь, человек стремится выстраивать свое будущее.

Когнитивная оценка логично связана с позитивным и негативным прошлым (обратная корреляция), поскольку процедура самоотчета, реализованная в ЗТРИ, по сути, и основана на когнитивной оценке человеком тех или иных утверждений о собственном прошлом. Также позитивная оценка прошлого способствует ориентации на будущее: имея позитивный опыт, человек не видит причин, почему будущее должно быть другим.

Что касается настоящего, то негативные эмоции текущего момента тесно связаны с негативным прошлым и фатализмом. Видимо, сказывается определенная разочарованность в жизни. С другой стороны, сильные эмоции в настоящем способствуют ориентации на будущее: людям хочется позитивные эмоции продлить, а негативные скорее пережить. К тому же, сильные позитивные эмоции в настоящем вселяют «уверенность в завтрашнем дне».

Менее негативное прошлое — залог более конструктивного настоящего. Человек не отвлекается на переживания и сосредотачивается на максимизации своей эффективности. Соответственно, он ориентирован не на фатализм, а на будущее, т.е. на проработку своей жизни.

Гедонистическое настоящее тесно связано с погруженностью: такие люди буквально ловят каждый момент и наслаждаются жизнью.

Логично также, что фаталистическое настоящее неструктурировано: человек не видит смысла проследить закономерности собственной жизни, ведь для него все равно все решает судьба или высшие силы. Отсутствие структуры настоящего также связано с негативным прошлым, а ее наличие — с ориентацией на будущее.

Данные когнитивной оценки в настоящем позволяют снова предположить определенную разочарованность в жизни: чем более негативным было прошлое, тем хуже человек оценивает настоящее.

Параметры эмоционального компонента будущего сильно зависят от содержания прошлого: если человек считает, что в прошлом было плохо, то и от будущего не ждет подарков и наоборот. Интересно, что чем сильнее выражена фаталистичность настоящего, тем хуже человек думает о будущем, а чем сильнее он уже в текущий момент ориентируется на будущее, тем лучшим оно ему представляется.

Негативное прошлое и фаталистическое настоящее связаны не только с неконструктивным прошлым и настоящим, но и с неконструктивным будущим. Примечательно, что чем больше фатализм, тем

меньше человек погружен в будущее, т.к. ему, видимо, неизвестно, подарит ли судьба завтрашний день.

Ориентация на будущее также связана со структурированностью будущего: человек думает о нем, мечтает, планирует, словом, выстраивает будущее. Поэтому подобный вопрос анкеты не вызывает у него диссонанса.

Таким образом, в результате исследования были подтверждены гипотезы:

1) в структуре временной перспективы по отношению к каждому из трех временных локусов (прошлое, настоящее, будущее), можно выделить эмоциональный (содержание, сила, заряд) и когнитивный (конструктивность, структурированность, погруженность, когнитивная оценка) компоненты;

2) эти параметры временной перспективы могут быть зафиксированы с помощью метода субъективного самоотчета, что дает возможность разработки теоретически обоснованного измерительного средства;

3) структура разработанного опросника временной перспективы соответствует теоретически ожидаемой, шкалы являются надежными и демонстрируют конвергентную валидность.

3.4. Выводы

1. На основе теоретического анализа основных отечественных и западных моделей временной перспективы и сравнения существующих инструментов измерения была разработана новая интегральная модель временной перспективы.

2. Был создан адекватный теоретической модели метод субъективного самоотчета (опросник), позволяющий операционализировать предложенные измерения.

3. Разработанный опросник обладает структурной валидностью — по отношению к каждому из трех временных локусов (прошлое, настоящее, будущее) можно выделить эмоциональный (содержание эмоций, их сила и заряд) и когнитивный (конструктивность, структурированность, погруженность, оценка) компоненты, следовательно, структура опросника соответствует теоретически ожидаемой.

4. Выделенные шкалы являются надежными.

5. Опросник демонстрирует конвергентную валидность.

Заключение

В данной работе была предложена новая интегральная модель временной перспективы и психометрический инструмент (опросник), с помощью которого проводилась апробация и валидизация модели.

Подобный подход, на наш взгляд, актуален и востребован в современном мире, где многие науки (и психология в том числе) движутся в

сторону эклектизма и синергии. Кроме того, высокие показатели надежности полученных шкал позволяют использовать предложенный инструмент в психодиагностических целях для широкого круга задач.

В качестве ограничений исследования выступали размер и параметры выборки. Для более тщательного и детального изучения необходим дополнительный анализ надежности шкал, в частности, с использованием выборок других возрастных групп и большего объема. Кроме того, в дальнейшем планируется исследовать и операционализировать другие содержательные блоки интегральной теоретической модели.

Литература

1. Lewin K. Field Theory and Experiment in Social Psychology: Concepts and methods // American Journal of Sociology. 1939. — Vol. 44. — Pp.868-897.
2. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент». Психологическая экология // Хрестоматия по истории психологии / Под. ред. П. Я. Гальперина и А. Н. Ждан. — М. : Изд-во МГУ, 1980. — С. 131-145.
3. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. — СПб.: Алетейя, 2001. — 304 с.
4. Ковалев В. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. — М. : Наука, 1995. — С. 179-184.
5. Бороздина Г. В. Психология делового общения: Учебное пособие. — М. : ИНФРА-М, 1998. — 222 с.
6. Rappaport H., Enrich K., Wilson A. Relation Between Ego Identity and Temporal Perspective // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. — Vol. 48 (6). — Pp. 1609-1620.
7. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. — Vol. 77. — Pp. 1271-1288.
8. Zimbardo P. G., Keough K. A., Boyd J. N. Present time perspective as a predictor of risky driving // Personality and Individual Difference. 1997. — Pp. 1007-1023.

Content

<i>Introduction</i>	5
<i>Philosophical aspects of the problem of the time</i>	11
Drobovych A. Eternity in temporal moduses: an attempt to worldview analyzing	12
Illin I. The power of the time. Brand as micropolitics of capital	25
Kushov I. Time structure of vital activity	37
Pleshkov A. Concept AION in ancient greek philosophy: fullness of being-and-time	47
Sushkevich T. The Transformation of the Category of Time in P. Zagrebelnyi's Novels about Kyiv Rus	63
<i>Political aspects of the problem of the time</i>	74
Andrushchenko M., Baginskiy A. The principles of kairopolitics: temporal square, turbulence, funnel of causality	75
Buldovych P. Time forms in political communication	88
Prokopchuk D. Political meaning of the life-time	102
Sytcheva A. Time fluctuation in politics of Ukraine and Russian Federation: vertical and gorizontal dimensions	112
<i>Social and psychological aspects of the problem of the time</i>	123
Deyneko A. «Network time» as an alternative to a social time in the Internatization totality: from the «time-in-network» to the «time-for-network»	124

Kolotyrkina Y. The relationship between type of depressive disorder and specificity of residing existential given of death.	140
Kuts M. Expendability as a challenge to monotony: temporal subtext	150
Shevelev E. See the time: construction of time conception in the visual practices.	160
Sheliakina I. New integral empirical approach to time perspective model	171

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(Російською мовою)

Підписано до друку 30.11.2011. Формат 60x84^{1/16}
Друк офсетний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Умовн. друк. арк. 11. Наклад – 120 прим.

Видавництво «Центр учбової літератури»
вул. Електриків, 23 м. Київ 04176
тел./факс 044-425-01-34
тел.: 044-425-20-63; 425-04-47; 451-65-95
800-501-68-00 (безкоштовно в межах України)
e-mail: office@uabook.com
сайт: www.cul.com.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2458 від 30.03.2006